КН. Н. С. ТРУБЕЦКОЙ

К ПРОБЛЕМЕ РУССКОГО САМОПОЗНАНИЯ

СОБРАНИЕ СТАТЕЙ

ЦГАОР
3620
61/10263

ЕВРАЗИЙСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
1927

ИНСТИТУТ
НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
Академии наук СССР
013-601
10

ОТ АВТОРА.

Одним из самых важных понятий, лежащих в основе евразийского учения, (м. б. прямо самым важным) является понятие личности. На этом понятии строятся и философская, и историософская, и социологическая, и политическая стороны евразийства. При этом, евразийство значительно углубляет и расширяет понятие личности, оперируя не только частно-человеческой, но и с многочеловеческой, «симфонической» личностью. Так, личностью с евразийской точки зрения является не только отдельный человек, но и народ. Мало того, даже целая группа народов, создавших, создающих или могущих создать особую культуру, рассматривается как особая личность: ибо культура, как совокупность и система культурных ценностей, предполагает целесообразное творчество, а такое творчество предполагает личность, немыслима без личности. Т. о., наряду с частночеловеческими личностями существуют личности многочеловеческие, как частнонародные, так и многонародные. Всякая личность конкретно проявляется в каком-нибудь определенном своем состоянии, или индивидуации. Наблюдаемая извне, жизнь частночеловеческой личности как-бы сводится к непрерывному ряду безконечного числа таких индивидуаций, сменяющих друг друга во времени, причем отдельные вырванные из этой цепи индивидуации (напр. индивидуации данного человека в детстве, в молодости, в зрелом возрасте и в старости) могут довольно сильно отличаться друг от друга; вглядываясь пристальнее, можно заметить, что в жизни всякой частночеловеческой личности таких «индивидуационных рядов» не один, а несколько, ибо каждая личность имеет несколько ликов, которые все сосуществуют одновременно, но конкретно проявляются каждый в своих особых, сменяющих друг-друга во времени индивидуациях: так, «я — в кругу семьи» и «я — на службе или на работе» — два разных лика одной и той-же частночеловеческой личности, причем — каждый из этих ликов изменяется во времени, т. е. имеет сейчас не совсем те-же индивидуации, что десять лет тому назад, и т. д. Но личность не совпадает ни с одним из этих ликов и ни с одной из этих индивидуаций: личность есть связь и совокупность всех их. Все это относится и к частночеловеческой, и к многочеловеческой личности. Но в то время как у частно-человеческой личности имеются только разновременные (т. е. сменяющие друг друга во времени) индивидуации, у личности многочеловеческой, наряду с разновременными имеются и одновременные, (т. е. сосуществующие друг с другом в одно и то-же время) индивидуации;

такими одновременными индивидуациями многонародной личности являются отдельные входящие в нее народы и т. д. Таким образом, каждая частночеловеческая личность может быть и индивидуацией (одновременной) какой-нибудь многочеловеческой личности, каждая частнонародная личность — индивидуацией многонародной. При этом, следует иметь ввиду, что народ как личность может иметь несколько одновременных индивидуаций местного (диалектического) характера, каждая из которых, рассматриваемая как личность, опять может иметь несколько более частных индивидуаций и т. д.,—так что между народом с одной стороны и частночеловеческой личностью с другой находится как-бы несколько концентрических кругов суживающихся индивидуаций.*) Аналогичная картина получается и если рассматривать народ как индивидуацию многонародной личности: народ может оказаться не просто индивидуацией этой многонародной личности, а индивидуацией какой-нибудь из ее «диалектических» индивидуаций, и т. д. В принципе каждая личность есть (фактически или потенциально) индивидуация другой, более «объемистой» личности. Существует как-бы особая иерархия личностей, —по признаку вхождения их друг в друга. Каждая личность конкретно существует в контексте этой иерархии личностей, т. е. эмпирически существует постольку, поскольку с одной стороны имеет определенные индивидуации, а с другой — сама является одновременной индивидуацией другой личности. Кроме этой, так сказать, «статической системы» иерархии личностей, существует как уже сказано было выше, для каждой личности и своя «динамическая система» сменяющих друг друга «разновременных индивидуаций». В каждый данный момент каждый данный человек является членом как той, так и другой системы.

Личность неразложима и неповторима, а потому не может быть вполне познана средствами человеческаго рассудка. И все-же она может и должна быть предметом научного и философского изучения: изучаться при этом могут либо общие законы существования личности и отношения личности к миру и к другим личностям, либо формы эмпирического проявления как личности вообще, так и какой-нибудь конкретной данной личности. Изучением всего это занимается целый ряд наук. Но координировать эти науки должна особая наука о личности — персонология. Фактически этой науки до сих пор нет. Ее отсутствие является чувствительным пробелом в европейском научном мышлении, которое именно благодаря этому пробелу неспособно построить настоящей системы наук. Но пробел этот знаменателен и характерен, ибо основным пороком европейской культуры и цивилизации является забвение и извращение природы личности. Одной из главных задач культуры будущего должно явиться создание условий, при которых личность (как частночеловеческая, так и многочеловеческая) могла-бы полно осуществлять свою истинную природу. Сообразно с этим должны перестроиться все стороны культуры, в том числе и наука. Создание научной персонологии является неот.

*) Что касается до классов, сословий и проч., то их не всегда можно рассматривать как индивидуации частнонародных личностей. В большинстве случаев такие внутринародные социальные группировки функционально соответствуют не индивидуациям, а ликам (в вышеуказанном смысле).

ложной очередной задачей в этом направлении. Как сказано выше, эта наука должна координировать друг с другом несколько других наук, до сих пор развивавшихся совершенно независимо друг от друга. Поэтому, путь к созданию научной персонологии состоит в том, чтобы каждая из тех наук, которые, впоследствии должны быть координированы при помощи персонологии уже сейчас, во первых старались согласоваться друг с другом, равняться друг по другу, во вторых, в своих построениях исходили из понятия личности (частночеловеческой и многочеловеческой) и оперировали с этим понятием.

Конкретная человеческая (частночеловеческая и многочеловеческая) личность не есть исключительно психическое явление. Личность имеет и дух и плоть, и выявляется не только в духовной, но и в плотской сфере. Между духом и плотью каждой конкретной личности существует такая тесная функциональная связь, что раздельное изучение одной лишь духовной или одной лишь плотской стороны личности возможно всегда лишь в порядке абстракции; но возможно и синтетическое изучение, направленное сразу на обе стороны одной личности как психофизического целого. Мало того, личность реально существует в определенном физическом окружении, между этим окружением и личностью устанавливаются теснейшие связи. Для личностей многочеловеческих (народных и многонародных) эта связь с физическим окружением (с природой территории) настолько сильна, что приходится говорить прямо о неотделимости данной многочеловеческой личности от ее физического окружения и рассматривать это физическое окружение как продолжение данной многочеловеческой личности, во всяком случае, как некоторый ее коррелат, причем, самую связь между личностью и ее физическим окружением приходится рассматривать как функциональную, совершенно оставляя в стороне вопрос, личность-ли избрала это подходящее для нее физическое окружение, или физическое окружение повлияло на эту личность, приспособив ее к себе. Таким образом, предметом исследования может стать соединение личности с ее физическим окружением; описательное исследование конкретной многочеловеческой личности в конечном счете должно направляться именно на этот наиболее широкий по своему объему предмет, — на данную личность как психофизическое целое, в соединении с ее физическим окружением.

Но, естественно, что в порядке разделения труда это описательное исследование может и должно производиться несколькими специальными науками: одна наука будет изучать физическое окружение, другая — плотскую сторону данной многонародной личности, ее антропологические признаки и т. д.; могут потребоваться даже и более дробные подразделения, напр. из наук, занятых изучением данного физического окружения, одна направит свое внимание на почву, другая на растительность и т. д. Самое описательное исследование данной личности производится, разумеется, по ее наружным проявлениям, т. е. по индивидуациям и ликам, причем и здесь происходит дифференциация и разделение труда между отдельными науками: одни науки заняты только динамической системой, т. е. изучают смену индивидуаций данной личности во времени, биографию (или, в применении к многочеловеческой личности — историю) данной личности или отдельных ее ликов и форм проявления, другие изучают разные формы проявления этой личности ста-

тически, в данный момент; наконец, когда предметом исследования является многонародная личность, то целесообразно бывает изучать отдельно и каждую из одновременных индивидуаций этой личности, т. е. каждый из народов, образующих данную этническую группу. Таким образом, исследование ведется сразу несколькими науками, — географией, антропологией, археологией, этнографией, статистикой, историей, историей искусства, и т. д. Но важно, чтобы все ученые, ведущие эту работу, сознавали, что их личный труд есть только часть общего исследования, и что общим предметом этого исследования является именно данная конкретная многочеловеческая личность в ее физическом окружении. При такой установке сознания естественно возникнет потребность согласовать результаты, добытые отдельными науками, вдуматься в смысл этих результатов; это приведет к тому, что наряду с чисто описательными научными исследованиями появятся исследования осмысляющие фактический материал, нарядус исследованиямия историческими — исследования историософские, наряду с этнографическими — этнософские, наряду с географическими — геософские, и т. д. Из таких «осмысляющих работ» и должна возникнуть особая «теория данной личности» устанавливающая внутреннюю связь между отдельными свойствами данной личности, и определяющая ее специфические особенности. Эта теория данной личности, таким образом, органически вырастает из конкретных специально-научных описательных исследований, но в то-же время определяет собой и само направление этих иследований.

Для ученых, принимающих участие в евразийском движении, главным предметом описательного исследования является та многонародная личность, которую в совокупности с ее физическим окружением (территорией) евразийцы называют «Евразией». Изучение этой личности должно вестись указанным выше способом, т. е. так, чтобы эта личность стояла в центре внимания каждого ученого специалиста, занятого исследованиями определенной части или стороны этой личности, и чтобы работы всех специалистов координировались друг с другом Здесь нужна, следовательно, определенная организация совместной работы специалистов по самым разнообразным отраслям знания, причем, целью этой работы является известный научный и философский синтез, который, оформляясь во время самой научной работы и благодаря этой работе, в то-же время сам определяет собой не только смысл, но и направление как всей совместной работы в целом, так и каждого отдельного специального исследования.

Однако, следует подчеркнуть, что — этим описательным исследованием Евразии отнюдь еще не исчерпывается научная задача евразийства. Надлежит изучать не только свойства и особенности данной конкретной личности, но и общие законы жизни всякой вообще, личности, причем, это изучение требует тоже организации совместной работы целого ряда специальных наук. Далее, наряду с таким теоретическим исследованием, должны существовать и исследования прикладнические, которые должны устанавливать, каковы те политические, экономические и т. д. условия, которые наиболее благоприятны для жизни и развития личности, (частночеловеческой и многочеловеческой) вообще, или данной конкретной личности. Поскольку в центре всех этих теоретических и прикладнических исследова-

ний стоит понятие личности, они все должны оказаться согласованными друг с другом и вместе составить единую систему наук, подчиненных персонологии. Но и этим задача евразийства как системы мировоззерцания исчерпаться не может. Идея личности, доминируя в системе наук, не замыкается одними науками и за их пределами становится исходной точкой для системы философии. Та-же идея личности призвана играть самую важную роль и в системе богословия, где природа ее находит окончательное раскрытие. Таким образом, вместо энциклопедии, т. е. анархического конгломерата друг с другом несогласованных научных, философских, политических, эстетических и т. д. идей, должна быть создана стройная и согласованная система идей. А этой системе идей должна соответствовать и система практических действий. . . .

В настоящем сборнике автор поместил четыре своих статьи, из которых три были уже напечатаны (в сборнике «Исход к Востоку» и в «Евразийском Временнике № 4), и перепечатываются ныне лишь с незначительными изменениями, а четвертая печатается впервые.

В первой из печатаемых ниже статей «Об истинном и ложном национализме» (впервые напечатано в сборнике «Исход к Востоку», София 1921 г. стр. 71-85), поставлена проблема самопознания, как нравственного долга всякой личности и указана связь между самопознанием и практической жизнью, частночеловеческой и многочеловеческой личности. Остальные три статьи посвящены отдельным конкретным вопросам самопознания русской народной личности. Следует заметить, что понятие «самопознания», как оно раскрыто в статье «Об истинном и ложном национализме», отнюдь неисчерпывается тем описательным и вообще научным изучением данной личности, образцы которого даются в остальных трех статьях: самопознание должно осуществляться не одним рассудком, а всеми сторонами духовной жизни личности, оно должно быть фактом не одного логического мышления, но всего вообще духовного опыта, и раскрываться должно не в одних научных или иных рассудочных построениях и утверждениях, но и во всяком творчестве данной личности, — художественном, организационном и техническом. Но, не исчерпываясь научно рассудочным изучением, самопознание, тем не менее, включает в себя также и это изучение. Этим вполне оправдывается, как общее заглавие настоящей брошюры, так и ее состав.—Вторая статья, «Верхи и низы русской культуры» (напечатана впервые в том-же сборнике «Исход к Востоку», стр. 86-103) ставит в общем виде вопрос о взаимоотношении между русской этнологической личностью и соприкасающимися с ней другими этнологическими личностями. Несмотря на то, что личность как таковая неповторима и неразложима, между отдельными личностями существуют общие отдельные черты. Две личности никогда не могут быть совершенно одинаковыми, но могут быть очень похожи друг на друга. Кроме природного сходства существует и сходство, вызванное долгим совместным сожительством и постоянным общением, а также сходство внешнее, основанное на подражании: этот последний вид сходства касается, конечно, только внеш-

них проявлений личности, ибо только им и можно подражать. Во взаимоотношениях между личностями приходится наблюдать явления притяжения и отталкивания, притом, как односторонние, так и взаимные. Эти сложные взаимоотношения отражаются в формах подражательных актов разного рода. В результате, культура и внешний быт каждого народа заключает в себе всегда целый ряд черт, повторяющихся у соседних народов, причем, с одним из этих соседних народов данный народ связывается одними чертами, с другим — другими, и т. д. Анализ этого внешняго, фактического материала дает возможность заключать о характере и направлении линий притяжений и отталкивания между отдельными этнологическими личностями, а также о природных или вызванных сожительством сходствах и отличиях между этими личностями. Так, сравнительное изучение внешнего проявленя нескольких соседних друг с другом этнологических личностей позволяет делать заключения о характере духовного родства между этими личностями. Такой вид «сравнительного самопознания» имеет и практическое значение. Между внешними проявлениями и сущностью личности должно быть определенное соотношение, длительное нарушение которого крайне вредно. Поэтому, систематическое подражание одного народа другому или нескольких народов друг другу может быть полезно только в том случае, если народы, о которых идет речь, связаны друг с другом достаточным числом черт внутренного духовного родства, существенным сходством и линиями притяжения. Как отдельный человек, будучи обречен на длительное общение исключительно с чуждыми ему по духу людьми, испытывает мучительную тоску, могущую превратиться в неврастению, духовное разложение, — так точно и народ, попавший в неподходящую для него среду других народов, может духовно разложиться. Выбор подходящей среды для постоянного общения есть задача гигиены личности, — как частночеловеческой, так и многочеловеческой. А из сказанного выше явствует, что войдя в такую «подходящую среду» других родственных ей по духу личностей, данная личность может слиться с этой средой в особую многочеловеческую (или, если речь идет о народе,— многонародную) личность.

Третья статья, «О туранском элементе в русской культуре» (напечатана впервые в «Евразийском Временнике № 4» стр. 351-377) заключает в себе определение некоторых основных черт туранского психического облика путем синтетического этнософского рассмотрения конкретного этнографического материала. Это дает возможность указать и в жизни русского народа, как в прошлом, так и в настоящем, те психические черты, которые роднят его с туранской психикой, и определить, какое значение имели и имеют эти черты для русской народной личности. Сами собой намечаются некоторые историософские выводы, являющиеся в то-же время и заданиями для соответствующих исследований специалистов-историков.

Четвертая статья печатается здесь впервые и озаглавлена «Общеславянский элемент в русской культуре». Если с туранством русский народ связывается преимущественно известными чертами своего психического облика, то со славянством русский народ связан своим языком. Дело в том, что «туранство», в том смысле, как оно трактуется в третьей статье настоящего сборника, не есть ни расовое, ни строго-лингвистическое единство, а единство

этнопсихологическое; «славянство» же есть исключительно лингвистическое понятие. При помощи языка личность обнаруживает свой внутренний мир; язык является основным средством общения между людьми, а в процессе этого общения создаются многочеловеческие личности. Этим уже определяется важность изучения жизни языка с точки зрения персонологии. Судьбы и специфические свойства русского литературного языка чрезвычайно важны для характеристики русской национальной личности, точно так-же как важно для этой характеристики и самое положение русского языка среди других. Рассмотрение этих вопросов заставляет поставить и вопрос о культурных преемствах и наследованиях, — вопрос выходящий за предѣлы одной лингвистики, и долженствующий ставиться и решаться одновременно и параллельно несколькими науками: при исследовании русской народной личности проблема культурных преемств является одной из центральных .

В заключение, необходимо подчеркнуть, что ни одна из печатаемых здесь статей не претендует на то, чтобы исчерпать предмет, и не является специальным исследованием в строгом смысле слова. Все эти статьи расчитаны на широкий круг читателей, которые почерпнут из них не только новые мысли, но может быть и некоторые малоизвестные факты. Что-же касается до читателей — научных специалистов, то они нового фактического материала в этих статьях не найдут, зато найдут новые точки зрения и новые постановки вопросов. И, если эти новые точки зрения заинтересуют кого-либо из специалистов и вдохновят к научной работе в том-же направлении,—цель издания этого сборника статей окажется вполне достигнутой.

ОБ ИСТИННОМ И ЛОЖНОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ.

Отношение человека к культуре своего народа может быть довольно различно. У романогерманцев это отношение определяется особой психологией, которую можно назвать эгоцентрической. «Человек с ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром вселенной, венцом создания, лучшим, наиболее совершенным из всех существ. Из двух других существ, то, которое к нему ближе, более на него похоже, — лучше, а то, которое дальше отстоит от него, — хуже. Поэтому, всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной. Его семья, его сословие, его племя, его раса — лучше всех остальных, подобных им».*) Романогерманцы, будучи насквозь пропитаны этой психологией, всю свою оценку культур земного шара строят именно на ней. Поэтому для них возможно два вида отношения к культуре: либо признание, что высшей и совершеннейшей культурой в мире является культура того народа, к которому принадлежит данный «оценивающий» суб'ект. (немец, француз и т. д.), либо признание, что венцом совершенства является не только эта частная разновидность, но вся общая сумма ближайшим образом родственных с ней культур, созданных в совместной работе всеми романогерманскими народами. Первый вид носит в Европе название узкого шовинизма (немецкого, французского и т. д) Второй вид всего точнее можно было бы обозначить как «общероманогерманский шовинизм». Однако, «романогерманцы были всегда столь наивно уверены в том, что только они — люди, что называли себя «человечеством», свою культуру «общечеловеческой цивилизацией» и, наконец, свой шовинизм — «космополитизмом»**)

Что касается до народов нероманогерманских, воспринявших «европейскую» культуру, то обычно вместе с культурой они воспринимают от романогерманцев и оценку этой культуры, поддаваясь обману неправильных терминов «общечеловеческая цивилизация» и «космополитизм», маскирующих узко-этнографическое содержание соответствующих понятий. Благодаря этому, у таких народов оценка культуры строится уже не на эгоцентризме, а на некотором своеобразном «эксцентризме», точнее — на «европоцентризме». О том, к каким гибельным последствиям неминуемо должен привести этот европоцентризм всех европейзированных не-романогерманцев,

*) См. мою книгу «Европа и Человечество» (София, 1920 г. изд., Российско-Болгарского Книгоиздательства) стр. 6.

**) Там же стр. 13.

мы говорили в другом месте.*) Избавиться от этих последствий интеллигенция европеизированных нероманогерманских народов может только, произведя коренной переворот в своем сознании, в своих методах оценки культуры, ясно сознав, что европейская цивилизация не есть общечеловеческая культура, а лишь культура определенной этнографической особи. романогерманцев, для которой она и является обязательной. Въ результате этого переворота должно коренным образом измениться отношение европеизированных нероманогерманских народов ко всем проблемам культуры, и старая европоцентрическая оценка должна замениться новой, покоющейся на совершенно иных основаниях.

Долг всякого нероманогерманского народа состоит в том, чтобы вопервых преодолеть всякий собственный эгоцентризм, а вовторых оградить себя от обмана «общечеловеческой цивилизации» от стремления во что бы то ни стало быть «настоящим европейцем». Этот долг можно формулировать двумя афоризмами: «познай самого себя» и «будь самим собой».

Борьба с собственным эгоцентризмом возможна лишь при самопознании. Истинное самопознание укажет человеку (или народу) его настоящее место в мире, покажет ему , что он — не центр вселенной, не пуп земли. Но это же самопознание приведет его и к постижению природы людей (или народов) вообще , к выяснению того, что не только сам познающий себя субъект, но и ни один другой из ему подобных не есть центр или вершина. От постижения своей собственной природы человек или народ путем углубления самопознания приходит к сознанию равноценности всех людей и народов. А выводом из этих постижений является утверждение своей самобытности, стремление быть самим собой. И не только стремление, но и умение. Ибо тот , кто самого себя не познал, не может , не умеет быть самим собой.

Только постигнув свою природу, свою сущность, с совершенной ясностью и полнотой, человек способен оставаться самобытным, ни минуты не вступая в противоречие с самим собой, не обманывая ни себя , ни других. И только в этом установлении гармонии и целостности личности на основании ясного и полного знания природы этой личности и состоит высшее достижимое на земле счастие. Вместе с тем, в этом состоит и суть нравственности, ибо при истинном самопознании прежде всего с необычайной ясностью познается голос совести, и человек живущий так, чтобы никогда не вступать в противоречие с самим собой и всегда быть перед собой искренним, непременно будет нравственен. В этом есть и высшая достижимая для данного человека духовная красота , ибо самообман и внутреннее противоречие , неизбежные при отсутствии истинного самопознания, всегда делают человека духовно-безобразным. В том же самопознании заключается и высшая доступная человеку мудрость, как практическая , житейская , так и теоретическая, ибо всякое иное знание призрачно и суетно. Наконец, только достигнув самобытности, основанной на самопознании, человек (и народ) может быть уверен в том, что действительно осуществляет свое назначение на земле, что действительно является тем, чем и для чего был создан. Словом,

*) «Европа и Человечество» глава IV.

самопознание есть единственная и наивысшая цель человека на земле. Это есть цель, но в то же время и средство.

Мысль эта не новая, а очень старая. Ее высказал уже Сократ двадцать три века тому назад, да и Сократ свое γνῶθι σεαυτόν придумал не сам, а прочел на надписи храма в Дельфах. Но Сократ первый ясно формулировал эту мысль, первый понял, что самопознание есть проблема и этики и логики, что оно есть столько же дело правильного мышления , сколько и дело нравственной жизни. Жизненное правило «познай самого себя» давая всякому человеку одну и ту же, но по существу каждому разную задачу, именно вследствие этого своего синтеза между относительным, суб'ективным, и абсолютным, всеобщим наиболее приспособлено к тому, чтобы стать принципом вневременным и внепространственным, одинаково приемлемым для всех людей без различия национальностей и исторических эпох Этот принцип остается в силе и по сие время, притом для всех народов. Не трудно было бы доказать, что ни одна из существующих на земном шаре религий не отвергает и не исключает жизненного правила Сократа, а некоторые религии даже подтверждают и углубляют его; можно было бы показать что и большинство арелигиозных концепций с этим принципом вполне уживаются.*) Однако это завело бы нас слишком далеко и отвлекло бы нас от непосредственной цели нашего рассуждения.

Важно отметить, что результаты самопознания могут быть различны в зависимости не только от познающих себя индивидуальностей, но и от степени и форм самого познания. Работа христианского подвижника, состоящая в преодолении обольщения греха и в стремлении быть таким, каким создал человека Бог, есть по существу самопознание, производимое при водительстве Благодати и при непрестанной молитве. Оно приводит подвижника не только к высокому нравственному совершенству, но и. мистическому прозрению в смысл бытия и мироздания. Самопознание Сократа, лишенное конкретного метафизического содержания, привело к гармонии психологической лич-

*) По существу «познай самого себя» как жизненное правило основано на известном философском оптимизме, на признании, что истинная природа человека (как и всего мироздания) — добра , разумна и прекрасна, и что все дурное в жизни (зло, безобразие, бессмыслица и страдание) есть плод уклонения от природы, недостаточного сознания человеком своей истинной сущности. Поэтому, Сократовское правило безусловно неприемлимо только для сторонников крайнего философского пессимизма. Например, последовательный буддист, признающий всякое существование в корне злым, бессмысленным, безобразным и связанным со страданием , a priori должен отвергнуть требование Сократа. Для такого буддиста единственным выходом является самоубийство , но не физическое самоубийство, нецелесообразное вследствие учения о переселении душ, а самоубийство духовное, уничтожение своей духовной индивидуальности (namarupa), т. е. — «нирвана» или «преодоление без остатка рождения и смерти», по буддийской терминологии. Однако , большинство буддистов далеко не так последовательны и ограничиваются лишь теоретическим признанием некоторых основных положений Будды. Практически они являются адептами морально-безразличного политеизма и, как таковые, могут принять сократовское правило до известного предела.

ности, к мудрости поведения, даже к известной прозорливости в житейских вопросах, при полном, однако, агностицизме в вопросах метафизических. У одних самопознание протекает при сильном преобладании логической рефлексии, у других — при решающем участии иррациональной интуиции. Формы самопознания чрезвычайно разнообразны. Важно только, чтобы в результате получалось ясное и более или менее полное представление о себе самом, ясное знание своей природы и удельного веса каждого элемента, каждого проявления этой природы в их общей связи между собой.

Все, до сих пор сказанное относится не только к индивидуальному, но и к коллективному самопознанию. Если только рассматривать народ, как психологическое целое, как известную коллективную личность, — надо признать для него, возможной и обязательной некоторую форму самопознания. Самопознание логически связано с понятием личности: где есть личность, там может и должно быть самопознание. И, если в сфере частной человеческой жизни самопознание является всеобъемлющей целью, исчерпывающей собой все доступное отдельному человеку счастие, всю достижимую им нравственность, духовную красоту и мудрость, то таким же универсальным принципом является оно и для коллективной личности народа. Особенность этой личности заключается в том, что народ живет веками и в течение этих веков постоянно изменяется, так что результаты народного самопознания одной эпохи не являются уже действительными для эпохи последующей, хотя всегда составляют известный базис, исходный пункт всякой новой самопознавательной работы.

«Познай самого себя» и «будь самим собой» — это два аспекта одного и того же положения. Внешним образом истинное самопознание выражается в гармонически-самобытной жизни и деятельности данной личности. Для народа это — самобытная национальная культура. Народ познал самого себя, если его духовная природа, его индивидуальный характер находят себе наиболее полное и яркое выражение в его самобытной национальной культуре, и эта культура вполне гармонична, т. е. отдельные ее части не противоречат друг другу. Создание такой культуры и является истинной целью всякого народа, точно так же, как целью отдельного человека, принадлежащего к данному народу, является достижением такого образа жизни, в котором полно, ярко и гармонично воплощалась бы его самобытная духовная природа. Обе эти задачи, задача народа и задача каждого отдельного индивидуума, входящего в состав народа, теснейшим образом связаны друг с другом, взаимно дополняют и обусловливают друг друга.

Работая над своим собственным, индивидуальным самопознанием, каждый человек познает себя, между прочим, и как представителя данного народа. Душевная жизнь каждого человека заключает в себе всегда известные элементы национальной психики, и духовный облик каждого отдельного представителя данного народа непременно имеет в себе черты национального характера в различных, смотря по индивидууму, соединениях друг с другом и с чертами более частными (индивидуальными, семейными, сословными). При самопознании все эти национальные черты в их общей связи с данным индивидуальным характером находят себе утверждение и вместе с тем облагораживаются. И поскольку данный человек, познавая самого себя, начинает

«быть самим собой», он непременно становится и ярким представителем своего народа. Его жизнь будучи полным и гармоническим выражением его осознанной самобытной индивидуальности, неизбежно воплощает в себе и национальные черты. Если этот человек занимается творческой культурной работой, его творчество, неся на себе отпечаток его личности, неизбежно будет окрашено в тон национального характера, во всяком случае, не будет противоречить этому характеру. Но, даже если человек, о котором идет речь, не будет участвовать в культурном творчестве активно, а будет лишь пассивно усваивать результаты этого творчества или участвовать, как исполнитель в известной области культурной жизни своего народа, — даже и в этом случае факт полного и яркого воплощения в его жизни и деятельности известных черт национального характера (главным образом, вкусов и предрасположений) непременно будет способствовать подчеркиванию и усилению общего национального тона быта данного народа. А быт есть то, что вдохновляет творца культурных ценностей, что дает ему задачи и материал для творчества. Таким образом, индивидуальное самопознание способствует самобытности национальной культуры, самобытности, которая, как мы указали, является коррелатом национального самопознания.

Но и обратно, самобытная национальная культура сама способствует индивидуальному самопознанию отдельных представителей данного народа. Она облегчает им понимание и познание тех черт их индивидуальной психической природы, которые служат проявлениями общего национального характера. Ибо в истинной национальной культуре все такие черты находят себе яркое и выпуклое воплощение, что позволяет всякому индивидууму с большею легкостью находить их в самом себе, познавать их (через культуру) в их истинном виде и давать им правильную оценку в общей бытовой перспективе. Гармонически-самобытная национальная культура позволяет всякому члену данного национального целого быть и оставаться самим собой, пребывая в то же время в постоянном общении со своими соплеменниками. При таких условиях человек может принимать участие в культурной жизни своего народа вполне искренно, не кривя душой, не притворяясь перед другими или перед самим собой тем, чем он на самом деле никогда не был и не будет.

Как видно из всего этого, между индивидуальным и национальным самопознанием существует теснейшая внутренняя связь и постоянное взаимодействие. Чем больше в данном народе существует людей «познавших самих себя» и «ставших самими собой», — тем успешней идет в нем работа по национальному самопознанию и по созданию самобытной национальной культуры, которая в свою очередь является залогом успешности и интенсивности самопознания индивидуума. Только при наличности такого взаимодействия между индивидуальным и национальным самопознанием возможна правильная эволюция национальной культуры. Иначе эта последняя может остановиться на известной точке, тогда как национальный характер, слагающийся из отдельных индивидуальных характеров, изменится. В этом случае весь смысл самобытной национальной культуры пропадет. Культура утратит живой отклик в психике своих носителей, перестанет быть воплощением национальной души и обратится в традиционную ложь и лицемерие, способные лишь затруднить, а не облегчить индивидуальное самопознание и индивидуальную самобытность.

Если признать, что высшим земным идеалом человека является полное и совершенное самопознание, то придется признать, что только та культура, которая может такому самопознанию способствовать, и есть истинная. Для того, чтобы способствовать индивидуальному самопознанию, культура должна воплощать в себе те элементы психологии, которые являются общими для всех или для большинства личностей, причастных к данной культуре, т. е. совокупность элементов национальной психологии. При этом воплощать такие элементы культура должна ярко, выпукло, ибо, чем ярче они будут воплощены, тем легче каждому индивидууму познать их через культуру в самом себе. Иначе говоря, только вполне самобытная национальная культура есть подлинная, только она отвечает этическим, эстетическим и даже утилитарным требованиям, которые ставятся всякой культуре. Если человек только тогда может быть признан истинно мудрым, добродетельным, прекрасным и счастливым, когда он «познал самого себя» и «стал самим собой», — то то-же самое применимо к народу. А «быть самим собой» в применении к народу значит «иметь самобытную национальную культуру». Если требовать от культуры, чтобы она давала «максимальное счастие большинству людей», то дело от этого не меняется. Ведь истинное счастие заключается не в комфорте, не в удовлетворении тех или иных частных потребностей, а в равновесии, в гармонии всех элементов душевной жизни (в том числе и «потребностей») между собой. Сама по себе никакая культура такого счастия дать человеку не может. Ибо счастие лежит не вне человека, а в нем самом, и единственный путь к его достижению есть самопознание. Культура может только помочь человеку стать счастливым, облегчить ему работу по самопознанию. А сделать это она может лишь в том случае, если будет такова, какою мы определили ее выше: вполне и ярко самобытной.

Итак, культура должна быть для каждого народа другая. В своей национальной культуре каждый народ должен ярко выявить всю свою индивидуальность, при том так, чтобы, все элементы этой культуры гармонировали друг с другом, будучи окрашены в один общий национальный тон. Отличия разных национальных культур друг от друга должны быть тем сильнее, чем сильнее различия национальных психологий их носителей, отдельных народов. У народов близких друг к другу по своему национальному характеру и культуры будут сходные. Но общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, — невозможна. При пестром многообразии национальных характеров и психических типов, такая «общечеловеческая культура» свелась бы либо к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо навязала бы всем народам формы жизни, вытекающие из национального характера какой нибудь одной этнографической особы. И в том и в другом случае эта «общечеловеческая» культура не отвечала бы требованиям, поставленным всякой подлинной культуре. Истинного счастия она никому не дала бы.

Таким образом, стремление к общечеловеческой культуре должно быть отвергнуто. Наоборот, стремление каждого народа создать свою особую национальную культуру находит себе полное моральное оправдание. Всякий культурный космополитизм или интернационализм заслуживает решительного осуждения. Однако отнюдь не всякий национализм логически и морально

но оправдан. Есть разные виды ницонализма, из которых одни ложны, другие — истинны, и только истинный национализм является безусловным положительным принципом поведения народа.

Из пред'идущего явствует, что истинным, морально и логически оправданным может быть признан только такой национализм, который исходит из самобытной национальной культуры или направлен к такой культуре. Мысль об этой культуре должна руководить всеми действиями истинного националиста. Ее он отстаивает, за нее он борется. Все, что может способствовать самобытной национальной культуре, он должен поддерживать, все, что может ей помешать, он должен устранять.

Однако, если с подобным мерилом мы подойдем к существующим формам национализма, то легко убедимся, что в большинстве случаев национализм бывает не истинным, а ложным.

Чаще всего приходится наблюдать таких националистов, для которых самобытность национальной культуры их народа совершенно неважна. Они стремятся лишь к тому, чтобы их народ во что бы то ни стало получил государственную самостоятельность, чтобы он был признан «большими» народами, «великими» державами, как полноправный член «семьи государственных народов» и в своем беге во всем походил именно на эти «большие народы». Этот тип встречается у разных народов, но особенно часто появляется у народов «малых», при том нероманогреманских, у которых он принимает особенно уродливые, почти каррикатурные формы. В таком национализме самопознание никакой роли не играет, ибо его сторонники вовсе не желают быть «самими собой», а наоборот, хотят именно быть, «как другие», «как большие», «как господа», не будучи по существу подчас ни большими, ни господами. Когда исторические условия складываются так, что данный народ подпадает под власть или экономическое господство другого народа, совершенно чуждого ему по духу, и не может создать самобытной национальной культуры без того, чтобы освободиться от политического или экономического засилия иноплеменников,— стремление к эмансипации, к государственной самостоятельности является вполне основательным, логически и морально оправданным. Однако, следует всегда помнить, что такое стремление правомерно именно лишь в том случае, когда оно появляется во имя самобытной национальной культуры, ибо государственная самостоятельность, как самоцель — бессмысленна. А, между тем, у националистов, о которых идет речь, государственная самостоятельность и великодержавность обращаются именно в самоцель. Мало того, ради этой самоцели приносится в жертву самобытная национальная культура. Ибо националисты рассматриваемого типа, для того, чтобы их народ был вполне похож на «настоящих европейцев», стараются навязать этому народу не только часто совершенно чуждые ему по духу формы романогерманского государства, права и хозяйственной жизни, но и романогерманские идеологии, искусство и материальный быт. Европеизация, стремление к точному воспризведению во всех областях жизни общегерманороманского шаблона, в конце концов приводит к полной утрате всякой национальной самобытности и у народа, руководимого такими националистами очень скоро остается самобытным, только пресловутый «родной язык». Да и этот последний став «государственным» языком и приспосабливаясь к новым, чужим поня-

тиям и формам быта, сильно искажается, впитывает в себя громадное количество романогерманизмов и неуклюжих неологизмов. В конце концов официальные «государственные» языки многих «малых» государств, вступивших на такой путь национализма, оказываются почти непонятными для подлинных народных масс, неуспевших еще денационализироваться и обезличиться до степени «демократии вообще».

Ясно, что такой вид национализма, не стремящийся к национальной самобытности, к тому, чтобы народ стал самим собой, а лишь к сходству с существующими «великими державами» — отнюдь не может быть признан истинным. В основе его лежит не самопознание, а мелкое тщеславие, являющееся антиподом истинного самопознания. Термин «национальное самоопределение», которым любят оперировать представители этого вида национализма, особенно, когда они принадлежат к одному из «малых народов», способен лишь ввести в заблуждение. На самом деле, ничего «национального» и никакого «самоопределения» в этом настроении умов нет, и потому совсем неудивительно, что «самостийничество» так часто соединяется с социализмом, всегда заключающим в себе элементы космополитизма, интернационализма.

Другой вид ложного национализма проявляется в воинствующем шовинизме Здесь дело сводится к стремлению распространить язык и культуру своего народа на возможно большее число иноплеменников, искоренив в этих последних всякую национальную самобытность. Ложность этого вида национализма ясна без особых об'яснений Ведь самобытность данной национальной культуры ценна лишь постольку, поскольку она гармонирует с психическим обликом ее создателей и носителей. Как только культура переносится на народ с чужим психическим укладом, весь смысл ее самобытности пропадает и сама оценка культуры меняется. В игнорировании этой соотносительности всякой данной формы культуры с определенным этническим суб'ектом ее, заключается основное заблуждение агрессивного шовинизма. Этот шовинизм, основанный на тщеславии и на отрицании равноценности народов и культур, словом, — на эгоцентрическом самовозвеличении, немыслим при подлинном национальном самопознании и потому тоже является противоположностью истинного национализма.

Особой формой ложного национализма следует признать и тот вид культурного консерватизма, который искусственно отождествляет национальную самобытность с какими-нибудь уже созданными в прошлом культурными ценностями или формами быта и не допускает изменение их даже тогда, когда они явно перестали удовлетворительно воплощать в себе национальную психику. В этом случае, совершенно как и при агрессивном шовинизме, игнорируется живая связь культуры с психикой ее носителей в каждый данный момент и культуре придается абсолютное значение, независимое от ее отношения к народу: «не культура для народа, а народ для культуры». Этим опять упраздняется моральный и логический смысл самобытности, как коррелата непрерывного и непрестанного национального самопознания.

Не трудно видеть, что все рассмотренные виды ложного национализма приводят к практическим последствиям гибельным для национальной культуры: первый вид приводит к национальному обезличению, к денационали-

зации культуры; второй — к утрате чистоты расы носителей данной культуры, третий — к застою, предвестнику смерти.

Само собой разумеется, что отдельные рассмотренные нами виды ложного национализма способны соединятся друг с другом в разные смешанные типы. Все они имеют между собой ту общую черту, что принципиально не базируются на национальном самопознании в вышеопределенном смысле этого слова. Но даже и те разновидности национализма, которые якобы исходят из национального самопознания и на нем хотят обосновать самобытную национальную культуру, не всегда бывают истинны. Дело в том, что весьма часто самое самопознание понимается слишком узко и производится неправильно. Часто истинному самопознанию мешает какой нибудь ярлык, который данный народ почему либо прилепил к себе и от которого почему либо не хочет отказаться. Так например, направление культурной работы румын в значительной степени обусловливается тем, что они считают себя «романским народом» на том основании, что среди элементов, из которых создалась румынская национальность, в очень отдаленные времена был и небольшой отряд римских солдат. Точно также и современный греческий национализм, будучи по существу смешанным видом ложного национализма, усугубляет свою ложность еще и односторонним взглядом греков на свое собственное происхождение. будучи на самом деле смесью нескольких этнических элементов, проделавших совместно с другими «балканскими» народами целый ряд общих этапов культурной эволюции, они сами себя считают исключительно потомками древних греков. Такие аберрации зависят исключительно от того, что самопознание во всех этих случаях производится не органически, что оно является не источником данного национализма, а лишь попыткой исторического обоснования самостийнических и шовинистических тенденций этого национализма.

Наблюдение над различными видами ложного национализма контрастически подчеркивает то, чем должен быть национализм истинный. Вытекая из национального самопознания, он весь основан на признании необходимости самобытной национальной культуры, ставит эту культуру как высшую и единственную свою задачу, расценивая всякое явление в области внутренней и внешней политики, всякий исторический момент жизни данного народа именно с точки зрения этой главной задачи. Самопознание придает ему характер известного самодовления, препятствуя ему насильно навязывать данную самобытную национальную культуру другим народам или раболепно подражать другому народу, чуждому по духу, но почему либо пользующемуся престижем в определенной антропогеографической зоне. В своих отношениях к другим народам истинный националист лишен всякого национального тщеславия или честолюбия Строя свое миросозерцание на самодовлеющем самопознании, он всегда будет принципиально миролюбив и терпим по отношению ко всякой чужой самобытности. Он будет чужд и искусственного национального обособления. Постигнув с большой ясностью и полнотой самобытную психику своего народа, он с особенной чуткостью будет улавливать и во всяком другом народе все черты похожие на его собственные И, если другой народ сумел дать одной из этих черт удачное воплощение в виде той или иной культурной ценности, то истинный националист не задумается заимствовать эту ценность, приспособив ее к общему инвентарю своей самобытной культуры

Два близкие по своим национальным характерам народа, живущие в общении друг с другом, и оба руководимые истинными националистами, непременно будут иметь культуры весьма сходные друг с другом, именно благодаря такому свободному обмену приемлемыми для обоих сторон культурными ценностями. Но это культурное единство все же принципиально отличается от того искусственного единства, которое является результатом поработительских стремлений одного из сожительствующих друг с другом народов.

Если мы в свете всех этих общих рассуждений станем рассматривать те виды р у с с к о г о национализма, которые существовали до сих пор, то будем принуждены признать, что истинного национализма в послепетровской России еще не было. Большинство образованных русских совершенно не желали быть «самими собой», а хотели быть «настоящими европейцами», и за то, что Россия, несмотря на все свое желание, всетаки никак не могла стать настоящим европейским государством, многие из нас презирали свою «отсталую» родину». Поэтому, большинство русской интеллигенции до самого недавнего времени сторонилось всякого национализма. Другие именовали себя националистами, но на самом деле понимали под национализмом только стремление к великодержавности, к внешней военной и экономической мощи, к блестящему международному положению России, и для этих целей считали необхоимым наибольшее приближение русской культуры к западноевропейскому образцу. На том же раболепном отношении к западным образцам было основано у некоторых русских «националистов» требование «руссификации» сводившейся к поощрению перехода в православие, к принудительному введению русского языка и к замене иноплеменных географических названий более или менее неуклюжими русскими: все это делалось лишь потому, что так-де поступают немцы, — «а немцы — народ культурный». Иногда такое стремление быть националистом потому, что и немцы — националисты, принимало более глубоко и систематично-продуманные формы. Так как немцы свое националистическое высокомерие обосновывают заслугами германской рассы в создании культуры, наши националисты тоже старались говорить о какой то самобытной русской культуре XX века, раздувая до полукосмических размеров значение всякого хоть сколько нибудь уклоняющегося от западноевропейского шаблона создания русского или хотя бы русскоподаного творца и об'являя это творение «ценным вкладом русского гения в сокровищницу мировой цивилизации». Для вящей параллелли, в pendant к пангерманизму создан бы и «панславизм», и России приписывалась миссия об'единить все «идущие по пути мирового прогресса» (си-речь, променивающие свою самобытность на романогреманский шаблон) славянские народы, для того, чтобы славянство (как понятие лингвистическое) могло занять «подобающее» или даже «первенствующе» место в «семье цивилизованных народов». Это направление западничествующего славянофильства за последнее время перед революцией в России сделалось модным даже в таких кругах, где прежде слово «национализм» считалось неприличным.

Однако, и более старое славянофильство никак нельзя считать чистой формой истинного национализма. В нем не трудно заметить все три вида ложного национализма, о которых мы говорили выше, причем сначала преобладал вид третий, позднее — первый и второй. Замечалась всегда и тенденция по-

строить русский национализм по образцу и подобию романогерманского. Благодаря всем этим свойствам старое славянофильство и должно было неизбежно выродиться, несмотря на то, что отправной точкой его было ощущение самобытности и начало национального самопознания. Эти элементы, очевидно, были недостаточно ясно сознаны и оформлены.

Таким образом, истинный национализм, всецело основанный на самопознании и требующий во имя самопознания перестройки русской культуры в духе самобытности, до сих пор был в России уделом лишь единичных личностей. Как общественное течение он еще не существовал. В будущем его предстоит создать. И для того то и нужен тот полный переворот в сознании русской интеллигенции, о котором мы говорили в начале этой статьи.

ВЕРХИ И НИЗЫ, РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

(Этническая основа русской культуры)

Всякая дифференцированная культура неизбежно заключает в себе две обязательные части, которые образно можно назвать «верхом» и «низом» здания данной культуры. Под низом мы разумеем тот запас культурных ценностей, которым удовлетворяют свои потребности наиболее широкие слови национального целого, т. наз. «народные массы». Поскольку эти ценности создаются в самой среде народных масс. они сравнительно элементарны и не носят на себе резкого отпечатка индивидуального творчества. Когда же некоторые из них проникают в низы «из верхов», они в силу самой этой миграции неизбежно слегка обезличиваются и упрощаются, приспособляясь к общему контексту других ценностей исключительно «нижнего» происхождения. Несколько иной характер носят «верхи» культурного здания. Культурные ценности нижних слоев способны удовлетворить далеко не всякого представителя данного народа. Многие, не удовлетворяясь формой той или иной общепринятой ценности, стараются усовершенствовать ее, приспособив к своим личным вкусам. Может статься, что в таком измененном виде эта ценность окажется почему либо недоступной для широких слоев населения,но придется по вкусу тем частям национального целого, которые в каком либо отношении занимают в этом целом господствующее положение. В таком случае, эта ценность попадает в запас «верхов» культуры. Таким образом, ценности «верхнего запаса» создаются либо самими господствующими частями национального целого, либо для этих частей, и отвечают всегда более утонченным потребностям, более требовательным вкусам. Вследствие этого они всегда сравнительно сложнее и менее элементарны, чем ценности нижнего запаса. Поскольку, с одной стороны, отправной точкой для создания той или иной ценности верхнего запаса может явиться какая нибудь ценность запаса нижнего, а с другой стороны, самые народные массы постоянно вводят в свой бытовой обиход ценности, заимствованные в упрощенном виде из верхнего запаса, — можно сказать, что в нормальной культуре между верхом и низом всегда существует известный обмен и взаимодействие. Обмен этот увеличивается еще и тем, что сама господствующая часть национального целого не есть величина неизменная и постоянная. Она является «господствующей» лишь пока обладает «престижем», т. е. способностью вызывать к себе подражаніе, как в прямом смысле, так и в смысле «симпатического подражания» — почтения и повиновения. Но, с течением времени, — «престиж» может утратиться и перейти к какой нибудь другой социальной группе, прежде принадлежавшей

скорее к низам, и тогда эта новая аристократия вынесет с собой на верхи культурного здания многие ценности из нижнего запаса.

Помимо этого внутреннего культурного взаимодействия верхов и низов, каждая из этих частей данного культурного целого питается и заимствованиями извне, из культур иноземных. При этом может случиться, что тот иноземный источник из которого черпают культурные ценности данные верхи, не совпадает с тем иноземным источником который питает соответствующие низы. Если заимствованные ценности не противоречат общему психическому облику данного национального целого и при усвоении органически перерабатываются, то, в силу естественного внутреннего взаимодействия, между культурными верхами и низами снова устанавливается известная равнодействующая. Но такой равнодействующей может и не установиться, в каковом случае между верхами и низами образуется культурный разрыв и национальное единство нарушается. Это всегда свидетельствует о том, что источник иноземного влияния слишком чужд данной национальной психике

Размышляя над русской культурой, мы должны прежде всего отдать себе отчет точный в этнографическом характере ее низов и верхов и ясно представить себе связь ее частей с другими иноплеменными культурами.

Основным элементом, образовавшим русскую национальность, безусловно был элемент славянский. О древнейшем облике наших славянских предков мы можем составить себе некоторое представление лишь по данным языка. Как известно, «общеславянский праязык», к которому восходят все славянские языки, есть один из потомков «общеиндоевропейского праязыка», восстанавливаемого наукой при помощи сравнительного изучения всех его потомков. Теперь уже давно оставлен взгляд на этот индоевропейский праязык, как на нечто вполне однородное. Все лингвисты согласны с тем, что в праязыке уже существовали различия между диалектами, при чем с течением времени эти различия, все усиливаясь, привели к окончательному распадению праязыка и превратили отдѣльные его диалекты в самостоятельные языки. Говорить, что общеславянский праязык есть потомок индоевропейского праязыка, значит утверждать, что в этом последнем существовал особый «праславянский» д и а л е к т, превратившийся с течением времени в особый самостоятельный я з ы к. Особенности этого праславянского диалекта, отличавшие или сближавшие его с другими диалектами индоевропейского праязыка, могут быть восстановлены наукой, и это и есть то самое древнее, что мы можем знать о предках славян. Все, что мы знаем о диалектах индоевропейского праязыка, позволяет нам утверждать, что праславянский диалект вместе с наиболее к нему близким «прибалтийским»*), занимал некоторое серединное положение. На юге к нему примыкали диалекты прииллирийские и прафракийские, очень мало нам известные. На востоке праславянский диалект соприкасался с очень однородной группой праиндоиранских диалектов, об'единенных целым рядом деталей произношения, грамматики и словаря. Наконец, на западе славяне граничили с группой западно-индоевропейских

1) «Балтийскими» языками называют близко-родственные между собой языки литовский, латышский и древнепрусский (вымерший в XVII в.)

диалектов (прагерманским, праиталийским *) и пракельтским), которые представляли из себя гораздо менее однородное целое. чем диалекты праиндоиранские, но все же были об'единены друг с другом целым рядом общих черт произношения, грамматики и словаря.

Благодаря своему серединному положению праславянские диалекты в одних своих особенностях сходились с праиндоиранскими, в других— с западно-индоевропейскими, иногда играя роль посредников между этими двумя группами индоевропейских говоров В отношении произношения праславянские диалекты об'единились с праиндоиранскими некоторыми общими изменениями согласных, а с западно-индоевропейскими — м. б. только известными оттенками произношения некоторых гласных. А т. к. согласные вобщем больше поражают слух, нежели гласные, то надо думать. что общее внешнее впечатление от индоевропейской речи в праславянском произношении скорее напоминало восточный (праиндоиранский) выговор, чем выговор западный. В отношении грамматики особой близости праславянского диалекта с праиндоиранским повидимому не наблюдалось. Но и с западно-европейской группой праславянские диалекты связывались скорее общими утратами некоторых старых грамматических категорий или смешением первоначально различных форм, чем созданием новых форм. Вобщем, в отношении грамматики, праславянские диалекты вместе с наиболее к ним близкими прибалтийскими представляют из себя совершенно особый, своеобразный тип.

Для определения отношения между соседними языками или диалектами громадное значение имеет изучение словарей. К сожалению для наиболее древних эпох мы лишены об'ективной возможности отличать слова заимствованные от слов исконно родственных. Все же иногда заимствование менее вероятно, чем исконное родство. Просматривая список слов и корней,общих у славян с индоиранцами и не известных другим индоевропейским языкам (кроме, отчасти, балтийских), мы находим здесь такие предлоги как слав. къ, р а д и, б е зъ, с ъ, (в качестве предлога-приставки), местоимения о в ъ, о н ъ, в ь с ь (весь) союз а, особая отрицательная частица н и (ср. особенно н и ч ь т о — авестийск. n a e c i t), наречие я в ѣ, частица б о, которые, — разумеется, принадлежат к запасу исконно-родственных, а не заимствованных слов. Ни с одним из других индоевропейских диалектов праславянские и прибалтийские говоры не представляют такого детального сходства в области запаса подобных несамостоятельных словечек, столь характерных и важных для каждого языка. Это позволяет предполагать особенно тесную связь между праславянскими и праиндоиранскими диалектами. Среди прочих общих этим двум диалектическим группам элементов словаря много таких слов, которые по своему значению легко могли быть заимствованы одним диалектом у другого. Это слова глубоко характерны. Целый ряд из них относится к терминологии религиозной. В качестве таких обычно приводят (вслед за французским ученым A. Meillet) слав. б о г ъ, с в я т ъ (где «я» по

*) Под «италийскими » языками разумеют , кроме языка латинского , еще несколько других языков Аппенинского полуострова, близких к латинскому: главнейшие из них — умбрский и оскский.

русски из «малого юса»), слово, которые сопоставляются с древнеиранскими baga, spenta, sravah. Замечательно, что здесь имеется совпадение именно славянского и иранского (без участия индийского; балтийские языки из этих трех слов знают лишь второе) Здесь уместно вспомнить, что индоевропейское слово deiwos, имеющее во всех других языках значение «бог» (лат. deus, древнеинд. devas, древне-исландск. tyr, мн. ч. tiwar, и т. д), в славянских и иранских языках обозначает злое мифологическое существо: авест daevo, новоперс. dev (ср. Asmodev), древнерусск. дивъ (в «Слове о полку Игореве»), южнослав. дива «ведьма» самодива, далее дивий, дивъ, «дикий, варварский». Для иранцев это изменение значения обычно об'ясняется реформой Заратуштры (Зороастра), который, признав единственным истинным богом Ахуру Мазду (Ормазда), всех прочих богов об'явил демонами, так что самый термин daevo получил значение «демон», а «бог» стал обозначаться другими словами (в том числе и baga). Надо думать что предки славян так или иначе принимали участие в той эволюции религиозных понятий которая у их восточных соседей, праиранцев, в конце концов привела к реформе Заратуштры. При таких условиях весьма вероятным становится предположение A. Meillet, о тождестве славянского глагола вѣрити с авестийским varayaiti, означающим тоже «верить», но имеющим первоначально значение «выбирать», т. к. по учению Заратуштры истинно верующий есть тот, который сделал правильный «выбор» между добрым богом (Ормаздом) и злым (Ариманом). При таком сходстве религиозной терминологии праславянского и праиндоиранского диалекта особое освещение получают и некоторые другие специальные совпадения словарей обоих диалектов. Так, оказывается, что славянское зоветъ, зъвати имеет параллель кроме балтийских языков еще только в индоиранском, где соотвествующий глагол особенно употребителен в техническом значении «призвать бога». Слав. съдравъ находит более или менее точную параллель лишь в древнеперсидском· вспомним, что «о здравии» чаще всего молятся. Слав. бояти ся, кроме литовского языка, встречается еще только в древнеиндийском: в общем контексте религиозной терминологии и это слово укладывается без труда. Интересные соображения возникают при размышлении над тем фактом, что славянское шуй («левый») находит параллель лишь в индоиранских языках: суеверное отношение к левой стороне достаточно известно, точно так же, как обычай обозначать «страшное» понятие особыми словами (т. наз. «словарные табу»). Вобщем, можно сказать, что среди специальных совпадений праславянского словаря с праиндоиранским, термины, так или иначе связанные с религиозными переживаниями представляют очень значительный процент.

Совершенно иной характер носят специальные совпадения праславянского языка с западноиндоевропейскимъ. Таких совпадений м. б. и больше, чем с праиндоиранским, но среди них прежде всего нет тех интимных словечек, вроде союзов, предлогов и проч., которые играют такую видную роль в жизни повседневного языка. Решительно преобладают слова с техническим значением, имеющие отношение к хозяйственной жизни. из существительных — сѣмя, зрьно, брашьно, лѣха (гряда), яблъко, прася (поросенок), бобъ, секыра, шило, трудъ; из глаголов — сѣяти,

ковати, плести, сѣщи (сечь, высекать, отсекать) — имеют точные параллели, кроме балтийских языков, лишь в языках кельтских, италийских и германских. Прилагат. добръ (нем. tapfer, латин. faber из индоевр dhabros) первоначально было лишено этического смысла и обозначало чисто техническую «добродетель», ловкость, приспособленность к известной работе. Старым социальным бытом веет от слов гость (нем. gast, лат. hostis), мѣна, длъгъ (долг), известных лишь славянам, италийцам и германцам, м. б. и от слова дѣлъ (делить, удел, надел), имеющего точную параллель лишь на германской почве (нем. Teil). Остальные слова, встречающиеся лишь у славян и западных индоевропейцев, менее характерны, т. как обозначают предметы внешней природы, при чем их общность об'ясняется общими географическими условиями, (море, мъхъ—мох, дроздъ, оса, срьшень—шершень, ельха — ольха, ива, сѣверъ), либо части тела (лядвея, брада); обе эти категории представлены и в запасе славянско-индоиранских совпадений (слав. гора — авест. gairi, древнеинд. giri; слав. грива, уста, власъ — древнеинд. griva «шея», oshtha «рот», авест. varesa «волос»).

Весьма вероятно, что праславянские диалекты, кроме связей с востоком и западом, имели и специальные связи с югом, с диалектами прафракийским, праиллирийским, во всяком случае, с тем диалектом из которого позднее развился албанский язык. К сожалению, албанский язык, в том виде, как он дошел до нас, представляется языком сильно смешанным: в его словаре элементы иноземные (романские, греческие, турецкие и ново-славянские) решительно преобладают над туземными, которых осталось совсем мало. Языки древних фракийцев и иллирийцев нам почти совсем неизвестны. Т. о., о характере связи праславянских диалектов с их южными соседями мы ничего определенного не знаем.

К концу индоевропейской эпохи, т. е. к тому моменту когда праславянский диалект обособился в самостоятельной язык, славянам предстояло произвести выбор между направлениями связи с востоком югом и западом. Мы видели, что «душой» славяне тянули к индоиранцам, «телом», в силу географических и материально-бытовых условий — к западным индоевропейцам. Первое время после окончательного обособления общеславянского праязыка от прочих ветвей индоевропейской семьи, предки славян довольно долго продолжали испытвать сильное влияние западных индоевропейцев, окончательно уже разделившихся на три лингвистические особи: германцев, кельтов и италийцев (поздее романцев). Древнейшие германские и романские элементы, вошедшие в общеславянский праязык, по тем категориям значения, которым они относятся, ничем не отличаются от тех лексических элементов которые и раньше были общими у праславянских диалектов с празападно-индоевропейскими. Это, главным образом, предметы хозяйственные, термины, относящиеся к торговле и государственному быту, наконец, названия оружия. Позднее к этим словам присоединяются и термины христианской религии, приходящие к славянам первоначально довольно кружным путем, от греков и римлян через германцев (црькы, постъ) или через романцев (крижь. крьстъ, коумъ), еще позднее — прямо от греков.

Наконец, по окончании этой эпохи общеславянского единства, славя-

не разделяются на более мелкие группы — западную, южную и восточную, каждая из которых воплощает как бы особую «ориентацию».

Культурная физиономия славянства, т. о. , была предрешена с самого начала, еще тогда , когда предки славян являлись лишь частью общей массы индоевропейцев и говорили еще на диалекте общеиндоевропейского праязыка. Уже тогда серединное положение этих племен вызывало в них тенденции к связи то с востоком, то с западом, то с югом. Позднее эти тенденции дифференцировались в связи с дифференциацией самого славянства, и в результате каждая из ветвей славянства сохранила за собой о д н у из этих тенденций.

Западные славяне примкнули к романогерманскому миру. Правда, этот мир не смотрел на них как на вполне полноправных членов своего семейства. Западные славяне подвергались онемечению и истреблению. Когда то эти славяне занимали всю восточную половину современной Германии вплоть до Эльбы и до Фульды (в Гессене); теперь же от всей этой массы западных славян остались только Польша , Чехия и небольшой островок лужичан, окруженный немцами И все же, несмотря на такое незавидное положение западных славян в романогерманском мире и на то, что вполне своими их не считали, они довольно органически усвоили романогерманскую культуру и по мере сил участвовали в ея развитии. Умственному перевороту, ознаменовавшему собой начало т. наз. «новой истории» романогерманского мира, в значительной мере, способствовала деятельность двух западных славян, — чеха Янз Гуса и поляка Николая Коперника

Южные славяне вошли в сферу влияния Византии и, вместе. с другими племенами Балканского полуострова , участвовали в создании особой «балканской культуры», эллинистической в своих верхах, а в низах не поддающейся более детальному этнологическому определению , в виду того, что роль отдельных этнических элементов. ее создавших , до сих пор еще недостаточно изучена. Усвоение духа Византийской культуры и здесь шло органически, по крайней мере до начала шовинистических происков греческих «фанариотов» (уже в эпоху турецкого владычества), стремившихся заменить это органическое усвоение и свободное сотрудничество механическим подчинением.

У восточных славян культурные ориентации носили гораздо меннее определенный характер Не соприкасаясь непосредственно ни с одним из очагов индоевропейской культуры,*) они могли свободно выбирать между романогерманским «западом» и Византией, знакомясь с тем и другим, главным образом, через славянское посредство. Выбор был сделан в пользу Византии и дал первоначально очень хорошие результаты. На русской почве Византийская культура развивалась и украшалась. Все получаемое из Византии усваивалось органически и служило образцом для творчества, при-

*) Северноиранские (скифосарматские) племена, обитавшие некогда в Южной России, довольно рано перестали существовать, отчасти ассимилировавшись с восточными славянами, отчасти вытесненные или поглощенные тюркскими кочевниками. Последним остатком этих скифосарматских племен являются современные осетины.

способлявшего все эти элемаенты к требованиям национальной психики.Это относится особенно к области духовной культуры, к искусству и религиозной жизни. Наоборот , все получаемое с «запада» — органически не усваивалось, не вдохновляло национального творчества. Западные товары привозились , покупались, но не воспроизводились. Мастера выписывались, но не с тем, чтобы учить русских людей, а с тем, чтобы выполнять заказы. Иногда переводились книги, но не порождали соответствующего роста национальной литературы. Мы имеем в виду, разумеется. лишь общие штрихи, а не детали. Исключений из общего правила было, конечно, очень много, но в общем все византийское несомненно усваивалось в России легче и органичнее, чем все западное. Напрасно было бы об'яснять все это одним лишь суеверным мизонеизмом. В самом этом «суеверии» было инстинктивное ощущение репульсии к романогерманскому духу, сознание своей неспособности творить в этом духе. И в этом отношении восточные славяне являлись верными потомками своих доисторических предков — тех носителей праславянского диалекта индоевропейского праязыка, которые , как показывает изучение словаря, не чувствовали духовной близости к западным индоевропейцам и в духовном отношении ориентировались на восток. У западных славян эта психическая особенность была подавлена благодаря долгому непосредственному общению с германцами, у восточных же она усугубилась отчасти , м. б. , благодаря антропологическому смешению с угро-финнами и тюрками.

Такое положение дела, однако, резко изменилось, благодаря реформе Петра Великого. С момента этой реформы русские должны были проникнуться романогерманским духом и творить в этом духе. Из предыдущего явствует, что к спешному выполнению этой задачи русские были органически неспособны. И действительно, если Россия до Петра Великого по своей культуре могла считаться чуть ли не самой даровитой и плодовитой продолжательницей Византии, то после Петра Великого, вступив на путь романогерманской «ориентации», она оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации. Некоторые основные движущие факторы европейской духовной культуры (напр. европейское правосознание) русскими верхами усваивались плохо, народом совсем не усваивались. Отсутствие некоторых первостепенно-важных для романогерманцев психологических способностей давало себя чувствовать на каждом шагу. И потому то число настоящих вкладов русского гения в «сокровищницу европейской цивилизации» осталось ничтожным по сравнению с массой иностранных культурных ценностей, непрерывно механически пересаживаемых на русскую почву. Попытки органической переработки романогерманских культурных ценностей и выявления самобытного индивидуального творчества, в рамках определенной европейской формы, в России делались неоднократно, особенно в области духовной культуры. Однако, только исключительно гениальным личностям удавалось создавать в этих рамках ценности , приемлемые не для одной России, а и для «Запада», и явный , подавляющий перевес был всегда на стороне простого, почти механического перенимания и подражания. Следует заметить, что когда какой нибудь русский талант или гений пытался, оставаясь в рамках европейской культуры, дать что-нибудь националь-

но-самобытное, он большею частью вводил в свое творчество чуждый романогерманскому миру византийский, «русский» или «восточный» (особенно в музыке) элемент. Благодаря этому настоящий романогерманец приемлет русское творчество как экзотику, которой можно любоваться издали, не сливаясь с ней и не переживая ее Вместе с тем, с точки зрения подлинной самобытности, такая смешанная ценность тоже не вполне приемлема, и чуткий русский человек всегда ощущает в ней некоторую фальшь. Фальшь эта — отчасти от неправильного понимания русской стихии («дю-рюсс»), отчасти от несоответствия между формой и содержанием.

В конце концов , несмотря на все усилия русской интеллигенции (в широком смысле этого слова) , две пропасти, вырытыя Петром Великим, одна — между «до петровской» Русью и «послепетровской» Россией, другая — между народом и образованными классами, остаются незаполненными и зияют и по настоящее время. Даже чуткая душа великих художников неспособна была перекинуть мостъ через эти пропасти, и музыка Римского-Корсакова все таки принципиально отличается от подлинной русской песни, точно так же , как живопись Васнецова и Нестерова — от подлинной русской иконы.

Так обстоит дело с верхним этажем здания русской культуры Русские культурные верхи всегда жили культурными традициями, рецепированными сначала от Византии, потом — с романогерманского запада, более или менее органически перерабатывая эти традиции. Правда, переработанныя верхами иноземные традиции проникали и вниз, в народ. Особенно сильно проникли в народную массу традиции византийского, восточного православия, окрасившие всю духовную жизнь народа в определенный тон, но это восточное православие, соприкоснувшись с народной русской стихией, настолько преобразовалось, что специфически-византийские черты в нем сильно потускнели. Западная культура в народную массу проникала гораздо слабее; не затрагивая глубин народной души. Поэтому рецепция романогерманской культуры и вызвала между верхним и нижним этажем здания русской культуры такую принципиальную несоразмерность, которой не было, когда верхи рецепировали культуру византийскую. Но византийскими и романогерманскими традициями не исчерпывается культурный или этнографический облик русской народной стихии В русском образованном обществе распространенно убеждение, что своеобразные черты этого облика являются «славянскими». Это не верно. Та культура (в смысле общего запаса культурных ценностей, удовлетворяющих материальныя и духовныя потребности данной среды), которой всегда жил русский народ, с этнографической точки зрения, представляет из себя совершенно особую величину, которую нельзя включить без остатка в какую либо более широкую группу культур или культурную зону. В общем, эта культура есть сама особая «зона», в которую, кроме русских, входят еще угрофиннские «инородцы», вместе с тюрками волжского бассейна. С незаметной постепенностью эта культура на востоке и юго-востоке соприкасается с культурой «степной» (тюрко-монгольской) и через нее связывается с культурами Азии. На западе имеется тоже постепенный переход (через белоруссов и малороссов) к культуре западных славян, соприкасающейся с романогерманской, и к культуре «балканской».

Но эта связь с славянскими культурами вовсе уже не так сильна и уравновешивается сильными связями с «востоком». По целому ряду вопросов русская народная культура примыкает именно к востоку, так что граница «востока» и «запада» иной раз проходит именно между русскими и славянами, а иногда южные славяне сходятся с русскими не потому, что и те и другие славяне, а потому, что и те и другие испытали сильное тюркское влияние.

Эта особенность русской стихии сказывается ярко в народном художественном творчестве. Значительная часть великорусских народных песней (в том числе стариннейших, обрядовых и свадебных) составлены в так называемой «пятитонной» или «индокитайской» гамме, т. е. как бы в мажорном звукоряде с пропуском четвертой и седьмой ступени.*) Эта гамма существует (при том, в качестве единственной) у тюркских племен бассейна Волги и Камы, далее у башкир, у сибирских «татар», у тюрков русского и китайского Туркестана, у всех монголов. Повидимому, эта гамма некогда существовала и в Китае: по крайней мере, китайская теория музыки предполагает ее существование и принятая в Китае нотация основана на ней.**) В Сиаме, Бирме, Комбодже и Индокитае она господствует и сейчас. Таким образом, в данном случае мы имеем непрерывную линию, идущую с востока. На великороссах эта линия обрывается. У малороссов пятитонная гамма встречается лишь в очень редких старинных песнях, у прочих славян отмечены лишь единичные случаи ее применения, у романцев и германцев ее нет вовсе, и только на крайнем северо-западе Европы у британских кельтов (шотландцев, ирландцев и бретонцев) она опять выступает. В ритмическом отношении русская песнь тоже существенно отличается не только от романогерманской, но и от славянских, хотя бы например совершенным отсутствием трехдольных ритмов (ритма вальса или мазурки). От Азии русскую песнь отделяет то, что большинство «азиатов» поют в унисон. Но русская песнь в этом отношении представляет из себя переходное звено: голосоведение русского хора полифоническое, песни унисонные нередки, а «запевало» в известных категориях хоровых песен даже обязателен.

Такое же своеобразие представляет и другой вид «ритмического искусства» — танцы. Романогерманские танцы отличаются обязательной наличностью пары «кавалера» и «дамы», танцующих одновременно и держащихся друг за друга, что дает им возможность производить ритмические движения одними лишь ногами, при чем самые эти движения («па») и у «кавалера» и у «дамы» одинаковы. В русских танцах ничего подобного нет. Пара необязательна, и даже там, где танцуют двое, эти двое не принадлежат непременно к разным полам и могут танцовать и не одновременно, а по очереди, во

---

*) Для читателей, незнакомых с теорией музыки, укажем, что эта гамма получится, если перебирать «черные» клавиши на рояле. Из известных русской публике «культурных» произведений, написанных в этой гамме, можно указать романс Рахманинова «Сирень».

**) При исполнении, однако, происходит транспонирование, в результате которого получается гамма в четыре тона. Например, мелодия «написана» в гамме до, ре, ми, соль, ля, а при исполнении вместо соль и ля берут ля бемоль, для «соль» на октаву выше, чем для «ля».

всяком случае не держась друг за друга руками. Благодаря этому, ритмические движения могут производиться не одними ногами, но и руками и плечами. Движения ног у мужчины иные, чем у женщины, и характеризуются переступами каблука и пальцев. Замечается стремление к неподвижности головы, особенно у женщины. Движения мужчины определенно не предуказаны, и предоставляется большой простор импровизации в рамках определенного ритма; движения женщины представляют из себя стилизованную походку. Плясовой мотив является короткой музыкальной фразой, ритм которой достаточно отчеканен, но дает большой простор вариационной разработке. Все эти собенности встречаются и у восточных финнов, у тюрков, монголов, у кавказцев (впрочем на северном Кавказе есть танцы и парные, при которых танцующие держатся друг за друга) и у многих других «азиатов»*) В отличие от романогерманских танцев, в которых постоянное прикосновение кавалера к даме при бедности технических средств самого танца вносит определенный сексуальный элемент, русско-азиатские танцы носят скорее характер состязания в ловкости и в ритмической дисциплине тела. Участие зрителей, инстинктивно притоптывающих, присвистывающих и вскрикивающих, еще повышает ритмический пафос. В Европе только испанцы знают нечто подобное, но по всей вероятности это об'ясняется и у них «восточным» (мавританским и цыганским) влиянием. Что касается до славян, то они в отношении хореографического искусства не примыкают к России; только болгарская «рученица» воспроизводит до известной степени русско-азиатский тип, несомненно под «восточным» влиянием.

В области орнамента (резьба, вышивка) великорусская народная культура имеет свой самобытный стиль, который через малороссов связывается с Балканами, а через угрофиннов — с востоком. В этой области имелись повидимому довольно сложные перекрестные влияния, которые предстоит еще выяснить путем научного анализа. К сожалению, наука об орнаменте до сих пор не вышла еще из зачаточного состояния и не выработала сколько нибудь целесообразных приемов классификации, которые позволяли бы устанавливать об'ективное родство разных орнаментов между собой. Поэтому невозможно определить, в чем именно заключается различие русского орнамента от западно-славянского и романогерманского, хотя это различие, тем не менее, чувствуется довольно ярко .

В области народной словесности великоруссы представляются вполне оригинальными. Стиль русской сказки не встречает параллелей ни у романогерманцев , ни у славян, но за то имеет аналогии у тюрков и кавказцев. Восточнофиннские сказки в отношении стиля находятся вполне под русским влиянием. Русский эпос по своим сюжетам связан и с «туранским» востоком,

---

*) Кроме «сольных» танцев вышеописанного типа, русские знают и тип хорового танца. Однако этот последний тип у русских имеет совершенно другой вид, чем у славян, романогерманцев и некоторых восточных народов. Строго говоря, русский хоровод не есть «танец» в истинном смысле этого слова, ибо никаких «па» участники хороьода не производят и даже переступают ногами не обязательно «въ такт» музыке. Это скорее вид «игры» или обрядового действия в котором главную роль играет хоровая песнь.

и с Византией, а отчасти и с романогерманским миром. Но по форме он вполне оригинален, во всяком случае не обнаруживает никаких «западных» черт. В формальном отношении можно говорить лишь о довольно слабой связи с балканским славянством и о довольно сильной связи со степным «ордынским» эпосом.

О материальной культуре русского народа можно сказать лишь то, что от культуры степных кочевников она естественно очень отличается и что она скорее связана с западно- и южно-славянскими культурами. Но одно все-таки несомненно, это что в отношении материальной культуры большинство финнских народов (кроме бродячих и кочевых) представляют с великороссами как бы единое целое. К сожалению, детальных этнографических исследований в области отдельных сторон народного русского материального быта до сих пор было очень мало. Преобладали диллетантские работы К стыду нашему мы должны признать, что материальная культура финнских инородцев, особенно благодаря трудам финляндских этнографов, изучена куда лучше. Роль угрофиннского и восточнославянского элементов в создании того типа культуры, который можно назвать русско-финнским, остается невполне выясненным. Полагают, что в области рыболовной техники влияющей стороной были угрофинны, а в области постройки жилища — восточные славяне. В русско-финнском костюме есть несколько характерных общих черт (лапти, косоворотка, женский головной убор), неизвестных романогерманцам и славянам (лапти существуют у литовцев). Но происхождение всех этих элементов до сих пор еще нельзя считать вполне выясненным.

Таким образом, в этнографическом отношении русский народ не является исключительно представителем «славянства». Русские вместе с угрофиннами и с волжскими тюрками составляют особую культурную зону, имеющую связи и с славянством и с «туранским» востоком, при чем трудно сказать, которые из этих связей прочнее и сильнее. Связь русских с «туранцами» закреплена не только этнографически, но и антропологически, ибо в русских жилах несомненно течет, кроме славянской и угрофинской, и тюркская кровь. В народном характере русских безусловно есть какия то точки соприкосновения с «туранским востоком». То братание и взаимное понимание, которое так легко устанавливается между нами и этими «азиатами», основано на этих невидимых нитях расовой симпатии. Русский национальный характер впрочем достаточно сильно отличается как от угрофиннского, так и от тюркского, но в то же время он решительно не похож и на национальный характер других славян. Целый ряд черт, которые русский народ в себе особенно ценит, не имеют никакого эквивалента в славянском моральном облике. Наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но, тем не менее, совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным востоком. «Удаль», ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но не понятная ни романогерманцам, ни славянам.

Своеобразие психологического и этнографического облика русской народной стихии должно быть принято во внимание при всяком построении

новой русской культуры. Ведь эта стихия призвана быть нижним этажем здания русской культуры, и для того, чтобы такое здание было прочно, нужно, чтобы верхняя часть постройки соответствовала нижней, чтобы между верхом и низом не было принципиального сдвига или излома. Пока здание русской культуры завершалось византийским куполом, такая устойчивость существовала. Но с тех пор как этот купол стал заменяться верхним этажем романогерманской конструкции, всякая устойчивость и соразмерность частей здания утратилась, верх стал все более и более накреняться и, наконец, рухнул, а мы, русские интеллигенты, потратившие столько труда и сил на подпирание валящейся с русских стен неприлаженной к ним романогерманской крыши, — стоим в изумлении перед этой гигантской развалиной и все думаем о том, как бы опять выстроить новую крышу , опять того же, романогерманского образца. Эти планы следует решительно отвергнуть. Чтобы прочно утвердиться на русской почве , верхи русской культуры во всяком случае не должны быть специфически романогерманскими. Возврат к византийским традициям, конечно, невозможен. Правда, тот единственный уголок русской жизни, та часть здания русской культуры, в которой византийские традиции не были вполне вытеснены «европеизацией», русская православная Церковь — оказалась поразительно живучей и во время общего крушения не только не рухнула, но вновь приняла свою исконную форму, перестроившись опять по образцу, унаследованному из Византии. В будущем византийский элемент русской культуры, исходя именно из церковной традиции, м. б., даже будет усиливаться. Но думать о полном переустройстве русской жизни на старых византийских началах в их чистом виде, конечно, невозможно. И не потому только, что два с половиной века усиленной европеизации не прошли для России безследно, но и потому, что даже в XVII веке, когда патриарх Никон решил усилить византийский элемент русской жизни и приблизить русское благочестие к его византийскому образцу, этот образец значительной частью русского народа уже был воспринят , как нечто иноземное, и вызвал раскол. Позднее тот же раскол обратил острие своего протеста против европеизации. В русском расколе с тех пор воплощается стремление русской народной стихии к самобытной культуре, направленное , м. б. по ложному пути и обреченное заранее на неудачу, вследствие того, что оно имеет лишь низы, но не имеет культурного верха. Но в путях раскола все таки чувствуется проявление здорового национального инстинкта русской стихии, протестующей против искусственно надетого на нее чужого культурного верха. И потому то глубоко знаменательно что Емельян Пугачев , стоя под знаменем старообрядчества , отвергающего «паганых латинян и лютеров», не находил ничего предосудительного в об'единении с башкирами и прочими представителями не только инославного, но даже иноверного туранского востока.

В этих подсознательных симпатиях и антипатиях русской народной стихии и надо черпать указания для постройки здания русской культуры. Мы исповедуем восточное православие , и это православие сообразно со свойствами нашей национальной психики должно занять в нашей культуре первенствующее положение, влияя на многие стороны русской жизни. Вместе с верой мы получили из Византии много культурных традиций, которые

в старину с'умели творчески развить и приспособить к нашим , русским. Пусть работа в этом направлении будет продолжаться . Но этим дело не исчерпывается. Нельзя все уложить в византийские рамки. Мы не византийцы, а русские , и для того, чтобы русская культура была вполне «нашей», нужно, чтобы она была теснее связана с своеобразным психологическим и этнографическим обликом русской народной стихии. И тут то надо иметь в виду особые свойства этого облика. Много говорили о том, что историческая миссия России состоит в об'единении наших «братьев» славян При этом обычно забывали, что нашими «братьями» (если не по языку и по вере . то по крови , характеру и культуре) являются не только славяне. но и туранцы. и что фактически Россия уже об'единила под сенью своей государственности значительную часть «туранского востока». Опыты христианизации этих «инородцев» до сих пор были очень мало удачны А. следовательно, для того. чтобы верхи русской культуры находились в соответствии с особым положением этнографической зоны русской стихии, необходимо , чтобы русская культура не исчерпывалась восточным православием. а выявляла бы и те черты своей основной народной стихии, которые способны сплотить в одно культурное целое разнородные племена. исторически связанные с судьбой русского народа. Это не означает , конечно, чтобы лапти или пятитонная гамма непременно сделались неот'емлемой принадлежностью верхов русской культуры. Предсказывать и предписывать конкретные формы имеющей появиться новой русской культуры вообще невозможно. Но все же отличие верхов от низов должно определяться не тяготением к двум различным этнографическим зонам, а степенью культурной разработки и детализации элементов единой культуры. Русская культура , в смысле завершения культурного здания, должна вырастать органически из основания русской стихии.

О ТУРАНСКОМ ЭЛЕМЕНТЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.

I.

Восточно-славянские племена занимали первоначально лишь незначительную часть той громадной территории, которую занимает современная Россия. Славяне заселяли первоначально только небольшую западную часть этой территории, речные бассейны, связующие Балтийское Море с Черным. Вся прочая, большая часть территории современной России была заселена преимущественно теми племенами, которые принято об'единять под именем «туранских» или «уралоалтайских» В истории всей названной географической области эти туранские племена играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточно-славянские, русские племена. Даже в так называемый домонгольский период, туранские государства в пределах одной Европейской России (царство волжскокамских болгар и царство Хазарское) были гораздо значительнее варяжско-русского. Самое об'единение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами. Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожительство русских с туранцами проходит красной питью через всю русскую историю. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великорусса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, и если та же туранская кровь (от древних степных кочевников) в значительной мере течеть и в жилах малороссов,—то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам русским необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев. Между тем, до сих пор мы мало заботились об этом; мы склонны были всегда выдвигать наше славянское происхождение, замалчивая наличность в нас туранского элемента, даже как будто стыдясь этого элемента. С тэтим предрассудком пора покончить. Как всякая предвзятость, он мешае правильному самопознанию, а правильное самопознание есть не только долг всякой личности, но и непременное условие разумного существования всякой личности, в том числе и нации, принимаемой также, как своего рода личность.

Под именем «туранских» или «уралоалтайских» народов разумеют следующие пять групп народов:

Народы у г р о ф и н н с к и е, которые по признакам языкового родства подразделяются на западных финнов (эстов, карелов, собственно-финнов и рядь мелких племен), лопарей в Швеции, Норвегии, северной Финлян-

дии и в России на Кольском полуострове), мордву, черемисс, пермских финнов (зырян и вотяков) и угров (мадьяр или венгерцев в Венгрии и Трансильвании и «обских угров» — т. е. вогулов и остяков в северозападной Сибири); к той же группе угрофиннских народов принадлежали и вымершие (точнее вполне обрусевшие) древние племена, — меря (по языку родственная черемиссам), весь (по языку западнофиннское племя), мурома и мещера, — упоминаемая русскими летописями.

С а м о е д ы, делившиеся на несколько племен, ныне почти вымершие и сохранившиеся лишь в незначительном количестве в Архангельской губернии и северо-западной Сибири.

Т ю р к и, к которым принадлежат турки-османы, разные татары (крымские, казанские, азербейджанские, тобольские и т. д.), мещеряки, тептяри, балкарцы (карачаевцы, урусбиевцы и проч.), кумыки, башкиры, киргизы-кайсаки, кара-киргизы, туркмены, сарты, узбеки, алтайцы, якуты , чуваши и целый ряд древних, исчезнувших народов, из которых наиболее известными являются хазары, болгары (волжско-камские и «аспаруховы»), половцы (иначе куманы или кипчаки), уйгуры и проч.

М о н г о л ы, к которым принадлежат в пределах России калмыки и буряты, а за ее пределами — собственно монголы в Монголии.

М а н д ж у р ы, к которым кромѣ собственно манджуров принадлежат еще гольды и тунгусы (ныне почти поголовно вымершие или обрусевшие).

Несмотря на ряд общих антропологических и лингвистических признаков, свойственных всем перечисленным группам народов и позволяющим об'единить их под общим именем туранских, вопрос о их генетическом родстве является спорным. Доказанным можно считать только родство угрофиннской группы языков с самоедской, и обе эти группы об'единяют иногда под общим именем «уральской семьи языков»*). Но все же, даже если остальные три группы туранских языков и народов генетически не родственны между собой и с «уральцами», тем не менее близкое взаимное сходство всех туранских языков и психологических обликов всех туранских народов совершенно не подлежит сомнению, и мы имеем право говорить о едином туранском психологическом типе, совершенно отвлекаясь от вопроса о том, обусловлена ли эта общность психологического типа кровным родством или какими нибудь другими историческими причинами.

II.

Туранский психический облик явственнее всего выступает у тюрков, которые к тому же из всех туранцев играли в истории Евразии самую выдающуюся роль. Поэтому, мы будем исходить их характеристики именно тюрков.

---

*) Родство между тюркскими, монгольскими и манджурскими языками (об'единяемыми в общую группу «алтайских языков»), считавшееся долгое время весьма вероятным, за последнее время в связи с более детальным их изучением подвергнуто сомнению. Родство между «уральскими» языками и остальными туранскими большинством лингвистов теперь решительно отрицается. И только за самое

Психический облик тюрков выясняется из рассмотрения их языка и продуктов их национального творчества в области духовной культуры.

Тюркские я з ы к и очень близки друг к другу, особенно если отвлечься от иностранных слов (персидских и арабских) проникших в огромном числе в языки тюрков-мусульман. При сравнении отдельных тюркских языков между собой легко выявляется один общий тип языка, яснее всего выступающий у алтайцев. Тип этот характеризуется своей необычайной стройностью. Звуковой состав слов нормируется рядом законов, которые в чисто-тюркских, незаимствованных словах не терпят исключений. Так, гласные в каждом слове подчиняются законам «гармонии гласных»: если первый слог слова заключает в себе одну из «задних» гласных (а, о, ы, у), то и все прочие слоги того же слова, сколько бы их ни было, должны заключать в себе одну из этих задних гласных; если первый слог заключает в себе одну из «передних» гласных (а*),о, ї, u), то и все прочие слоги того же слова непременно заключают в себе одну из этих передних гласных; совмещение в разных слогах одного и того же слова гласных задних и передних не допускается, каждое слово является либо сплошь «заднегласным», либо сплошь «переднегласным». Аналогичные законы нормируют и употребление гласных «темных» (т. е. связанных с выдвижением губ: о, у, о, u) и светлых (т. е. не связанных с выдвижением губ а, ы, а, ı)**). В наиболее типичных тюркских языках такими же строгими и не терпящими исключений правилами нормируется и употребление согласных в слове: одне согласные (напр. къ, гъ, лъ) допускается только в «заднегласных», другие (напр. кь, гь, ль) — только в «переднегласных» словах, одни (напр. д, б, г, дж, з, ж) допускаются только между гласными (или между р, л, м, н, и гласной), другие (напр. т, п, к, ч, с, ш) именно в этом положении не допускаются и т. д. Таким образом, несмотря на относительное богатство общего инвентаря звуков, язык оказывается фонетически однообразным. Благодаря строгому подчинению всей звуковой системы языка вышеупомянутым законам, число возможных звуковых комбинаций ограничено, и в связной речи одни и те же комбинации звуков постоянно повторяются. Речь получает особо явственное звуковое единство, создается некоторая акустическая инерция (подобная инерции тональностей в музыкальном произведении.) —

Та же стройность и педантическое следование единообразным законам наблюдается и в грамматике тюркских языков. Эта грамматика, собственно, не знает «исключений». Все существительные склоняются по одному и тому же образцу; вариации, обусловленные только законами гармо-

---

последнее время стали вновь делаться попытки научно доказать это родство.

*) а — звук средний между е и а, нечто вроде той гласной, которая звучит в русском слове п я т ь.

**) Напр. в алтайском языке после слога, содержащего гласную ó, может стоять только слог содержащий о или u, после слога с гласной ы — только слог, содержащий ы или а, и т. д. По турецки гласные у, u допускаются в не первом слоге слова только если предшествующий слог содержит «темную гласную»; гласные ы, і — только после слога с «светлой» гласной.

нии звуков, в силу всеобщности этих законов, не сознаются как исключения.*) Все глаголы спрягаются одинаково**) Поражает трезвая экономия грамматического инвентаря· нет никаких грамматических категорий с логически или материально не оправданным значением***). Корень изменяемого слова (то есть комплекс звуков, являющийся носителем его основного материального значения) составляет всегда первую часть этого слова, т. е словесные элементы с грамматическим значением всегда стоят п о с л е корня, представляя из себя «суффиксы» или «окончания». а «префиксов» или приставок» нет. Гласная корня во всех формах остается неизменной, гласная же суффикса и окончания меняются, смотря по качеству гласной предшествующего слога, сообразно с законами гармонии гласных, спанвающими все элементы слова в одно фонетическое целое; в то же время самый порядок расположения в пределах одной словесной единицы разных грамматических элементов нормируется особыми строго логическими правилами, создающими смысловое единство слова.****)

---

*) Напр по турецки к о л «рука» имеет род. пад. к о л у н, а т а ш «камень» — род пад. т а ш ы н, не потому, чтобы эти слова принадлежали к разным склонениям, а потому, что по закону гармонии гласных у может стоять только после слога с задней темной гласной, а ы — только после слога с светлой гласной и т. д.

**) Если не считать глагола «быть», который чуть ли не во всех языках земного шара представляет отступления от нормы.

***) Напр. нет разделения существительных на роды.

****) С звуковой стороны тюркское слово есть комплекс в известном отношении однородных звуков; со стороны смысловой это есть единое представленее. Звуковое единство тюркского слова определяется действием законов гармонии звуков: на том месте, где это действие прекращается, лежит и граница данной словесной единицы, и начинается другая словесная единица. Это подчеркивается ударением, которое в принципе лежит на последнем слоге каждого слова. Т. к. все законы гармонии звуков сводятся к тому, что качество звуков каждого слова определяется качеством звуков непосредственно предшествующего слога того же слова, а первым слогом каждой словесной единицы всегда является корень, то можно сказать, что корень определяет собой весь фонетический характер (звуковой облик) данного слова. Смысловым эквивалентом этой звуковой стороны является порядок расположения грамматических элементов слова. За корнем следуют с у ф ф и к с ы, т. е. звуковые комплексы, изменяющие и специализирующие материальное значение слова присоединение каждого суффикса создает в смысловом отношении новое представление, материально отличное от представления, выражаемого при отсутствии данного суффикса. При этом, если в слове несколько суффиксов, то они располагаются так, чтобы суффиксы с наиболее частным и конкретным значением стояли к корню ближе, чем суффиксы с значением более общим и отвлеченным. Наконец, заканчивается слово о к о н ч а н и е м, т. е. звуковым комплексом, неизменяющим материальное представление о данном предмете или действии, а указывающим лишь логическое отношение данного слова к другим словам того же предложения. Этот принцип расположения формальных элементов слова проводится с неумолимой последовательностью. Так напр., отрицание в глаголе выражается особым суффиксом, ибо представление о действии отрицаемом иное, чем о действи утверждаемом и т. д.—Возьмемъ несколько примеров, иллюстри-

Та же логическая схематичность и последовательность наблюдается и в области синтаксиса. Порядок слов в предложении определяется несколькими простыми общими правилами, недопускающими исключений. Слова определяющие стоят непосредственно передъ словами определяемыми, подлежащее предшествует сказуемому (даже общее: слово, выражающее суб'ект действия предшествует слову, выражающему действие), прямое дополнение стоит между подлежащим и сказуемым и т. д. В эту простую схему втискиваются как самые простые, так и самые сложные предложения, даже периоды.*)

Подводя итог всему сказанному о тюркском языковом типе, приходим к заключению, что тип этот характеризуется схематической закономерностью, последовательным проведением небольшого числа простых и ясных основных принципов, спаивающих речь в одно целое. Сравнительная бедность и рудиментарность самого речевого материала с одной стороны, и подчинение всей речи как в звуковом, так и в формальном отношении, схематической закономерности, — вот главные особенности тюркского языкового типа.

После языка наибольшее значение для характеристи данного национального типа имеет народное искусство.

рующих все сказанное о звуковомъ и морфологическом строении тюркского слова. Османско-турецкое т а ш «камень» заключает в себе светлую заднюю гласную а; д ж ы к (перед гласными д ж ы г) суффикс уменьшительных: т а ш д ж ы к «камушек»,; л а р суффикс умножственного числа· т а ш л а р «камни», т а ш д ж ы к л а р «камушки»; ы м суффикс притяжательный 1-го лица ед. ч.: т а ш ы м «мой камень», т а ш л а р ы м «мои камни», т а ш д ж ы г ы м «мой камушек», т а ш д ж ы к л а р ы м «мои камушки»; — д а окончание местного падежа: т а ш д а въ «камне», т а ш д ж ы к д а «в камушке», т а ш л а р д а «в камнях», т а ш д ж ы к л а р д а «в камушках», т а ш ы м д а «в моем камне», т а ш д ж ы м д а «в моем камушке», т а ш л а р ы м д а «в моих камнях», т а ш д ж ы к л а р ы м д а «в моих камушках». Не трудно заметить, что все эти слова как бы настроены на одну «тональность а—ы»: эта тональность задана качеством гласной корня т а ш. От слова е в «дом» все аналогичные производные строятся т. сказ. в другой тональности (именно «е — і»), задаваемой гласной коренного слова: ср. «евджиклеримде» в моих домиках и т. д.

*) Дело в том, что предложения относительные и условноотносительные выражаются причастными конструкциями, при чем самые причастия рассматриваются как определения и, согласно общему правилу, ставятся перед определяемым словом: «я принес книгу, которую ты видел» переводится «я тобой-виденную книгу принес». Предложения цели выражаются конструкциями с склоняемым инфинитивом, который ставится в дательном падеже и занимает в фразе обычное место, предназначенное для косвенного дополнения: «я принес книгу, чтобы ты ее прочел» переводится «я к тобой прочтению (к твоему прочтению) книгу принес». Предложения времени выражаются местным (locativus) или отложительным (ablativus) падежем субстантивированного имени глагольного действия: напр. «когда я проходил, ты сидел» переводится «ты в моем прохождении (во время моего прохождения) сидел» и т. д. Наконец, чрезвычайно употребительны и разные деепричастия, из которых некоторые заменяют наши конструкции с союзом «и»: напр. «я пошел и вернулся» переводится через «я пойдя вернулся» (по турецки б е н г и д и п г е л ь д и м) и т. д. Словом, все что так или иначе можно подчинить одному подлежащему и одному сказуемому, втискивается в рамки одного предложения.

В области м у з ы к и тюркские народы представляют гораздо меньше единства, чем в области языка: зная османско-турецкий язык можно без особого труда понимать казанский или башкирский текст, но прослушавши одну за другой, сначала османско-турецкую, а потом казанско-татарскую или башкирскую мелодию приходишь к убеждению, что между ними нет ничего общего. Об'ясняется это, конечно, главным образом различием культурных влияний. Музыка османских турок находится под подавляющим влиянием музыки арабской с одной стороны и греческой с другой. Подавляющее влияние арабско-персидской музыки наблюдается также у крымских и азербейджанских татар. При определении подлинно-тюркского музыкального типа музыка турецкая, крымско-татарская и азербейджанская, особенно «городская», в расчет приниматься не может. Если мы обратимся к музыкѣ других тюркских народов, то увидим, что у большинства их господствует один определенный музыкальный тип. Этот тип, по которому строятся мелодии волжско-уральских, сибирских, части туркестанских и китайско-туркестанских тюрков, характеризуется следующими чертами. Мелодия строится на т. наз. безполутонно-пятитонном (иначе индокитайском) звукоряде, т. е. как бы на мажорном звукоряде с пропуском четвертой и седьмой ступени: напр., если в мелодии встречаются тоны до, ре и ми, то в ней могут встречаться еще только соль и ля, но ни фа, ни фа-диэз, ни си, ни си-бемоль встречаться не могут. Ходы на полтона не допускаются совершенно. Хоровые песни поются в унисон, многолосие неизвестно. Со стороны ритмической мелодии строится строго симметрично, т. е. делится на части с равным числом тактов, при чем обычно самое число тактов в каждой части мелодии — 2, 4, 8 и т. д. Можно установить небольшое число основных типов мелодий, из них важнейшие: — тип мелодии, построенной на нисходящей каденции, т. е. основанной на чередовании движения вверх и движения вниз, при чем с каждым разом верхний и нижний пределы движения все понижаются, а амплитуда самого движения сокращается; — 2 тип мелодии основанной на противупоставлении двух частей, из которых первая заключает в себе небольшую музыкальную фразу, два раза повторенную, а вторая часть — двѣ разные фразы, построенные ритмически приблизительно одинаково и осуществляющие короткое нисходящее движение. Оба эти типа представляют между собой и некоторые второстепенные различия. Но, в общем, оба типа подчинены одним и тем же законам: гармоническому закону пятитонного звукоряда и ритмическому закону симметрического равенства частей и парной периодичности. Тюркские песни, сложенные по этому образцу, отличаются особенной гармонической и ритмической ясностью и прозрачностью. Каждая такая мелодия представляет из себя одну или две похожие друг на друга и очень простые музыкальные фразы, но эти фразы могут повторяться до безконечности, образуя длинную и однотонную песню.

Иначе говоря, здесь намечаются те же основные психологические черты, которые мы выше отметили в строе тюркских языков: сравнительную бедность и рудиментарность материала и полное подчинение простым и схематичным законам, спаивающим материал в единое целое и придающим этому целому известную схематическую ясность и прозрачность.

Относительно у с т н о й п о э з и и тюркских народов приходится

сказать то же, что выше мы сказали о музыке: если откинуть те формы поэзии мусульманских тюрков, которые явно навеяны арабскими и персидскими образцами, то в поэзии разных тюркских народов намечаются черты одного общего типа. Так как в большинстве тюркских языков различия между долгим и кратким гласными не существует, а ударение, фиксированное на последнем слоге слова не сознается говорящими как смыслообразующий («фонологический») фактор языка, то тюркское стихотворение построено на числе слогов, т.е. является «силлабическим». точнее говоря, стихосложение это основано на правильном повторении «словоразделов» (границы между двумя соседними словами) черезъ промежутки, заполненные определенным числом слогов. Звуковое однообразие начала и конца тюркских слов, вызванное последовательно проведенными и регулирующими всю тюркскую речь звуковыми законами, значительно облегчает пользование качественным ритмом, т е присоединение к основному силлабическому принципу стихосложения еще и второго, подсобного принципа, в виде повторения в начале или в конце каждого метрического сегмента звуков одинакового качества. И действительно, в поэзии большинства тюркских народов существуют либо аллитерации, либо рифмы. При этом, сообразно со свойствами тюркских языков, подчиняющих гласные слова законам гармонии, гласные при аллитерации и при рифме играют незначительную роль: б и р и н д ж и, «первый» может рифмовать с о н у н д ж у «десятый». На ряду с ритмом внешним, ритмом звуков, существует и ритм внутренний, ритм значений. Тюркская поэзия имеет решительную наклонность к параллелизму. Поэтические произведения некоторых тюркских племен всецело построены на принципе параллелизма. Все стихи группируются парами, при чем второй стих в каждой паре повторяет содержание первого другими словами; в тех редких случаях, когда первый и второй стих не тождественны по содержаию, они все таки построены по одинаковой синтаксической схемѣ, так что остается по крайней мере формальный, синтаксический параллелизмъ. Дело в принципе, конечно, не меняется, когда стихи группируются не по два, а по четыре, и когда параллелизм существует не между двумя сосѣдними стихами а между первой и второй половиной одного четверостишия.

В отношении поэтического творчества отдельные тюркские народы представляют довольно различные типы. У одних (напр. у казанских татар) господствуют короткие четверостишия с довольно слабой смысловой связью между первой и второй частью (вроде русских частушек), но все же с ясной выраженной тенденцией хотя бы к синтаксическому параллелизму. У других племен находим двустишия или симметрично построенные четверостишия с параллелизмом, доходящим до тавтологии. Наконец, известны и длинные, б. ч эпические песни. но и они строятся строфически, с подчинением каждой строфы принципу параллелизма, а нередко и с об'единением нескольких строф в одну симметрично-паралелистическую фигуру. Между внешними и внутренними особенностями тюркского стихосложения существует неразрывная связь: рифма и аллитерция неразрывно связаны с принципом смыслового и синтаксического параллелизма (б. ч. рифмуют одинаковые грамматические окончания частей предложения, попадающих в силу синтаксического параллелизма на одинаковые места в двух смежных стихах); а в то же время, те же рифмы

или аллитерации, подчеркивая начало или конец стиха, способствуют ясности силлабического членения и строфического построения. Если ко всему этому прибавить, что число метров, употребляемых в тюркской поэзии очень незначительно (стихи в 7, 8, 11 и 12 слогов), что рифмы большею частью «грамматические», что параллелизм большею частью склоняется либо в сторону полной смысловой тавтологии, либо в сторону исключительно синтаксической аналогии, а более сложные образные сравнения сравнительно редки, — то мы получим достаточное представление о характере тюркского поэтического творчества. В этом творчестве мы видим опять те же психологические черты, которые уже отметили в языке и в музыке: сравнительную бедность средств, при замечательно последовательной закономерности и схематичной ясности построения

Итак, рассмотрение строя тюркских языков, тюркской музыки и тюркской поэзии привело нас к установлению известных особенностей тюркской психологии, выступающих во всех этих проявлениях национального творчества. В других областях духовной культуры тюрков скозят те же психологические особенности. В отношении религиозной жизни тюрки не отличаются активностью. Большая часть тюркских племен в настоящее время исповедует ислам, в древности были тюрки — буддисты (уйгуры) и юдаисты (хазары). Тюркские племена, сохранившие национальную языческую веру сейчас немногочисленны. Из них особаго внимания заслуживают алтайцы. Религия этих последних (поскольку они еще сохраняют язычество) проникнута идеей дуализма, и любопытно, что дуализм этот возведен в последовательную, педантически-симметричную систему. Здесь мы слѣдовательно, опять встречаемся с тем рудиментарным схематизмом, который уже отмечали в языке, в музыке и в поэзии. В язычестве якутском и чувашском находим в общем ту же дуалистическую тенденцию, но проведенную менее последовательно и схематично, чем у алтайцев.

В обычном праве, в частности в системе родового строя, специфические черты тюркской психологии тоже отражаются, но в этой области схематизм связан так сказать с существом дела, проявляется и у многих других народов, так что явление это не является характерным. Все же нельзя не отметить, что тюркское обычное право в общем всегда оказывается более разработанным и более систематично построенным чем обычное право других племен той же географической зоны (за исключением монголов).

III.

Таким образом, мы не ошибемся, если скажем, что во всем духовном творчестве тюрков господствует одна основная психическая черта: ясная схематизация сравнительно небогатого и рудиментарного материала. Отсюда позволительно сделать выводы и о самой тюркской психологии. Типичный тюрк не любит вдаваться в тонкости и в запутанные детали. Он предпочитает оперировать с основными, ясно воспринимаемыми образами, и эти образы группировать в ясные и простые схемы. Однако следует остерегаться от возмож-

ных неправильных толкований этих положений. Так ошибочно было бы думать что тюркский ум особенно был бы склонен к схематическому отвлечению. Конкретные этнографические данные, из которых мы извлекли указание на характер тюркского психического типа, не дают нам оснований для подобного заключения. Ведь те схемы, на которых, как мы видели, строится тюркское духовное творчество, отнюдь не являются продуктом философской абстракции и даже вовсе не носят характера чего-то нарочито обдуманного. Наоборот, они — подсознательны и существуют в психике как неосознанная причина той психической инерции, благодаря которой все элементы психического материала сами собой укладываются именно в таком, а не в ином порядке: это возможно, благодаря особенной элементарности и простоте этих схем. С другой стороны, ошибочно было бы думать, чтобы шорность или схематичность тюркской психологии препятствовала широкому размаху и полету фантазии. Содержание эпических преданий тюркских племен решительно противоречит такому представлению. Тюркская фантазия не бедна и не робка, в ней есть смелый размах, но размах это рудиментарен: сила воображения направлена не на детальную разработку, не на нагромождение разнообразных подробностей, а так сказать на развитие в ширину и в длину; картина рисуемая этим воображением не пестрит разнообразием красок и переходных тонов, а написана в основных тонах, широкими, порой даже колоссально широкими мазками. Это стремление к разростанию в ширь, глубоко характерное для тюркского творчества, внутренне обусловлено теми же основными чертами тюркской психики. Мы видели, что самое длинное тюркское слово (напр. османско-турецкое в у р у ш т у р а м а м ы ш ы д ы н ы з «вы не заставили их побить друг друга») построено по тем же звуковым и этимологическим законам, как и самое короткое, что самый длинный период строится по тем же синтаксическим правилам, как и короткое простое предложение, что в самой длинной песне господствуют те же композиционные правила, что и в короткой, что длинные поэмы построены на тех же правилах, как и короткие двустишия. Благодаря элементарности материала и отчетливой простоте схем, построение может легко растягиваться до произвольно больших размеров. И в этом растяжении воображение тюрка находит удовлетворение.

Описанная психология типичного тюрка определяет собой и жизненный уклад и миросозерцание носителей этой психологии. Тюрк любит симметрию ясность и устойчивое равновесие; но любит, чтобы все это было уже дано, а не задано, чтобы все это определяло по инерции его мысли, поступки и образ жизни: разыскивать и создавать те исходные и основные схемы, на которых должны строиться его жизнь и миросозерцание, для тюрка всегда мучительно, ибо это разыскивание всегда связано с острым чувством отсутствия устойчивости и ясности. Потому-то тюрки всегда так охотно брали готовые чужие схемы, принимали иноземные верования. Но, конечно, не всякое чужое миросозерцание приемлемо для тюрка. В этом миросозерцании непременно должна быть ясность, простота, а главное, оно должно быт удобной схемой, в которую можно вложить все, весь мир во всей его конкретности. Раз уверовав в определенное миросозерцание, превратив его в подсознательный закон, определяющий все его поведение, в универсальную схему, и достигнув таким образом состояния устойчивого равновесия на ясном основании, — тюрк на этом

успокаивается и крепко держится за свое верование. Смотря на миросозерцание именно как на незыблемое основание душевного и бытового равновесия, тюрк в самом миросозерцании проявляет косность и упрямый консерватизм. Вера, попавшая в тюркскую среду, неминуемо застывает и кристализуется, ибо она там призвана играть роль незыблемаго центра тяжести — главнаго условия устойчивого равновесия.

На этой особенности тюркской психологии основано странное явление притяжение между психикой тюркской и семитской. Трудно найти два более различные, прямо противоположные друг другу психики. Можно показать опять таки на основании конкретных этнографических данных, языка музыки, поэзии, орнамента, что психология семита разительно противополжна психологии тюрка. И тем не менее, не случайно, что большинство тюрков — магометане и что тюрки-хазары были единственным в истории не-семитским народом, сдѣлавшим своей государственной религией юданзм Семит, выискивающий противоречия, находящий особое удовольствие в обнаружении противоречий и в казуистическом их преодолении, любящий ворошиться в сложно переплетенных и запутанных тонкостях, — и тюрк, более всего ненавидящий тревожное чувство внутреннего противоречия и безпомощный в его преодолении: это две натуры не только не сходные, но и прямо друг другу противоположные. Но в этой противоположности и причина притяжения: семит делает за тюрка ту работу, на которую сам тюрк не способен, — преодолевает противоречия и подносит тюрку решение (пусть казуистическое) свободное от противоречий. И не мудрено поэтому, что ища необходимой базы для устойчивого равновесия, тюрк постоянно выбирает такой базой плод творчества семитского духа. Но заимствуя этот плод чуждого духа, тюрк сразу упрощает его, воспринимает его статически, в готовом виде, и, превратив его в одно лишь незыблемое основание своей душевной и внешней жизни, раз на всегда мумифицирует его, не принимая никакого участия в его внутреннем развитии. Так тюрки не дали исламу ни одного сколько нибудь крупного богослова, юриста или мыслителя· они приняли ислам как завершенное данное.

4

Обрисованная нами выше психологическая характеристика тюркского племени в общих чертах может разсматриваться и как характеристика всех «туранцев» или «уралоалтайцев». Монголы в этнопсихологическом отношении составляют с тюрками одно целое. Все, что выше сказано было о типических чертах тюркских языков, тюркской музыки, поэзии, обычного права, о направлении тюркской фантазии, мировоззрении и укладе жизни, в одинаковой мере применимо и к монголам; только у монголов все эти типические черты выступают еще более резко, чем у тюрков. Случаев притяжения между монгольской и семитской психологией в силу исторических причин нет. Тем не менее , монголы так же как и тюрки, заимствуют в качестве базы своего мировоззрения и бытового уклада готовый результат чужого духовного творчества; только источник заимствования здесь не

семитский ислам, как у тюрков, а индийский буддизм, в китайско-тибетской передаче Если тюрки, как было сказано выше, мумифицировали и заморозили ислам и не приняли никакого участия во внутреннем развитии мусульманской мысли, то еще более это можно сказать об отношении монголов к буддизму.

Если монголы, таким образом , отличаются от тюрков более резким проявлением всех типических черт туранской психологии, то об у г р о ф и н н а х следует сказать как раз обратное Черты туранской психологии ясно проявляются и у угрофиннов, но всегда в более слабой степени, чем у тюрков. Финские языки , в общем , построены на тех же основных принципах, что и тюркские, но принципы эти проведены менее последовательно*)

Неправильности и «исключения» в каждом языке неизбежно происходят в силу бессознательных механических изменений претерпеваемых каждым языком в течение его истории и связанных с самой природой исторического развития языка: всякая более древняя стадия развития языка всегда более "правильна", чем стадия новейшая Но дух подчинения живой речи подсознательным схематическим законам в тюркских языках настолько силен, что совершенно нейтрализует это разрушительное действие исторических процессов; потому то грамматики современных тюркских языков не знают (или почти не знают) «исключений» и потому то отдельные современные тюркские языки так похожи друг на друга В угрофиннских языках этот сдерживающий дух ясной закономерности оказался гораздо слабее; поэтому грамматики некоторых из этих языков (напр языка собственно финнского «суоми») пестрят исключениями, и отдельные угрофиннские языки существенно отличаются друг от друга. Другое отличие угрофиннской психики от тюркской состоит в том, что финнское творчество всегда обладает, так сказать, меньшим размахом, чем тюркское.**) Наконец, сравнивая угрофин-

*) Прежде всего самый языковый материал, инвентарь звуков и форм в угрофиннских языках менее рудиментарен, более разнообразен, чем в тюркских: есть финнские языки с довольно богатой звуковой системой. Во всех финнских языках довольно много падежей, многие финнские языки имеют довольно сложные системы спряжения, напр. выражают личными окончаниями не только подлежащее, но и прямое дополнение глагола. С другой стороны основные законы, определяющие построение слов проведены с неполной последовательностью: законы гармонии гласных и употребления согласных не так ясны, не так детализованы, как в тюркских языках; из закона о единстве окончания есть целый ряд исключений, т. е. таких случаев, где два грамматические окончания комбинируются вместе, в некоторых финнских языках допускаются при глаголах, кроме суффиксов и префиксы (приставки) и т. д.

**) Это положение наглядно иллюстрируется и символизируется музыкой. Есть всякие основания утверждать, что основным угрофиннским звукорядом является звукоряд, состоящий из пяти первых нот мажорной или минорной гаммы: на этом звукоряде и до сих пор строятся песни вогулов и остяков, древнейшие песни других угрофиннских народов, и наиболее архаичные гуслеобразные струнные инструмены, как западных финнов («кантеле»), так и у вогулов и остяков («сангульдап») представляют пять струн, настроенных в том же звукоряде. Если припомнить сказанное выше о тюркских мелодиях,

нские языки и проявления духовной культуры с тюркскими , убеждаешься в том, что угрофинны психически и культурно гораздо пассивнее тюрков. В словарях тюркских языков слова заимствованные из других языков всегда имеются, но эти слова большею частью заимствованы не у каких либо соседей, с которыми тюрки приходили в непосредственное соприкосновение, а у народов, культура которых повлияла на культуру даннаго тюркского племени так сказать «из далека». в порядке иноземной моды поэтому таких слов в литературном языке всегда гораздо больше чем в народном. В турецком народном языке есть довольно много арабских и персидских слов, но слов греческих , армянских или славянских почти нет. За то в языках всех тех народов, с которыми тюрки приходили в соприкосновение. всегда масса тюркских слов. Совершенно иную картину в этом отношении представляют языки угрофиннские: их словари положительно пестрят словами, заимствованными в самое различное время. начиная с глубокой древности и до новейшого времени, у всех народов, с которыми угрофинны когда либо приходили в соприкосновение. В то же время влияние самих угрофиннских языков на словари народов, входивших с ними в соприкосновение, поразительно слабо: не смотря на многовековое сожительство великоруссов с угрофиннами, в великорусском языке можно указать лишь самое малое число финнских слов, да и то обычно не выходящих за пределы какого нибудь географически ограниченного областного словаря; несколько больше оказал влияния на соседние славянские языки язык мадьярский, но, главным образом, в сравнительно позднее время, и во всяком случае, число славянских слов, усвоенных самим мадьярским языком гораздо больше, чем число мадьярских слов, вошедших напр. в язык сербо-хорватский.*) Та же пассивность, та же открытость иноплеменному влиянию наблюдается и во всех сторонах духовной культуры угрофиннов: отметим влияние славянское , в частности русское, сверх того у волжско-камских и зауральских угрофиннов — влияние тюркское, у угрофиннов западных — влияние «балтийское» (латышско-литовское) и германское, в более древние эпохи у всех угрофиннов — влияние иранское и кавказское. При попытке выделить из культуры того или иного угрофиннского племени все эти иноплеменные элементы и, таким образом, очистить чисто-угрофиннское ядро этой культуры, исследователь зачастую остается почти с пустыми руками. И все же, несмотря на это непрерывное заимствование отовсюду, культура отдельных угрофиннских пле-

---

то сравнение этих мелодий с угрофиннскими может быть выражено так: и в тех и в других участвуют только пять тонов, но в то время, как в тюркских мелодиях эти пять тонов располагаются в пределах по крайней мере октавы, типичные угрофиннские мелодии движутся в пределах квинты. При непосредственном восприятия типичные угрофиннские мелодии производят впечатление стесненности и, особенно по сравнению с тюркскими , поражаютъ отсутствием всякого размаха.

*) Только на словарь самоедских языков угрофиннское влияние оказалось значительным, но при этом и сами угрофиннские языки (зырянский, вогульский, остяцкий) не остались чужды обратному самоедскому влиянию.

мен носит своеобразный характер, явственно отличаясь от культуры тех народов, от которых производились заимствования. Своеобразие это зависит прежде всего от того, что раз позаимствовав у данного народа какой нибудь элемент культуры, угрофинны сохраняют этот элемент в более древнем, архаическом виде, чем тот вид, в котором этот элемент сохраняется у его первоначальнаго носителя: так, мордва сохранила много заимствованных у великоруссов элементов культуры, которые у самих великоруссов либо подверглись полному забвению, либо изменились почти до неузнаваемости, и о славянском происхождении которых можно заключать только потому, что они еще бытуют у некоторых других славян. Во вторых, своеобразие происходит также и от того, что угрофинны синтезируют элементы заимствованные из нескольких разнородных культур. Наконец, если заимствуются мотивы, и, так сказать, материал построения культурных ценностей, то самые методы этого построения и психологические основания форм творчества у угрофиннов остаются своими, туранскими. — В общем, можно сказать, что угрофинны сохраняют все типические черты туранской психики, но в несколько смягченном виде и при меньшей психической активности, чем тюрки и монголы.

Таким образом, несмотря на то, что генетическое родство между отдельными семействами «уралоалтайских» или «туранских» языков более чем сомнительно, и что отдельные туранские народы во многих отношениях существенно отличаются друг от друга, тем не менее, можно говорить о едином туранском этнопсихологическом типе, по отношению к которому этнопсихологический тип тюркский, монгольский и угрофиннский являются оттенками или вариантами.

5

Для ответа на вопрос , как и в чем туранский психологический тип может отражаться в русском национальном характере, и какое значение имели черты туранской психики в русской истории , надо прежде всего ясно и конкретно представить себе туранский психологический тип в применении к жизни отдельного человека. Сделать это можно исходя из данного выше определения туранского психологического типа.

Типичный представитель туранской психики в нормальном состоянии характеризуется душевной ясностью и спокойствием. Не только его мышление, но и все восприятие действительности укладывается само собой в простые и симметричные схемы его, так сказать, «подсознательной философской системы»*) В схемы той же подсознательной системы укладываются также все его поступки, поведение и быт. При том «система» уже не сознается как таковая, ибо она ушла в подсознание, сделалась основой жизни**).

---

*) Вполне отдавая себе отчет в пародаксальности этого термина, мы все таки решаемся его применять, за неимением лучшего.

**) Важно, чтобы система стала именно п о д с о з н а т е л ь н о й. В тех случаях , когда система , в простые и ясные схемы ко-

Благодаря этому, нет разлада между мыслью и внешней действительностью между догматом и бытом. Внешние впечатления, мысли, поступки и быт сливаются в одно монолитное неразделимое целое. Отсюда — ясность спокойствие и так сказать самодовление. Практически это состояние устойчивого равновесия, при условии некоторой пониженной психической активности, может привести к полной неподвижности, к косности. Но это отнюдь не обязательно, ибо те же черты вполне соединимы и с психической активностью. Устойчивость и стройность системы не исключают дальнейшего творчества, но, разумеется, это творчество регулируется и направляется теми же подсознательными устоями, и, благодаря этому, самые продукты такого творчества сами собой, естественно входят в ту же систему мировоззрения и быта, не нарушая ее общей стройности и цельности.

Что касается до социальной и культурной ценности людей туранского психологического типа, то ее нельзя не признать положительной. Туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству.*) Успешность этого строительства, разумеется, зависит от степени одаренности и психической активности данной нации, степень же эта может быть различна, и между туранским психологическим типом, как известной формой ду-

---

торой должно укладываться все (внешний мир, мысли, поведение, быт), осознается как таковая и постоянно пребывает в поле сознания, она превращается в «навязчивую идею» (idée fixe), а человек, одержимый ею — в маниака фанатика, лишенного всякой душевной ясности и спокойствия. Это бывает тогда, когда система неуклюжа и плоха, так что бытие в нее укладывается не с а м о с о б о й, а путем насилия над природой. Такой случай возможен, если человек туранского типа почему-либо откажется от той удобной, выработанной постепенными усилиями многих поколений системы мировоззрения и быта, которой живут другие его соплеменники и попробует сам создать совершенно новую систему. Не будучи способен плодотворно мыслить (а следовательно и искать новую ситему) без наличия в подсознании уже готового твердого устоя, такой человек большею частью создает именно плохую, неудобную систему, топорно переработав и упростив какую-нибудь чужую. Случай этот, разумеется, редкий, и вследствие неудобства той системы, которую создают подобные люди, система эта у других людей туранского типа обычно не имеет успеха. При особенно сильном темпераменте и при исключительной одаренности, создателям таких доморощенных систем — idées fixes удается собрать вокруг себя разве только небольшую секту таких же фанатиков этой «идеи», как они сами.

*) Разумеется это относится только к нормальному аспекту туранской психики. Люди туранского психологического типа, но с системой, невмещающей в себя без насилия ни внешнего мира, ни мыслей, ни поведения, ни быта, словом те основатели сект, о которых говорилось в предыдущем примечании, — социально вредны. Своим сектантством они разрушают, а не создают национальное единство. Их творчество, основанное на упрямом стремлении согласовать восприятие действительности, мораль и быт с предвзятой и неуклюже-упрощенной схемой, вносит в культуру элементы весьма сомнительной ценности. Благодаря своему неумолимому фанатизму, разжигаемому, вечно сверлящей мозг навязчивой идеей,

шевной жизни, и какой-нибудь определенной степенью одаренности или активности никакой обязательной связи нет. Утверждая социальную и культурно-историческую ценность туранского психологического типа, мы только утверждаем, что при каждой данной степени одаренности и психической активности туранский психологический тип создает для развития нации определенные благоприятные условия.

6

Положительная сторона туранской психики несомненно сыграла благотворную роль в русской истории. Проявления именно этого нормального аспекта туранской психики нельзя не заметить в допетровской московской Руси. Весь уклад жизни, в котором вероисповедание и быт составляли одно («бытовое исповедничество»), в котором и государственные идеологии, и материальная культура, и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы, системы теоретически не выраженной и сознательно не формулированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого и определяющей собой жизнь каждого и бытие самого национального целого, — все это несомненно носит на себе отпечаток туранского психического типа. А ведь это именно и было то, на чем держалась старая Русь, что придавало ей устойчивость и силу. Если некоторые поверхностные иностранные наблюдатели не замечали в древней Руси ничего, кроме раболепия народа перед агентами власти, а этих последних — перед царем, то наблюдение это было несомненно не верным. Безпрекословное подчинение есть основа туранской государственности, но оно идет , как и все в туранском мышлении, последовательно, до конца, и распространяется в идее и на самого верховного правителя, который непременно мыслится как безпрекословно подчиненный какому-нибудь высшему принципу , являющемуся в то же время руководящей основой и жизни каждого подданого. Въ древней Руси таким управляющим принципом была Православная Вера, понимаемая как органическое соединение религиозных догматов и обрядов с особой православной культурой, частным проявлением которой был и государственный строй с его иерархической лестницей; и именно этот высший принцип , одинаковый как для каждого подданого, так и для самого царя, а, конечно, не принцип голого рабства, спаял Русь в одно целое и управлял ею. Православная вера в древнерусском понимании этого термина была именно той рамкой сознания, в которую само собой укладывалось все, частная жизнь, государственный строй и бытие вселенной. И в том, что эта рамка сознания не была предметом сознательного теоретического мышления, а подсознательной базой всей душевной жизни, — нельзя не усмотреть известную аналогию с тем

они разрушают гораздо больше, чем созидают, и то, что они разрушают или хотят разрушить обычно гораздо ценнее всего, что они могут предложить взамен. — Но, не следует забывать, что такие люди составляют исключения и среди настоящих туранцев встречаются редко.

что выше было сказано о нормальном аспекте туранской психики. Пусть самое Православие было воспринято русскими не от туранцев, а от Византии, пусть оно даже прямо противупоставлялось в русском национальном сознании татарщине, — все-таки, самое отношение русского человека к Православной вере и самая роль, которую эта вера играла в его жизни, были в определенной части основаны на туранской психологии. Именно в силу туранских черт своей психики древнерусский человек не умел отделять своей веры от своего быта, сознательно выделять из проявлений религии несущественные элементы, и именно поэтому он оказывался таким слабым богословом, когда встречался с греками. То психологическое различие между русским и греческим подходом к вере и к обряду, которое так ярко проявилось в эпоху возникновения раскола, было следствием именно того обстоятельства, что в древнерусском национальном характере глубоко укоренились туранские этно-психологические элементы, совершенно чуждые Византии.

Московское государство возникло, благодаря татарскому игу. Московские цари далеко не закончив еще «собирания русской земли», стали собирать земли западнаго улуса великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири *) Русский царь явился наследником монгольского хана. «Свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Даже персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати. Русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской, и вряд ли правы те историки, которые закрывают глаза на это обстоятельство или стараются преуменьшить его значение.**) Но, если такое игнорирование татарского источника русской государственности оказывается возможным, то, конечно, потому что во вну-

---

1) Народная эпическая традиция прямо с этого момента и ведет начало московской государственности: «з а ч и н а л а с ь каменна Москва, зачинался грозный царь Иван Васильевич». Все, что до Ивана Грозного , покорившего Казань, Астрахань и Сибирь, народная традиция относит к легендарной эпической старине, к эпохе о б щ е - к н я з я Владимира. Даже такое событие, как отказ Ивана III платить дань татарам, попало в былину (о Василии Казимировиче). в которой «стольным городом» является традиционный Киев, а князем — Владимир.

2) Будучи по специальности лингвистом и этнографом, а не историком, пишущий эти строки не решается уклоняться в чуждую ему научную область. Все же, хочется отметить, что появившиеся в русском языке со времен татарского ига термины вроде: д е н ь г а, а л т ы н, к а з н а, т а м г а, (откуда: т а м о ж н я), я м (откуда: я м с к а я г о н ь б а, я м щ и н а, я м с к о й и т. д.) — татарского происхождения. Это ясно указывает на то, что в таких важных функциях государства, как организация финансов и почтовых сообщений, татарское влияние было решающим. При сравнении административных особенностей Московского государства с идеями Чингис-хана, легшими в основу организации его государства, некоторые аналогии напрашиваются сами собой. Эти вопросы заслуживают детальной разработки историков-специалистов.

треннем содержании и в идеологическом оправдании русской государственности ярко выступают элементы, не находящие прямых аналогий в татарской государственности: это — православие и византийские традиции. Чудо превращения татарской государственности в русскую осуществилось благодаря напряженному горению религиозного чувства, благодаря православно-религиозному под'ему, охватившему Россию в эпоху татарского ига. Это религиозное горение помогло древней Руси облагородить татарскую государственность, придать ей новый религиозно-этический характер и сделать ее своей. Произошло обрусение и оправославление татарщины, и московский царь, оказавшийся носителем этой новой формы татарской государственности, получил такой религиозно-этический престиж, что перед ним поблекли и уступили ему место все остальные ханы западного улуса. Массовый переход татарской знати в православие и на службу к московскому царю явился внешним выражением этой моральной притягательной силы.

Но, если, таким образом, в московской Руси туранская по своему происхождению государственность и государственная идея оправославилась, получила христианское религиозное освящение и идеологически связалась с византийскими традициями, то возникает вопрос: не произошло ли одновременно и обратного явления, т. е. известной «туранизации» самой византийской традиции и проникновения черт туранской психики в саму русскую трактовку православия? Московская Русь, несмотря на всю силу и напряженность религиозного горения, определявшего не только ее бытие, но и самое ее возникновение, не дала ни одного православного богослова, совершенно так же, как турки не дали ни одного сколько нибудь выдающегося мусульманского богослова, хотя всегда были набожнее арабов. Здесь сказываются общие черты религиозной психилогии: и там и здесь догмат веры разсматривается как данное, как основной фон душевной жизни и внешнего быта, а не как предмет философской спекуляции; и там и здесь религиозное мышление отличается отсутствием гибкости, пренебрежением к абстрактности и стремлением к конкретизации, к воплощению религиозных переживаний и идей в формах внешнего быта и культуры. Вместо сознательно продуманной и тонко детализированной богословской системы в древней Руси получилась некоторая, словами невыраженная, «подсознательная философская система», стройная, несмотря на свою формальную неосознанность, и нашедшая выражение не в богословских трактатах, а во всем житейском укладе, на ней покоящемся. Этим русская религиозность отличалась от греческой, несмотря на свое догматическое тождество с этой последней и сближалась с туранской, с которой догматического сходства не было и быть не могло.

Не подлежит сомнению, что свойственное древнерусскому благочестию пренебрежение к абстракции и отсутствие православнобогословского творчества было недостатком этого благочестия по сравнению с греческим. Но, в то же время, нельзя не признать, что то «бытовое исповедничество», та пропитанность культуры и быта религией, которые были следствием особых свойств древне-русского благочестия, были плюсом, а не минусом. Очевидно, «и сие надлежало делать, и того не оставлять». Известная гипертрофия туранских психологических черт вызвала в русской набожности косность

и неповоротливость богословского мышления, и от этих недостатков надлежало избавиться.*) Но это ничуть не преуменьшает тех положительных свойств древне-русской набожности, которые могут быть отнесены на долю туранских черт психики. Так обстояло дело в области религиозной, но не иначе было и в области государственной; прививка к русской психике характерных туранских черт сделала русских тем прочным материалом государственного строительства, который позволил Московской Руси стать одной из обширнейших держав.

Подводя итог всему сказанному о роли туранских этнопсихологических черт в русском национальном облике, можно сказать, что в общем роль эта была положительной.**) Недостатком была чрезмерная неповоротливость и бездеятельность теоретического мышления. От этого недостатка следовало избавиться , но, конечно, без принесения в жертву всех тех положительных сторон русского национального типа, которые были порождены сопряжением восточного славянства с туранством. Видеть в туранском влиянии только отрицательные черты — неблагодарно и недобросовестно. Мы имеем право гордиться нашими туранскими предками, не меньше чем предками славянскими и обязаны благодарностью как тем, так и другим. Сознание своей принадлежности не только к арийскому , но и к туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского , стремящегося к личному и национальному самопознанию.

7

Для всякой нации иноземное иго есть не только несчастие, но и школа. Соприкасаясь с иноземными покорителями и засильниками, нация заимствует у них черты их психики и элементы их национальной культуры и идео-

---

*) Исправиться от этого недостатка тем легче, что самая гипертрофия тех туранских психических свойств, на которых этот недостаток основан, коснулась не всего русского племени, а только одной его части, именно великорусской. Малороссы, гораздо менее великороссов, подвергшиеся туранскому воздействию, в меньшей мере обладают некоторыми положительными свойствами турачского происхождения (напр. гораздо менее великороссов способны к государственному строительству крупного масштаба), но за то проявляют, пожалуй , большую способность к богословскому умозрению и дали русской Православной Церкви целый ряд выдающихся богословов: как-то Дмитрий Ростовский, Симон Тадерский, Сильвестр Каневский и всю могилянскую богословскую школу, с выросшей из нее русской богословско-академической традицией. В Церкви, как и во многих житейских областях обе главные части русского племени призваны взаимно дополнять друг друга. Отторгаясь друг от друга каждая из этих частей рисковала бы впасть в односторонность.

**) Разумеется, мы не можем закрывать глаза на то обстоятельство, что люди с описанными выше (см. прим. на стр. 47) свойствами аномального аспекта туранской психики в русской среде тоже существовали и существуют. Это — русские бунтари-доктринеры, основатели сект, фанатические одномыслы, многие из которых даже

логии. Если она сумеет органически переработать и усвоить заимствованное и выйдет, наконец, из под ига, то о благотворности или вредоносности ига как школы можно судить потому, в каком виде предстанет освобожденная нация.

Монгольское иго длилось более двух веков. Россия попала под него еще будучи агломератом удельных княжеств, самостийнических, разрозненных, почти лишенных понятий о национальной солидарности и о государственности. Пришли татары, стали Россию угнетать, а попутно и у ч и т ь. А через двести слишком лет Россия вышла из под ига в виде м. б. и «неладно скроенного», но очень «крепко сшитого» православного государства, спаянного внутренней духовной дисциплинной и единством «бытового исповедничества», проявляющего силу экспансии и во вне. Это был результат татарского ига, тот плод, по которому можно судить о вредоносности или благоприятности самого ига в судьбах русского народа.

Еще через двести с небольшим лет появился Петр Великий и «прорубил окно в Европу». Через окно подули европейские идеи. Началась европеизация правящего класса с усиленным привлечением к этому классу иностранцев. Та стройная «подсознательная философская система», которая в Московской Руси об'единяла в одно целое религию, культуру, быт и государственный строй, и на которой держалась вся русская жизнь, стала подрываться и разрушаться. А вследствие этого основой государственности неизбежно должна была стать голая сила принуждения. Военная служба и крепостное право существовали и в до-петровской Руси, но страной милитаристической и крепостнической par excellence Россия стала только в эпоху европеизации. И если вспомнить, что ко всему этому временами присоединялось ожесточенное гонение на все исконно-русское, оффициальное признание национально русской культуры варварством и духовное засилие европейских идей, то вряд ли будет преувеличением обозначить этот период русской истории как эпоху «европейского» или «романогерманского ига». Это иго продлилось тоже более двух сот лет. Теперь Россия вышла из него, но уже в новом виде, — в виде «С. С. С. Р.» Большевизм есть такой же плод двухсотлетнего романогерманского ига, как московская государственность была плодом татарского ига. Большевизм показывает, чему Россия за это время научилась от Европы, как она поняла идеалы европейской цивилизации, и каковы эти идеалы, когда их осуществляют в действительности.

в своем внешнем облике представляют черты туранского антропологического типа. Как и следовало ожидать, значение таких людей в русской истории большею частью чисто отрицательное: они раз'единяют, а не созидают нацию, разрушают ценностей больше, чем созидают. Вследствие нечисто-туранского, а смешанного характера русской нации такие люди, исключительно редкие среди настоящих туранцев, среди русских попадаются несколько чаще. Но, в общем, и среди русских они представляются исключениями, и, конечно, не их приходится главным образом иметь в виду при рассмотрении роли туранской психики в русской истории. При этом рассмотрении надо иметь в виду прежде всего нормальные случаи, а не исключения.

По этому плоду и надо судить о благотворности или вредоносности романо-германского ига.

И когда сопоставишь друг с другом эти два аттестата — аттестат татарской школы и аттестат школы романогерманской, то невольно приходишь к тому заключению, что татарская школа была вовсе уж не так плоха...

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.

I

Что русский язык — язык славянский, это всем известно Но очень мало кто из не-специалистов ясно представляет себе, какое именно положение занимает русский язык среди других славянских языков Хотя языковедение достигло в России высокой степени развития, и русские языковеды пользуются всюду заграницей хорошей репутацией, средний образованный русский человек как раз в области языковедения имеет очень слабые и часто привратные познания. Поэтому, пред тем как говорить о русском языке, как элементе русской культуры, мы считаем нелишним рассмотреть некоторые основные общие понятия.

Следует различать два понятия язык народный и язык литературный В конце концов, всякий литературный язык развился из какого нибудь народного и постоянно испытывал на себе так или иначе влияние какого нибудь народного языка. Но, все же, литературный и народный языки вполне никогда не совпадают друг с другом и развиваются каждый своими путями. Язык народный имеет наклонность к диалектическому дроблению, тогда как литературный, наоборот, имеет наклонность к нивеллировке, к установлению единообразия Дифференциация существует во всяком языке, как народном, так и литературном. Принципы дифференциации тоже всюду одни и те же· это, с одной стороны — принцип географический (дифференциация по местностям), с другой — принцип специализации (дифференциации по видам специального применения зыка). Но при дифференциации народного языка преобладает принцип географический: между языком отдельных профессиональных или бытовых групп (земледельцев, рыбаков, охотников и т д). всегда существуют известныя различия, но различия эти менее сильны чем различия между говорами отдельных местностей. Наоборот, в дифференциации литературного языка принцип специализации преобладает над географическим образованные люди, происходящие из разных местностей, говорят и пишут несовсем одинаково, и по языку произведений писателя часто можно легко определить, откуда он родом, но гораздо сильнее выступают в литературном языке различия по видам специального применения, напр различия между языком научной прозы, деловой прозы, художественной прозы, поэзии. Разговорный язык может быть чисто литературным, чисто народным или представлять из себя смесь литературного и народного языка в различных пропорциях. От степени образования и «культурности» данного индивида зависит, какой именно вид разговорно-

го языка является для него наиболее привычным и естественным, а от привычности и естественности зависит и свобода пользования данным видом разговорного языка и «правильность» его употребления Но кроме степени умственного развития и образования играет роль также и самый предмет разговора. На известных ступенях образования один и тот же человек может с полной свободой, правильностью и естественностью применять литературный язык в разговоре (или письме) об известных предметах, в разговоре о других предметах применять смесь литературного и народного языка, и, наконец, о некоторых других предметах может свободно и естественно говорить только на народном языке. Играет роль, разумеется и то, с кем именно ведется разговор или переписка Таким образом, сожительство народного и литературного языка в среде одного и того же национального организма определяется сложной сетью взаимно перекрещивающихся линий общения между людьми Если ко всему этому прибавить и то, что как народный, так и литературный язык не остаются неизменными, а, наоборот, непрерывно развиваются, при том, каждый по своим законам и в своем направлении, то получается очень сложная картина жизни языка. Об'ять всю эту картину почти невозможно, и поневоле приходится ограничиваться только рассмотрением отдельных ее частей .

Основным явлением в эволюции народного языка является диалектическое дробление и «распадение»

Народный русский язык есть язык с л а в я н с к и й, при том, восточнославянский. Называя русский народный язык славянским, мы этим хотим сказать, что язык этот, путем постепенных изменений, развился из более древнего языка, из которого, путем ряда других изменений, развились языки польский, чешский, сербохорватский, болгарский и т д. Этот древний язык, из которого путем различных изменений развились все славянские языки, мы называем «общеславянским праязыком» или «праславянским языком» В свою очередь, этот праславянский язык был языком и н д о е в р о п е й с к и м, т. е. развился путем разных изменений из того же «индоевропейского праязыка», из которого путем разных других изменений развились языки индийские, иранские, армянский, греческий, италийские (во главе с латинским), кельтские, германские, «балтийские» (т. е. литовский, латышский и вымерший древнепрусский) и албанский Когда мы говорим, что праславянский язык развился из индоевропейского праязыка, а русский язык — из праславянского, то при этом представляем себе следующий процесс: каждый живой народный язык всегда заключает в себе несколько диалектов, каждый из которых стремится к обособлению; обычно все диалекты одного языка развиваются параллельно и претерпевают более или менее одновременно одни и те же изменения; но на ряду с этими общими всем диалектам данного языка изменениями, каждый отдельный диалект претерпевает и другие изменения, свойственные лишь одному ему или разве еще некоторым соседним диалектам; с течением времени таких частнодиалектических изменений накапливается все больше и больше, нарушается и самый параллелизм развития, т. е. даже одни и те же изменения в разных диалектах следуют друг за другом не в одном и том же порядке, что еще углубляет различие между диалектами; наконец, наступает такой момент, когда изме-

нения, общие всем диалектам данного языка, вообще перестают возникать, а возникают лишь изменения свойственные отдельным диалектам или группам таких диалектов; с этого момента данный язык можно считать уже р а с п а в ш и м с я, т. е. утратившим свое единство, как «суб'екта эволюции», и единственными «суб'ектами эволюции» оказываются уже отдельные диалекты. С того момента как развитие данного диалекта настолько уклонится от развития соседних диалектов, что представители этих диалектов утратят возможность свободно понимать друг друга без посредства переводчика, можно считать, что данный д и а л е к т уже превратился в самостоятельный я з ы к Таким образом, утверждая, что народный русский язык развился из праславянского, мы утверждаем, что русский язык в каких то очень древних стадиях своего развития был диалектом праславянского языка, и тем самым предполагаем, что в составе праславянского языка существовал особый «прарусский» диалект, точно также как и другие диалекты, «прапольский» , «прачешский» и т. д. А утверждая, что праславянский язык развился из индоевропейского , утверждаем существование в составе индоевропейского праязыка особого «дославянского» или «допраславянского» диалекта, на ряду с диалектами «догерманским», «догреческим» и т. д.

Из данного выше определения понятия «распадения языка» вытекает, что за момент этого распадения можно принять м о м е н т п о с л е д н е г о и з м е н е н и я, о б щ е г о в с е м д и а л е к т а м д а н н о г о я з ы к а По отношению к праславянскому языку таким последним изменением, свойственным всем диалектам этого языка, является, так называемое, «падение слабых еров». Дело в том, что в праславянском языке существовали особые очень краткие гласные *ъ* и *ь* (из которых *ъ* было по качеству гласной средней между *у* и *о* , а *ь* — гласной средней между *и* и *е*). Эти гласные в одних положениях (напр. в конце слова или перед слогом заключающим в себе другие, нормально-сильные гласныя) были «слабы», т. е. звучали особенно кратко, а в других положениях (напр. перед сочетанием «*р* или *л* + согласная», далее, перед слогом, заключающем в себе «слабое» *ъ* или *ь*) были «сильны», т. е. имели приблизительно такую же длительность, как всякие другие нормально-краткие гласные. Последним общим всем диалектам праславянского языка звуковым изменением было полное исчезновение в произношении слабых *ъ* и *ь* Явление это охватило все праславянские диалекты, но произошло в одних диалектах раньше, в других — позже. Повидимому, все это изменение шло с юга. У южных славян слабые ъ, ь исчезли очень рано, во всяком случае уже в XI в. (местами м. б. даже в X в..), а от южных славян исчезновение слабых ъ, ь передалось другим славянам, причем наиболее отдаленных частей славянской территории (напр. русского севера) это явление достигло только к XIII-му веку.

Наречия , на которые распался праславянский язык, составляют три группы: южнославянскую, западнославянскую и русскую или восточнославянскую. Русских или восточнославянских наречий — три: великорусское, белорусское и малорусское. Каждое из них подразделяется на несколько диалектов, — напр. великорусское на северновеликорусский, южновеликорусский и переходный средневеликорусский. Существует довольно широ-

кая полоса говоров переходных от великорусского к белорусскому наречию, а также от белорусского к малорусскому. но и само белорусское наречие можно рассматривать как ряд переходных говоров, связующих великорусское наречие с малорусским. Все восточнославянские наречия являются потомками одного и того же диалекта праславянскаго языка, и этот диалект можно обозначить как «общерусский праязык» Этот общерусский праязык распался, — т. е перестал быть единым суб'ектом эволюции, — между половиной XII-го и половиной XIII-го века*): во всяком случае, после этой эпохи мы не можем отметить ни одного языкового изменения, которое коснулось бы всех говоров восточнославянских наречий. Однако, следует заметить, что каждое из языковых изменений, возникавших после эпохи распадения общерусского празлыка, имело свои границы распространения, причем границы эти никогда не совпадали с границами одного из трех основных наречий. Поэтому, эти наречия нельзя рассматривать как целостные суб'екты эволюции, можно сказать, что общерусский праязык, распался не на эти три наречия, а на неопределенную массу говоров, которые можно разделить на три группы, назвав каждую такую группу говоров наречием (великорусским, белорусским, малорусским)

Перейдем теперь к разсмотрению особенностей эволюции литературных языков.

Если мы присмотримся к литературным языкам современной Европы, то заметим, что каждый из этих литературных языков распространен по сильно дифференцированной лингвистической территории, обнимающей несколько сильно отличных друг от друга наречий. При этом, ни один из этих больших литературных языков Европы не совпадает вполне ни с каким живым народным говором Явления эти не случайны, а корёнятся в самой природе литературных языков и наблюдаются не только в Европе, но и во всех других частях света, гдѣ только существуют действительно больщие литературные языки. Дело в том, что назначение настоящего литературного языка совершенно отлично от назначения народного говора. Настоящий литературный язык является орудием духовной культуры и предназначается для разработки, развития и углубления не только изящной литературы, в собственном смысле слова, но и научной, философской, религиозной и политической мысли Для этих целей ему приходится иметь совершенно иной словарь и иной синтаксис, чем те, которыми довольствуются народные говоры. Конечно, в самом начале своего возникновения всякий литературный язык исходит из основ какого нибудь живого говора, обычного городского, и иногда даже простонародного Но для того, чтобы действительно осуществить свое назначение, литературному языку приходится сочинять массу новых слов и вырабатывать особые синаксические обороты, зафиксированные гораздо строже и определеннее, чем в народном говоре. Все это по существу является «насилованием» и «коверканием» народного говора, лежащего в основе данного литературного языка, и чем эта народная основа сильнее чувствуется, яснее проступает наружу, тем интенсивнее становится ощущение

*) Точно хронологически фиксировать такие явления, разумеется, невозможно.

насилования и коверкания, — а это ощущение, разумеется, мешает свободному пользованию литературным языком. Когда новые слова, вводимые в литературный язык в силу необходимости, состоят из элементов словарного материала данного народного говора, то ассоциативная связь этих элементов с теми конкретными значениями, которые они имеют в народном просторечии, сохраняется, и это мешает воспринимать эти новые слова в том значении, которое желает им приписать литературный язык. В силу всего этого, для литературного языка всегда крайне невыгодно быть слишком близким к какому нибудь определенному современному народному говору, и при естественном развитии всякий литературный язык стремится эмансипироваться от неудобного и невыгодного родства с народным говором. Но, в то же время, слишком большое расхождение литературного языка и современных народных говоров время от времени тоже становится неудобным. Народные говоры в звуковом и грамматическом отношении развиваются обычно скорее , чем языки литературные, развитие которых в этом отношении искусственно задерживается школой и авторитетом «классиков». Поэтому наступают моменты, когда литературный язык и народные говоры представляют настолько различные стадии развития, что оба они несовместимы в одном и том же народно-языковом сознании В эти моменты между обеими стихиями, — архаично-литературной и новаторски-говорной, — завязывается борьба, которая кончается либо победой старого литературного языка, либо победой народного говора, на основе которого в этом случае создается новый литературный язык, либо, наконец, — компромиссом При этом следует заметить, что именно отдаленность нормального литературного языка от какого бы то ни было живого современного народного говора способствует тому, что этот язык распространяется на территории не одного , а нескольких говоров. А потому, та борьба между «устаревшим» литературным языком и живым народным говором, о которой мы только что упомянули, может разыгрываться в разных пунктах территории данного литературного языка и привести в разных пунктах к разным результатам Та же принципиальная отдаленность литературного языка от всякого местного народного говора может иметь и еще одно любопытное последствие· может случиться, что тот живой народный говор, на основе которого некогда развился данный литературный язык, совсем исчезнет, или что в той местности, где живет этот говор, данный литературный язык совсем не привьется, и тогда окажется, что литературный язык, развившийся на основе говора *а* в местности А, в конце концов привьется и будет существовать в местности Б, где господствует народный говор *б*, совсем непохожий на *а* Наконец, особенностью эволюции литературных языков является их способность влиять друг на друга вне тех пространственно-временных условий, в которых обычно влияют друг на друга живые народные языки. Один живой народный язык может влиять на другой только, если оба они существуют одновременно и географически соприкасаются друг с другом. Между тем, для литературных языков эти условия необязательны· даный литературный язык может подвергнуться сильному влиянию другого, даже если этот последний принадлежит к гораздо более древней эпохе и географически никогда не соприкасался с территорией данного живого литературного языка. Влияния

эти могут быть очень разнообразны и выражаются то в прямом заимствовании отдельных слов, то в копировании способов создания новых слов и синтаксических конструкций.

Все эти особенности эволюции литературных языков следует всегда иметь в виду при разсмотрении истории русского языка

II.

Родословие русского литературного языка приходится начинать очень издалека, — со времени славянских первоучителей св равноапостольных Кирилла и Мефодия. Как известно, св. Кирилл перевел Евангелие и некоторые другие тексты Св. Писания и литургической литературы на особый язык, который принято называть «старославянским» или «староцерковнославянским». Язык этот с самого начала был искусственным В основе его лежал говор славян города Солуни, говор, в основных своих особенностях принадлежавший к праболгарской группе южнопраславянских говоров, но, в тоже время, отличавшийся от прочих говоров той же группы некоторыми чертами и, вобщем, даже для своего времени, очень архаичный. Однако, живой народный говор солунских славян, разумеется, не был сам по себе приспособлен для перевода греческих литургических текстов Св. Кириллу и его брату, св. Мефодию, продолжившему его дело после смерти св. Кирилла, пришлось ввести в солунско-славянский говор очень много новых слов Эти новые слова были частью взяты из говора моравских славян, среди которых протекало апостольское служение свв первоучителей, частью были заимствованы из греческого, частью же были искуственно созданыя из славянских элементов по образцу соотвествующих греческих слов. В области синтаксических оборотов первоучители вобщем сохрансли основные своеобразные черты славянского языка, но все же подчинились в сильной мере влиянию греческого оригинала, так что в церковнославинском тексте отразились черты того особого греческого синтаксиса, который так характерен для греческого текста Св Писания. Таким образом возник церковнославянский язык, язык с самого начала своего существования чисто литературный, т. е. более или менее искусственный, существенно отличающийся своим словарем, синтаксисом и стилистикой от того живого народного (солунскославянского) говора который лег в его основу. Именно, примыкание к более древней греческой литературно языковой традиции помогло превратить живой разговорный язык солунских славян в язык высшей духовной культуры, в язык литературный по существу.

Выше мы видели, что последним звуковым изменением, общим всем диалектам праславянского языка, было падение слабых ъ и ь, и что до начала этого изменения праславянский язык еще нельзя было считать окончательно распавшимся. Перевод Св. Писания и создание староцерковнославянского языка было предпринято славянскими первоучителями еще до начала падения слабых ъ и ь и, следовательно, еще до окончательного распадения праславянского языка Это обстоятельство надо иметь в виду, что-

бы правильно определить место и значение старославянского языка в истории развития славянских языков. Как явствует из вышесказанного, старославянский язык можно рассматривать как литературный язык конца праславянской эпохи. Т. к. во время деятельности славянских первоучителей отдельные отпрыски праславянского языка еще не утратили способности к совместным изменениям, и праславянский язык в своем целом еще не перестал быть суб'ектом эволюции, то, в сущности, отдельных славянских языков в это время еще не было, а были лишь отдельные диалекты единого праславянского языка. При таких условиях создание одного общеславянского литературного языка для всей территории праславянского языка было предприятием вполне осуществимым, при чем за основу для такого общеславянского литературного языка можно было принять любой местный говор Св. Кирилл принял за основу для этого литературного языка говор солунских славян, повидимому, только потому, что сам был родом из Солуни и практически владел именно этим говором. Но характерно, что самый перевод богослужебных книг и Св. Писания был предпринят св. Кириллом вовсе не для проповеди среди солунских славян, а для просвещения славян моравских, говоривших на диалекте прачехословацкой группы, и что эти моравские славяне, услышав богослужение на церковнославянском языке, восприняли этот язык не как иностранный, а как свой родной.

Таким образом, благодаря деятельности свв. Кирилла и Мефодия, славяне IX-го века получили литературный язык. Этот литературный язык незамедлил распространиться среди всех славян, обращенных в христианство, но не у всех этих славян удержался. Прежде всего надо заметить, что в отношении произношения, а отчасти и грамматики и даже словаря, язык этот у разных христианских славянских племен подвергся известным изменениям. Мы знаем, что и напр. современный немецкий язык в устах берлинца звучит иначе, чем в устах венца, что французский язык во Франции , в Бельгии и Швейцарии звучит очень различно, что язык английский в Америке не совсем таков, как в Англии и т. д. И это несмотря на то, что современные большие литературные языки имеют возможность унифицировать произношение путем школы и почти всегда имеют какой нибудь центр (столицу государства и т д.), по произношению которого равняются другие города и области Т. к. у славян IX-X в. ничего подобного не было, и т. к. город Солунь, говор которого был положен славянскими первоучителями в основу литературного языка, не только не играл в жизни всего славянства сколько нибудь значительной роли, но даже не был чисто-славянским городом, то естественно, что отклонения от солунской нормы произношения и грамматики в различных частях христианскославянского мира были довольно значительны. Если в Македонии старославянский язык еще долго сохранял довольно хорошо свой первоначальный облик, то в других областях очень рано возникли местные переработки этого языка применительно к особенностям местного говора. Следует, однако, заметить, что полного применения к фонетике, грамматике и словарю местного говора нигде не происходило, так что мы можем говорить только о местных видоизменениях одного и того же ста-

роцерковнославянского языка, сохранившего свою индивидуальность всюду, несмотря на эти видоизменения.

Таким образом, единый старославянский язык уже в очень древнее время претерпел известные местные изменения и непосредственно породил ряд местных форм. Нам известно несколько таких видоизмененных местных форм (или «редакций»), восходящих непосредственно к старославянскому языку: македонско-церковнославянский язык (в глаголических памятниках), стоящий ближе всего к старому прототипу, далее хорватско-церковнославянский язык (в глаголических памятниках), древнеболгарско-церковнославянский язык, и язык, так называемых, «Киевских листков» — загадочного памятника, скорее всего чешского (моравского) происхождения*). Из этих непосредственных наследников старославянской литературноязыковой традиции только древнеболгарско-церковнославянский язык оказался плодоносной лозой. Остальные вышеперечисленные ветви вскоре совсем захирели и исчезли, за исключением разве хорватско-церковнославянского, существовавшего дольше других, но уже не в старом своем виде, а с сильной примесью болгарской традиции. Таким образом, прямым продолжением линии старославянской традиции явился только именно древнеболгарско-церковнославянский язык. Этот последний представляет из себя основательную переработку старославянского языка, предпринятую в старом болгарском царстве под покровительством болгарских царей (особенно, Симеона — книголюбца) и при участии византийски образованных болгарских иерархов, монахов и священнослужителей. Изобретенный св. Кириллом алфавит, т. наз. «глаголица», был

---

*) Киевские «листки» представляют из себя небольшой (в семь листов) отрывок служебника по римско-католическому (западному обряду, но на церковнославянском языке; написан этот памятник глаголицей, при том, с чрезвычайно архаичным начертанием букв; по внешним признакам памятник относится к X веку. Наиболее характерной чертой языка этого памятника является замена старославянского *щ* (произносившегося первоначально как *шт*) через *ц* и сочетания *жд* через *з*: напр. *обѣцѣль* (вм. *обѣщалъ*), *подазь* (вм. *подаждь*). Это и дает право предполагать, что памятник этот написан чехом (моравянином): в чешском языке старославянским *щ* и *жд* действительно соответствуют *ц*, *з* (церковнослав. *нощь* — чешск. noc, церковнослав. *между* — чешск. mezi и т. д), а в десятом веке, т. е. в эпоху до «падения слабых еров», чеху было даже трудно выговорить сочетания *шт*, *жд*, так что при чтении церковнославянского текста он должен был чем то их заменить (остальные церковнославянские звуки и звукосочетания в то время для чеха трудностей не представляли). Ту же черту представляют и т. наз. «Пражские листки» (отрывок богослужебного текста по восточному обряду) конца XI-го века, — памятник уже несомненно чешского происхождения. Эти «Пражские листки», представляющие кроме указанной черты еще много других «чехизмов», показывают, что в Чехии в свое время сложилась особая редакция церковнославянского языка. К сожалению, однако, церковнославянская традиция в Чехии вскоре захирела, так что «Пражские листки» являются памятниками единственным в своем роде.

заменен новым алфавитом, который у нас по недоразумению принято называть «кириллицей», хотя лучше было бы называть его, «симеонице́й», и который был создан на основе греческого заглавного письма с добавлением некоторых букв из глаголицы (в сильно измененном виде). Видоизменен был также словарный состав староцерковнославянского языка, введено было много новых слов, созданных по образцу соответствующих греческих или заимствованных из живого болгарского говора, устранены были некоторые слова моравского происхождения или прочные заимствования из греческого, отдѣльные, повидимому, уже устаревшие или слишком «диалектические» солунскославянские или моравскославянские слова были заменены другими, более употребительными в разговорном языке высших классов старого болгарского царства. Подновлена была и грамматика. Словом, церковнославянский язык предстал в новом, освѣженном и более вылощенном виде. И в таком виде он стал не только оффицальным языком Церкви и болгарского царства, но и мощным орудием прививки византийской духовной культуры к славянскому племени. Через посредство многочисленных переводов с греческого, предпринятых в эпоху расцвета болгарского царства, славянский мир как бы жадно всасывал в себя богатства духовной культуры Византии. На этихъ переводах вырабатывался и самый стиль церковнославянской литературы, стиль всецѣло определяемый влиянием греческого литературного языка и греческой литературной традиции, но в то же время, настолько укоренившийся, что сохранялся даже и в оригинальных, непереводных произведениях болгарских авторов. Примыкание к греческой литературно-языковой традиции, таким образом, по сравнению с староцерковнославянским языком славянских первоучителей, не только не ослабло, но, пожалуй, еще усилилось.

Будучи по своему происхождению местным видоизменѐнием староцерковнославянского языка, древнеболгарско-церковнославянский язык, в свою очередь, распространился среди других славянских племен, претерпев опять таки у этих племен местные видоизменения. Но условия теперь были уже несколько иные. Во-первых, расхождение между римской и византийской церквами к тому времени настолько уже обозначилось, что славянский литургический язык, являвшийся в своей второй древнеболгарской редакции ярким проводником византийского влияния, не мог распространиться среди тех славян, которые были подчинены римской церкви. А во-вторых, древнеболгарско-церковнославянский язык был уже гораздо более оформлен и определенен, чем староцерковнославянский, и потому не мог подвергаться таким сильным местным видоизменениям. Те местные видоизменения, которые он претерпевал, касались, главным образом, его звуковой стороны и лишь отчасти в очень слабой мере грамматики.

Такими местными видоизменениями древнеболгарско-церковнославянского языка являются старосербский церковнославянский язык (известный по памятникам с XII в.) и старорусский церковнославянский язык (известный по памятникам с XI в.). Кроме того, таким же видоизменением следует считать и среднеболгарский язык, господствовавший в Болгарии с XII в. *)

*) Следует заметить, что, хотя пользование «кириллицей», а не глаголицей, ясно указывает на непосредственное восхождение имен-

Из этих трех ветвей две засохли, не оставив потомства, и только одна русская ветвь выжила.

На русской почве церковнославянский язык, перенесенный из Болгарии, с самого начала претерпел некоторые изменения в звуковой своей стороне. Так, существовавшие в церковнославянском языке «носовые гласные» («юсы») были заменены теми гласными (*у, а, ю*.) которые развились в живом русском народном языке из этих гласных. мгновенное *г*, чуждое тем южным прарусским говорам. на территорию коих церковнославянский язык попал раньше всего, было заменено нормальным для этих говоров «придыхательным» (точнее: длительным) *г*, при чем это произношение переносилось даже и в те севернорусские области, где народный язык имел мгновенное *г*. Но, вобщем, русские в начале стремились как можно точнее подражать «образцовому» произношению южных славян , и в древнерусских церковнославянских текстах постоянно встречаются следы совершенно искусственного коверкания произношения в угоду приближения к тогдашнему южнославянскому произношению. Следует заметить, что первоначально произношение церковнославянского языка в разных областях русской территории было довольно различно: строже всего держались южнославянского образца в Киеве, тогда как в Новгороде, с одной стороны, и в Галицко-Волынской области с другой отклонения в сторону приближения к фонетике живого местного говора были сильнее. Как бы то ни было, видоизменения касались главным образом звуковой стороны языка; отдельные русские грамматические окончания проникали в тексты только в порядке случайных ошибок, а словарный состав церковнославянского языка, оставался и вовсе незатронутым. В таком слегка видоизмененном виде церковнославянский язык в древней Руси рассматривался как единственный литературный язык. и на нем писались даже оригинальные, не переводные произведения русских авторов.

С течением времени первоначальная пестрота произношения древнерусско-церковнославянского языка сменилась единообразием. В связи с распределением всей русской территории между двумя большими государствами, возникли два русских центра церковнославянского языка, один—восточный, в Москве, другой — западный, в конце концов локализовавшийся в Киеве. Произношение и грамматика в обоих центрах были вобщем одинаковы, но довольно различны были стили, в которых писались оригинальные и переводные произведения на церковнославянском языке с одной стороны западнорусскими, с другой — восточнорусскими авторами.

В то же время церковнославянская литература развивалась и у южных славян, при чем в связи с этим развитием совершенствовалась и стилистика церковнославянского языка и все более и более стабилизировалась его грамматика и словарь. Но, в связи с турецким завоеванием и разрушением южнославянских царств, литературная деятельность южных славян попала в чрезвычайно неблагоприятные условия Отдельные представители южнославян-

---

но к древнеболгарской традиции, тем не менее некоторые древние памятники сербскоцерковнослав. и русскоцерковнослав. языка сохранили следы сильного влияния т. наз. македонскоцерковнослав. литературы., писанной глаголицей.

ской образованности с XIV века стали эмигрировать в Россию, где встретили радушный прием и сейчас же были использованы как литературные силы. Благодаря им, в русскую церковнославянскую традицию влилась сильная струя церковнославянской традиции сербской и среднеболгарской, и это — в такое время, когда на Балканах эта южнославянская традиция уже постепенно умирала.*) К XVII веку сербская и болгарская церковнославянские традиции как самостоятельные отпрыски основного древнеболгарского-церковнославянского ствола, окончательно умерли, успев, таким образом, перед смертью вдохнуть новую жизнь в русскую церковнославянскую традицию.

К XVII веку церковнославянская традиция жила еще только в двух центрах — в Москве и в Киеве, — из которых каждый имел свой район влияния. При этом традиция московская была несовсем та же, что традиция киевская. После присоединения Украины такое сосуществование двух традиций церковнославянского языка стало невозможным. Должна была наступить унификация. Процесс этот протекал не безболезненно: всем известно сколько бури вызывало исправление московских богослужебных книг по львовским и киевским образцам и деятельность в Москве киевских ученых. Как бы то ни было, в XVII в. киевская традиция церковнославянского языка одолела московскую, вытеснила ее в старообрядческое подполье, а сама воцарилась в Москве, сделавшись отныне общерусской. Разумеется, эта киевская традиция при этом сама претерпела кое какие изменения, применившись к новым обстоятельствам и впитав в себя некоторые черты традиции московской.

Таким образом, в XVII веке из соединения восточнорусского церковнославянского языка с западнорусским (при преобладании именно этого последнего) возник общерусский церковнославянский язык. А т. к. в предшествующие века русский церковнославянский язык вобрал в себя традицию южнославянскую, прекратившую свое самостоятельное существование, то этот образовавшийся в XVII веке общерусский церковнославянский язык оказался единственным носителем старославянского церковнославянского приемства и сделался языком всех православных славянских церквей**); с этого времени и южные славяне пользуются в православном богослужении книгами русской редакции со всеми чертами русского произношения, хотя и видоизмененными слегка, благодаря природному «акценту» туземных южнославянских языков.***)

---

*) Под влиянием этой новой струи южнославянского влияния произошли, между прочим, некоторые изменения уже установившегося в России произношения, при том, изменения в сторону возстановления исконного южнославянского произношения известных звуков. Так, с этого времени стали произносить *жд* в таких словах как *вижду, ограждение* и т. д.: раньше в этих случаях в церковном языке произносили не *жд*, а *ж* (вижу, ограженье) под влиянием русского народного языка.

**) В галицийских *уніатских* церквах церковнославянский язык, повидимому, ведет свое начало прямо от западнорусской церковнославянской традиции (с видоизменением в угоду украинскому произношению), но, кажется тоже не без влияния общерусской.

***) Так, *ы* произносится как *и*, а *е* и *ѣ* — как *э*, вместо *я* — всюду *ьа (свьят, тьяжко)*; кроме того сербы заменяют сочетание *вс* через *св* и часто смещают ударение.

В самой России церковнославянский язык в XVIII веке претерпел, кажется, лишь одно звуковое изменение, приблизившее его к светско-литературному языку, именно, утратил различие в произношении между *ѣ* и *е*.*) В настоящее время наблюдается тенденция ввести в церковнославянское произношение и свойственное светско-литературному языку «аканье», но тенденция эта пока выражена лишь слабо, наблюдается только у отдельных священнослужителей и певчих (преимущественно в любительских хорах) и вряд ли способна утвердиться; кроме того, в Москве, в северной Великороссии и в некоторых южновеликорусских городах, тянущих к Москве, духовенство (не говоря уже о певчих) за последнее время стало произносить и звук *г* по северновеликорусски, вместо старого придыхательного *г*, державшагося в церковном произношении с начала принятия христианства и ставшего одно время характернейшей приметой «семинарского произношения». Эта способность претерпевать изменения**) показывает, что церковнославянский язык еще продолжает *жить*.

Итак, церковнославянский язык русской редакции есть единственный живущий до сего дня прямой потомок старославянского языка свв. славянских первоучителей. Этот же церковнославянский язык русской редакции лежит в основе и светского русского литературного языка. Процесс возникновения этого последнего представляется в следующем виде.

Еще в домонгольской Руси областные говоры русского языка были до некоторой степени оффициальными языками соответствующих городов и княжеств. На церковнославянском языке писались произведения религиозного содержания или вообще касающиеся высшей духовной культуры и Церкви, в принципе даже произведения чисто литературные. Напротив, все «деловое», относящееся к практической жизни, грамоты, договоры, светско-законодательные акты, завещания, описи и т. под. писались на местном русском говоре с спорадическим введением в текст тех или иных отдельных церковнославянских слов и выражений. С течением времени этот деловой, канцелярский письменный язык, чисто русский по своему словарному составу, грамматическому, синтаксическому и стилистическому строю, постепенно фиксировался. Со времени раздела русской территории между двумя большими государствами, Московским и Литовскорусским, процесс этот еще усилился, и в результате образовались два таких светско-деловых русских языка, западно-русский и московский. Оба языка были в тоже время и разговорными языками чиновников и правящих классов соответствующих государств.

---

*) Старообрядцы еще сохранили это различие, именно, произносят *ѣ* так же, как и никониане, а *е* после согласных — как *э*.

**) Кроме указанных изменений в области произношения, происходят некоторые изменения и в области словаря: так даже при чтении богослужебных текстов слово *живот* заменяется словом *жизнь*; в новых молитвах или молитвенных формулах, вводимых в богослужение в XIX и XX в. в., словарный состав уже не тот, что прежде. Что касается до грамматики, то можно отметить, что некоторые священнослужители за последнее время стали при чтении Св. Писания заменять формы двойственного числа формами множественного

Западнорусский светско-деловой язык подвергся сильному польскому влиянию, сила которого с течением времени все возрастала в связи с ополячиванием русских правящих классов в русских областях, подпавших под польское владычество. В конце концов, этот западнорусский светско-деловой язык, уже почти совсем ополяченный, в оффициальных актах вовсе перестал применяться, заменившись польским, да и в качестве разговорного языка высших классов был вытеснен чисто польским. Но до этого полного захирения западнорусского светско-делового языка был сделан опыт создать на его основе особый светско-литературный язык (для научных, публицистических и беллетристических произведений), введя в него для этой цели и некоторое количество церковнославянских элементов; получилась пестрая и неоформленная смесь польского с церковнославянским при почти полном отсутствии специфически русских элементов. На этом, собственно, церковнославянскопольском западнорусском светско-литературном языке еще в XVII в. писалось довольно много. Но этот неуклюжий искусственный язык не удержался. В русских областях, оставшихся подвластью Польши, язык этот был вытеснен чисто-польским, а в областях, присоединившихся к Москве, язык этот вымер, успев, однако, сказать сильнейшее влияние на русский литературный язык.

Московский светско-деловой язык сложился на основе средневеликорусского говора города Москвы и сделался, как указано выше, не только оффициальным государственным языком московских приказов, но и разговорным языком служилого сословия Московского государства. Кроме государственных актов на этом языке писались и некоторые литературные произведения без особых претензий на «литературность» — напр. такие произведения как описание путешествий в далекие страны или знаменитый памфлет Котошихина. Собственно литературным языком оставался все же язык церковнославянский, на котором писались не только произведения религиозноучительного характера, но и произведения научного и просто беллетристического содержания.

Когда в XVII в. церковнославянский язык московской редакции был вытеснен общерусским церковнославянским языком, сложившимся на основе западнорусской (киевской) традиции, стали происходить изменения и в разговорном языке высших классов русского общества. В язык этот стали проникать элементы западнорусского светского языка, при чем особенно много этих элементов было, конечно, в разговорном языке «западнически» настроенных людей. При Петре именно эти люди стали играть руководящую роль, а вместе с ними продолжали выдвигаться и коренные киевляне и западноруссы. В связи с этим в словарь разговорного языка высших классов (а через него и в словарь светски литературного и канцелярского языка) влилась мощная струя элементов западнорусского светски-делового языка, который однако сам вскоре прекратил свое существование. К заимствованиям из западнорусского светского делового языка незамедлили присоединиться многочисленные слова, заимствованные из всевозможных романогерманских языков. Т. о., разговорно-деловой язык высших классов русского общества, оставаясь средневеликорусским (московским) по своему произношению и по граммати-

ке, значительно утратил чистоту своей великорусской основы в области словаря.

Что касается до соотношения функций церковнославянского и чисто русского языков, то, вообще, оно и в первой части XVIII-го века оставалось тем же, каким было раньше, с тою лишь разницею, что, в силу изменившихся культурно-исторических условий, светская литература все более эмансипировалась от религиозной, что вело к дифференциации в области языка. Собственно, в сознании грамотного русского жили совместно, по крайней мере, три языка, каждый прочно ассоциировавшись со своей специальной сферой применения, языки чисто-церковнославянский, применяемый в богослужении, в произведениях религиозного содержания и прочно ассоциированный именно с религиозной сферой представлений, собственно-русский язык, применяемый в практически-деловой жизни и в «домашних» разговарах на простые житейские темы и ассоциированный с сферой представлений практической повседневной жизни, наконец, упрощенно-церковнославянский язык, ассоциированный с наукой и со светской литературой, более или менее выспренней и торжественной, но без того специфического оттенка, который отличал чисто религиозную выспренность *)

Этот язык светской литературы (славяно-российской) по своему словарному составу был чисто церковнославянским, отличась в этом отношении от богослужебного языка только сначала избеганием, а потом и отсутствием некоторых специфически церковных слов (вроде *аще*, *еда*, *стерь*, *иногда* в значении «некогда» и т. д.), но в своем грамматическом строе приближался к русскому разговорному, как по отсутствию некоторых специфически-церковнославянских форм (напр. форм прошедшего времени вроде *несохъ*, *носяше*, форм двойственного числа, дательного на — *ови*, множественного на —*ове* и т. д.), так и присутствием специфически-русских окончаний и синтаксических оборотов.

Из тех трех языков, которые совместно жили в сознании каждого грамотного русского, чисто-церковнославянский выделялся как особый языковый тип, с застывшей, строго определенной и (в принципе) более уже не подлежащей изменению структурой и строго-определенной сферой применения. Остальные два, — чисто-русский деловой и упрощенно-церковнославянский светско-литературный, — сознавались не как два особых языка, а скорее как два разных стиля одного языка, при чем граница применения того и другого постепенно становилась все менее определенной. Сообразно с этим, повидимому, изменилось и произношение упрощенно-церковнославянского языка, и изменилось в сторону приближения к чисто-русскому. Так получилось, что одно и то же церковнославянское по своему происхождению слово в богослу-

*) Особое положение занимал еще язык канцелярского делопроизводства. Некогда чисто русский, он со временем все больше и больше впитывал в себя церковнославянских элементов, оставшихся чуждыми разговорному языку (вроде *понеже*, *поелику* и т. д.). Кроме того, и сам великорусский элемент канцелярского языка выступал в более архаичном виде, чем в разговорном. Таким образом этот канцелярский язык в XVIII в. (да и позднее) не совпадал ни с литературным, ни с разговорным.

жебном тексте произносилось иначе чем в тексте светском литературном (напр ,в первом случае—с «оканьем», во втором—с «аканьем»). В то же время шло все усиливаясь, изменение грамматического состава светско-литературного языка, опять таки в сторону применения к чисто-русской грамматике. Наконец, началось и выравнивание словарного состава Здесь наблюдалось проникновение словарных элементов светско-литературного язка в разговорно-деловой. И, очевидно, причина этого явления лежала в изменении культурного облика грамотных русских и в соответственном изменении самых тем повседневных разговоров. Прежде эти повседневные разговоры вращались исключительно в сфере «низких предметов», разговоры на «высокие» темы были необычны, и эта необычность сказывалась сразу в полной перемене всего словарного, грамматического и синтаксического строя речи. Но с течением времени выработался особый тип грамотных русских людей, для которых подобные разговоры о «высоких предметах» были вовсе не необычны, во всяком случае, не более, а скорее даже менее необычны, чем разговоры о предметах «низких». У таких людей грань между повседневным разговорно-деловым и «возвышенным» литературным языком (точнее,—стилем) должна была стушевываться, и они начинали употреблять слова и обороты, свойственные светско-литературному языку, также и в самых простых повседневных разговорах житейско-делового характера. У таких людей происходило, следовательно, постепенное «олитературивание» разговорного языка. Но параллельно с этим процессом шло и «обрусение» светско-литературного языка. Из словаря этого языка стали исчезать некоторые церковнославянские элементы, заменяясь соответствующими русскими Характерно, что это происходило особенно с словами «вспомогательными» (вроде *паки*, *паче*, *иже*, *понеже* и т. д.), употребляемыми обычно совершенно автоматически, с минимальной установкой языкового внимания: люди, для которых грань между литературным и разговорным языком уже стиралась, не могли уже делать различия между этими двумя языками в таких автоматических, подсознательных элементах своей речи.

Таким образом, к концу XVIII -го века разговорный язык руководящих слоев русского образованного общества настолько «олитературился», а светско-литературный язык, употребляемый теми же слоями в писаниях, настолько «обрусел» » в своем формальном составе, что слияние этих обоих языков воедино стало почти неизбежным. К началу XIX-го века это слияние действительно и произошло. В принципе разговорный язык русской интеллигенции был об'явлен литературным, т. е. на этом языке стали писать все, начиная от частных писем и вплоть до философских трактатов и стихотворений. Конечно, различие между отдельными сферами литературного применения этого языка не совсем исчезло, и различие это сказывается всегда в разном процентном отношении церковнославянского и русского элементов. Писатели первой половины XIX-го века в стихах допускают массу таких церковно-славянских слов, которых в прозе уже давно никто не употребляет (напр. з л а т о, д е в а, о ч и, з е н и ц а и т. д.) и, наоборот, в стихах избегают таких русских слов и оборотов, которые в прозе совсем обычны. Язык научный заключает в себе гораздо больше церковнославянских слов, чем язык беллетристики. Но все это не ощущается уже как различие между

разговорным и специфически-литературным языками, а лишь как различие стилей, при том. необязательное

Таким образом, можно сказать, что современный русский литературный язык получился в результате прививки старого культурного «садового растения» — церковнославянского языка к «дичку» разговорного языка правящих классов русского государства Русский литературный язык в конечном счете является прямым преемником староцерковнославянского языка, созданного свв. славянскими первоучителями в качестве общего литературного языка для всех славянских племен эпохи конца праславянского единства

III

Для того. чтобы иметь правильное представление о происхождении и современных свойствах русского литературного языка, надо сопоставить его историю с историей других современных славянских литературных языков.

Кроме русского литературного языка преемником староцерковнославянской традиции является только еще современный болгарский литературный язык Но преемство здесь не прямое, как в русском, а опосредствованное русским влиянием. Среднеболгарская литература в свое время захирела и умерла. В эпоху так называемого новоболгарского возрождения старая литературноязыковая традиция настолько прочно была забыта, что тогдашние болгарские писатели и публицисты не могли возродить ее и примкнули к литературной традиции русской Болгарский литературный язык того времени был лишь, так сказать, болгаризованной формой русского литературного языка, при чем, естественно, из русского литературного языка почерпались, главным образом, его церковнославянские элементы, но все же в их русской, а не среднеболгарской форме. В дальнейшем влияние русского языка на болгарский литературный язык всегда продолжало оставаться чрезвычайно сильным, и, хотя у современных писателей и замечается тенденция к все большему выдвижению чисто-болгарского народного словаря, полная эмансипация от тесной связи с русской литературно-языковой традицией вряд ли осуществима. Прошедший через горнило русского литературного языка, церковнославянский словарный материал в русском обличии является тем мощным звеном, которое связывает современный болгарский литературный язык с общеславянской литературноязыковой традицией.

Прочие современные южнославянские литературные языки не стоят ни в какой связи с церковнославянской традицией. Мы уже видели, что старый сербскоцерковнославянский язык погиб в эпоху турецкого владычества, и что богослужебный язык сербской церкви есть церковнославянский язык русской редакции. В XVIII в., в эпоху постепенного обрусения упрощенно-церковнославянского светско-литературного языка в России, этот особый тип тогдашнего русского литературного языка проник и к сербам, породив у них так называемый «славяно-сербский» язык (точнее «русскоцерковнославянский язык с сербизмами»), употреблявшийся серб-

скими писателями довольно долго еще и в начале XIX в.. Но эта традиция тоже прекратилась, и современный сербохорватский литературный язык не имеет с ней ничего общего. Этот современный литературный язык не примыкает и к чисто национальной сербохорватской традиции средневековой долматинской (дубровчанской) литературы, язык которой сложился на основе народного говора Дубровника (Рагузы) под сильным влиянием итальянского языка. Современный сербохорватский литературный язык возник ex abrupto на основе простонародного говора. Создателем этого языка был смелый реформатор Вук Караджич. Таким образом, в противоположность истории образования русского литературного языка, характеризуемой постепенностью и органической непрерывностью литературноязыковой преемственности, история сербохорватского литературного языка отмечена резким и полным разрывом с традицией и, при том, разрывом не вынужденным, а добровольным.

Современный словенский литературный язык тоже основан на современном народном говоре и тоже без всякого примыкания к какой либо старой традиции. Следует только отметить, что на этот язык оказал влияние созданный Вуком Караджичем сербохорватский литературный язык, и что это влияние теперь, благодаря вхождению словенцев в одно государство с сербами и хорватами, несомненно еще усилится.

Западнославянские литературные языки с самого начала не стояли ни в какой связи с старославянской традицией. Правда, эта традиция в свое время проникла в Чехию, но не пустила глубоких корней и умерла, не оказав сколько нибудь значительного влияния на старочешский язык. Этот последний сложился как письменный язык совершенно самостоятельно в XIII в. (вероятно, даже раньше) и очень рано стал языком не только государственным, но и литературным. В основе его лежал живой разговорный язык чешских горожан, но «литературность» придана была ему, главным образом, многочисленными переводами с латинского и с немецкого, сыгравшими для него ту же роль, что переводы с греческого для церковнославянского: «новые слова», поскольку они не являлись просто заимствованными из латинского или немецкого, создавались из чешского языкового материала путем калькирования немецких и латинских. Первоначально диалектически довольно пестрый, этот старочешский язык с течением времени все более выравнивался применительно к среднечешскому наречию. Благодаря деятельности Яна Гуса и так называемых «чешских братьев» чешский язык к XVI-му веку принял совершенно оформленный вид. Но неблагоприятно сложившиеся обстоятельства прервали его дальнейшее развитие, и чешская литературная традиция на долгое время почти совершенно изсякла. Только в конце XVIII-го и в начале XIX-го века началось возрождение чешского литературного языка. При этом, деятели чешского возрождения обратились не к современным народным говорам, а к прерванной традиции старого чешского языка конца XVI века. Разумеется, язык этот пришлось несколько подновить, но все же, благодаря этому примыканию к прерванной традиции, ново-чешский язык получил совершенно своеобразный облик: он архаичен, но архаичен искусственно, так что элементы совершенно различных эпох языкового развития в нем уживаются

друг с другом в искусственном сожительстве. Благодаря этому, новочешский литературный язык существенно отличается от живых народных говоров Выровнение идет в двух направлениях: через школу литературный язык стремится заменить собою нелитературное «просторечие», а это последнее через газеты и реалистическую беллетристику неудержимо стремится наложить свое обличие на литературный язык. Характерным для чешского литературного языка является далее усиленное создание новых слов для замены иностранных. Исторически это было вызвано необходимостью, т к. в силу усиленной германизации и долгого перерыва национальной литературноязыковой традиции чехи в начале XIX-го века совершенно почти разучились говорить по чешски Но, направившись сначала против немецких заимствований, это пурификаторское стремление в конце концов привело к созданию новых слов и для таких понятий, которые во всех европейских языках выражаются греколатинскими словами При этом, «новые слова», разумеется , являются большею частью «кальками» соответствующих иностранных, при этом кальками под час весьма искусственными и неуклюжими Это обилие искусственно созданных новых слов еще усиливает отличие литературного языка от народных говоров и даже от интеллигентского «просторечия», в котором немецкие слова продолжают играть видную роль.*) Старочешский язык очень рано «отполировался» на переводах с латинского и немецкого и выработал довольно детальную терминологию для всевозможных отвлеченных понятий и для представлений религиозной сферы Язык старопольский стал литературным гораздо позднее чешского, и, т к. между Польшей и Чехией существовало довольно оживленное культурное общение, а польский и чешский языки в XIV в. были фонетически и грамматически гораздо ближе друг к другу, чем в настоящее время, то неудивительно, что в начале своего литературного существования старопольский язык испытал на себе чрезвычайно сильное чешское влияние. В своей основе старопольский литературный язык развился из разговорного языка польской шляхты, и эта его связь с определенным сословием, а не с определенной местностью, сказалась в том, что он с самого своего начала не отражал в себе никаких специфически местных, диалектических черт и никогда не совпадал ни с одним местным народным говором в то время как напр. русский литературный язык в отношении произношения может быть определенно локализован в области средневеликорусских говоров, польский литературный язык вовсе не поддается локализации на диалектической карте этнографической Польши. Литературная традиция польского языка с XIV-го века никогда не прекращалась, так что в отношении продолжительности и непрерывности литературной традиции польский язык среди славянских литературных языков занимает

1) Оригинальное положение создается тем, что искусственные новые слова изобретаются главным образом для обозначения понятий отвлеченных или предметов высшей культуры, тогда как в обозначении предметов домашнего обихода, сельского хозяйства, ремесел и проч. искусственное словоизобретательство не прививается: т. о. слов. заимствованных из немецкого , в «нижних слоях» словаря чешского литературного языка оказывается гораздо больше, чем в слоях «верхних».

следующее место после русского. В то же время литературная традиция польского языка является почти замкнутой: только в начале своего существования он испытал, как сказано выше, довольно сильное чешское влияние. За то, в эпоху чешского возрождения наблюдается обратное влияние польского языка на вновь возсоздаваемый новочешский.

Словацкая литературноязыковая традиция началась довольно поздно, в конце XVII-го и в начале XVIII-го в., в период упадка чешской традиции, когда чешский язык влачил жалкое существование в немногочисленных популярных книжках преимущественно религиозного содержания. В эту эпоху словацкий язык стал проникать в такие же популярные книжки (составленные преимущественно иезуитами), в сущности, только как диалектическая разновидность чешского. В течение всего XVIII-го в. литература на словацком языке пребывала вобщем на том же уровне, и только с конца 30-х годов XIX в. началось интенсивное созидание настоящего словацкого литературного языка. В основу его были положены народные говоры среднесловацкого наречия Несмотря на стремление основателей и главных деятелей словацкой литературы отмежеваться от чешского языка, примыкание к чешской литературноязыковой традиции для словаков настолько естественно, что противоборствовать ему невозможно. Отличия словацкого и чешского литературных языков главным образом грамматические и фонетические, словарный же состав обоих языков почти одинаков, особенно в сфере понятий и представлений высшей умственной культуры.

Литературные языки лужицкие (верхнелужицкий и нижнелужицкий) возникли, можно сказать, в XIX -ом веке, ибо ранее на этих языках имелись лишь немногочисленные произведения религиозного содержания (древнейшие — XVI-го века). На лужицкие литературные языки оказал довольно сильное влияние язык новочешский, но в принципе каждый из этих языков основан на живых народных говорах.

Таким образом, можно сказать, что хотя каждый из современных западнославянских литературных языков возник самостоятельно, при том на основе данного живого разговорного языка, тем не менее все они связаны друг с другом известной общей литературноязыковой традицией. Но связь эта носит характер не преемства, а взаимного влияния, при чем источником этого влияния является литературный язык чешский, сильно повлиявший в средние века на польский, в новое время — на словацкий и оба лужицкие и при своем возрождении сам испытавший на себе польское влияние.

IV

В связи с западнославянскими литературными языками следует рассмотреть и современный украинский литературный язык. Дело в том, что, хотя народный украинский язык является ближайшим родичем народного языка великорусского, тем не менее украинский литературный язык примкнул не к русскоцерковнославянской, а к польской, т. е. западнославянской литературноязыковой традиции Обстоятельство это заслуживает специального разсмотрения и освещения

Прежде всего возникает вопрос, как относятся друг к другу украинское (малорусское) и великорусское наречия: являются ли они самостоятельными языками или только диалектами одного языка? Как это ни странно, но ответить на этот вопрос одними средствами языковедения невозможно. Вопрос о том, являются ли два близко родственных наречия диалектами одного языка или двумя самостоятельными языками, сводится к тому, насколько существующие между данными наречиями словарные, грамматические и звуковые различия фактически затрудняют языковое общение и взаимное понимание представителей того и другого наречия. А для решения этого вопроса никаких общих об'ективных норм не существует. Все зависит от степени чуткости данного народа к языковым различиям, а эта чуткость у всех народов различна. В частности, относительно русских племен следует отметить, что там, где малороссы и великороссы живут друг съ другом бок о бок (в областях недавно колонизованных и на этнографической границе между обоими племенами, напр. в некоторых частях Воронежской и Курской губ.) , они без труда понимают друг друга, при чем каждый говорит на своем родном говоре, почти не приспособляясь к говору собеседника. Правда, в этих случаях встреча происходит обычно между представителями южновеликорусских говоров — с одной и северномалорусских или восточноукраинских — говоров с другой; если бы встреча произошла между архангельским помором и угроруссом или буковинским гуцулом, то взаимное понимание, надо полагать, оказалось бы более затрудненным. Но на это можно возразить, что саксонцы и тирольцы тоже почти не понимают друг друга, когда говорят на своих родных говорах, а миланцы и сицилианцы просто таки совсем друг друга не понимают.

Таким образом, различия между основными русскими («восточно-славянскими») наречиями, — великорусским, белорусским и малорусским, — не настолько глубоки, чтобы затруднять взаимное общение представителей этих наречий. Что касается до д а в н о с т и этих различий, то она тоже сравнительно незначительна. Звуковые особенности, отделяющие друг от друга три основные русские наречия, не древнее середины XII-го века*); словарные различия, — каковые особенно важны, ибо более всего затрудняют взаимное общение, — возникли преимущественно в эпоху польского владычества над западной Русью и сводятся, главным образом, к наличию в малорусском и белорусском народных языках огромного количества полонизмов (т. е. слов и выражений, либо прямо заимствованных из польского, либо созданных по образцу польских), чуждых великорусским народным говорам**). Таким образом, ни о глубине, ни о древности различий

*) Об этих звуковых изменениях , приведших к распадению общерусского языкового единства см. нашу статью (на немецком языке) в Zeitchrift fur slaviche Philologie 1924, I особено стр. 292 и слл..

**) За вычетом этих полонизмов словарное различие между малорусским и южновеликорусским народным языком оказалось бы не большим, чем различие между рязанским и вологодским. Следует особенно принять во внимание, что в южновеликорусских говорах есть очень много слов, невошедших в русский литературный язык, но существующих в малорусском (хата, девчина и т. д.)

между тремя основными русскими (восточнославянскими) наречиями говорить не приходится

Но, даже если бы различия между великорусским и малорусским наречиями были гораздо глубже и древнее, чем они есть на самом деле, из этого отнюдь еще не следовало бы, чтобы украинцам необходимо было создать себе особый литературный язык, отличный от русского Надо вообще предостеречь от довольно распространенного предрассудка, будто существование сильных различий между двумя наречиями неминуемо влечет за собой (или должно повлечь за собой) и создание для каждого такого наречия особого литературного языка. Живые языки современной Европы самым решительным образом противоречат этому мнению. Каждый из больших литературных языков Европы (французский, итальянский, английский, немецкий) господствует на территории лингвистически гораздо менее однородной, чем территория русских племен Различия между нижненемецким (Plattdeutsch) и верхненемецким (Oberdeutsch), или различия между народными говорами северной Франции и говорами Прованса не только сильнее, но и значительно древнее различий между малорусскими, белорусским и великорусским. Мы видели выше, что различия между этими основными русскими наречиями не древнее XII-го века; между тем, нижненемецкий и верхненемецкий выступают как два самостоятельных и внутренно уже дифференцированных языка с самого начала средневековой немецкой письменности*), а различие между собственнофранцузским и провансальским языками восходит к самому началу романизации Галлии**).

Таким образом, никакой *необходимости* создавать особый специально-украинский литературный язык не было Все восточные славяне (великоруссы, малороссы и белорусы) прекрасно могли обойтись одним литературным языком, тем более, что в создании этого общерусского литературного языка, как мы видели выше, принимали участие представители всех основных восточнославянских наречий. Далее мы видели, что некогда существовал особый специально-западнорусский литературный язык, и что этот язык после соединения Украины с Великороссией прекратил свое самостоятельное существование. При этом, гибель его была вызвана не каким либо правительственным запретом, а просто его ненадобностью· поэтому он не был *вытеснен* московским, а *слился* с московским.

И тем не менее, новый украинский литературний язык возник. Возник он в конце XVIII-го века, при этом, вне всякой связи с вымершим западнорусским литературным языком Основателем нового украинского литературного языка считают Котляревского. Произведения этого писателя («Энеида», «Наталка-Полтавка», «Москаль-Чарівник», «Ода князю Куракину») написаны

---

*) Древнейшие памятники нижненемецкого языка восходят к началу IX-го , а древнейшие памятники верхненемецкого — к середине VIII-го века.

**) Сказанное о крупных литературных языках Европы применимо и к менее крупным Так напр., население Голландии говорит частью на нижнефранконском наречии немецкого языка, частью на языке фризском (ближайшем родиче англосаксонского), литературный же голландский язык для всей Голландии — один.

на простонародном малорусском говоре Полтавщины и по своему содержанию относятся к тому жанру поэзии, в котором намеренное применение простонародного языка вполне уместно и мотивировано самим содержанием. Стихотворения наиболее крупного украинского поэта, Тараса Шевченки, написаны большей частью в духе и в стиле малорусской народной поэзии и следовательно опять таки самим своим содержанием мотивируют употребление простонародного языка. Во всех этих произведениях точно так же, как и в рассказах из народного быта хороших украинских прозаиков, язык является нарочито простонародным, т. е. как бы преднамеренно-нелитературным. В этом жанре произведений писатель преднамеренно ограничивает себя сферой таких понятий и представлений, для которых в безыскусственном народном языке уже существуют готовые слова и выбирает такую тему, которая дает ему возможность употреблять только те слова, которые действительно существуют, и при том именно в данном значении, в живой народной речи. Разумеется, такой литературный жанр требует от писателя известной стилистической сноровки. Но все же, жанр этот строго ограничен, литература, даже беллетристическая, не может исчерпываться им, и на основе его невозможно создать настоящего литературного языка, способного отвечать всем потребностям. Ведь основное назначение литературного языка как орудия высшей духовной культуры именно в том и состоит, чтобы найти средства для выражения таких понятий, представлений и оттенков мысли, которые в сознании необразованных или малообразованных народных масс не существуют и потому не нашли себе словесного выражения в простонародном языке. Таким литературным языком для большинства образованных малороссов был русский литературный язык. Это, конечно, отнюдь не исключало закономерности применения чисто-простонародного малорусского языка в произведениях известного литературного жанра, в которых писатель, будучи на самом деле интеллигентом, т. е. человеком с расширенным по сравнению с простолюдином кругозором и с установкой на высшую умственную культуру, намеренно становится на точку зрения простолюдина. к этому жанру относятся подражания народной поэзии, рассказы из народного быта с намеренно подчеркнутым местноэтнографическим колоритом, и народные книжки, популяризующие известные научные, технические сведения или известные религиозные, политические и философские учения. Но известная часть украинской интеллигенции захотела большего, именно, захотела создать на основе малорусского наречия настоящий литературный язык, применимый не только в вышеупомянутом литературном жанре, но и во всех других, и способный стать органом умственной культуры для всей украинской интеллигенции. По существу, в этом стремлении ничего противуестественного не было. Следовало только при достижении поставленной цели держаться естественного пути и исходить из реальных данных. Реально существовал русский литературный язык, создавшийся, как мы видели выше, путем органического и естественного исторического процесса постепенного обрусения церковнославянского языка. Этот русский литературный язык естественным путем стал языком образованных украинцев, но, благодаря известным условиям своей истории, он представлял из себя соединение церковнославянского элемента не с малорусским, а с средневели-

коруским элементом, и в отношении фонетики и грамматики, а отчасти и словаря, был определенно-средневеликорусским. Естественный путь к созданию литературного языка на малорусской основе, состоял бы именно в замене средневеликорусской стихии русского литературного языка стихией малорусской: церковнославянскую же стихию русского литературного языка при этом, конечно, не было никакой необходимости устранять, ибо, как это мы постараемся показать ниже, наличие этой стихии именно и составляет главное преимущество русского литературного языка, преимущество, отказ от которого был бы равносилен добровольному самооскоплению. Этот отказ от церковнославянского преемства был бы и изменой всему прошлому Украины, т. к. введение церковнославянского языка в России и сохранение чистоты русско-церковнославянской традиции теснейшим образом связано именно с Украиной. Еще в домонгольский период именно Киев более всего заботился о чистоте церковнославянского языка, так что киевские церковнославянские рукописи этого периода опознаются именно по нарочитой правильности церковнославянской орфографии; и именно Киев служил в это время образцом церковнославянского произношения для всей Руси, задавая в этом отношении тон всем другим областям, — как о том свидетельствует усвоение специфически южнорусского произношения согласной *г* в богослужебных текстах по всей Руси А позднее, в эпоху польского владычества и борьбы с унией, тот же Киев явился очагом не только охранения церковнославянской традиции, но и первой систематической нормализации церковнославянского языка русской редакции: до Ломоносова все грамотные русские (и даже нерусские православные славяне) учились церковнославянскому языку по грамматике украинского ученого Мелетия Смотрицкого.*) Расширение сферы применения церковнославянского языка и распространение этого языка на чисто светскую литературу, опять таки, именно в Киеве раньше и ярче всего проявилось. Украинским бурсакам и ученым принадлежат первые попытки писать рифмованные стихи (вирши) на церковнославянском языке,—и именно от этих вирш в XVII и в начале XVIII-го века ведет свою родословную вся русская поэзия (разумеется, не простонародная). Точно также и реторика XVIII-го века с ее славянизмами генетически восходит к красноречию именно украинских ученых риторов и проповедников, а не к «вяканью» великорусских краснобаев. Русская драма и комедия восходят тоже к украинским школьным интермедиям на церковнославянском языке.

---

*) Эта приверженность к церковнославянскому языку стоит в связи с некоторыми чертами народного характера южноруссов. Южнорусские писатели издревле отличаются особым выспренним риторическим пафосом, несвойственным северорусам: этот пафос находим и у древних проповедников-южан (Илариона, Кирилла Туровского — особенно по сравнению с новгородцами Лукой Жидятой и Иаковом-Иоанном), и у южнорусского паломника Даниила (в отличие от новгородского паломника Антония), он же отличает южнорусскую летопись от сухо деловой новгородской; в новой литературе представителем того же специфически украинского пафоса является Гоголь. Естественно, что церковнославянская традиция находила в этом своистве украинского литературного вкуса и дарования благоприятную почву.

Словом, вся традиция и формы использования церковнославянского языка для светской литературы идут из Украины. Русскую литературу послепетровского периода приходится рассматривать как продолжение церковнославянской литературы Западной Руси (главным образом, Украины) XVII-го века. с специфически великорусской, московской литературой допетровской Руси у русской литературы XVIII-го века никакой связи нет.*) Таким образом, в своем церковнославянском элементе русский литературный язык принадлежит украинцам даже больше, чем великоруссам, и естественный путь для создания нового украинского литературного языка должен был бы заключаться в примыкании к уже существующему русскому литературному языку, в тщательном сохранении церковнославянской стихии этого языка одновременно з заменой его средневеликорусской стихии малорусской. Однако, тот украинско-литературный язык, который получился бы при следовании по этому естественному пути, разумеется, оказался бы очень похожим на русский: ведь слова церковнославянского происхождения в русском литературном языке составляют чуть ли не половину всего словарного запаса, а многие из средневеликорусских слов, вошедших в этот язык, отличаются от соответствующих малорусских лишь очень мало. Это близкое сходство естественно-созданного украинского литературного языка с русским, само по себе было бы тоже совершенно естественно, ибо ведь и соответствующее народные языки, великорусский и малоруский, близко родственны и похожи друг на друга. Но те украинские интеллигенты, которые ратовали за создание самостоятельного украинского литературного языка, именно этого естественного сходства с русским литературным языком и не желали. Поэтому они отказались от единственного естественного пути к созданию своего литературного языка, всецело порвали не только с русской, но и с церковнославянской литературно-языковой традицей, и решили создавать литературный язык исключительно на основе народного говора, при этом так, чтобы этот язык как можно менее походил на русский. Как и следовало ожидать, это предприятие в таком виде оказалось неосуществимым: словарь народного языка был недостаточен для выражения всех оттенков мысли, необходимых для языка литературного, а синтаксический строй народной речи слишком неуклюж, для того, чтобы удовлетворить хотя бы элементарным требованиям литературной стилистики. Но необходимости приходилось примкнуть к какой нибудь уже существующей и хорошо отделанной литературноязыковой традиции. А т. к. к русской литературноязыковой тридиции примыкать ни за что не хотели, то оставалось только примкнуть к традиции польского литературного

*) Такие же соотношения наблюдаются и в других сторонах духовной культуры, в частности, в музыке и в живописи. Русская портретная живопись XVIII в. не имеет ничего общего с великорусской иконописью допетровского периода, но генетически связана с украинской иконописью XVII-го века и т. д. «Украинизация» великорусской духовной культуры началась еще при Алексее Михайловиче (вспомним роль киевлян в реформе Никона!) и явилась мостом к европеизации. Обстоятельство это чрезвычайно важное, ибо без этого моста украинизации европеизм вряд ли мог бы привиться на русской почве.

языка II действительно, современный украинский литературный язык, поскольку он употребляется вне того народнического литературного жанра, о котором говорилось выше, настолько переполнен полонизмами, что производит впечатление просто польского языка, слегка сдобреннаго малорусским элементом и втиснутого в малорусский грамматический строй. Благодаря этому особому направлению в создании и развитии украинского литературного языка, — направлению, не только противоестественному, но и противоречащему основной тенденции истории Украины, состоявший всегда в обороне и борьбе против ополячения,*) — современный украинский литературный язык должен быть отнесен к литературным языкам западно-славянской (чешско-польской) традиции

V

Таким образом, рассмотрение всех современных славянских литературных языков, привело нас к выводу, что кроме языков сербохорватского и словенского, совершенно выпавших из всякой связи с литературно-языковыми традициями, современные славянские литературные языки по признаку примыкания к определенной традиции распадаются на две группы — — группу церковнославянской традиции (русский и болгарский литературные языки) и группу польско-чешской традиции (польский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижелужицкий и украинский литературные языки). Связь между литературными языками первой группы есть связь *по преемству*, связь же между литературными языками второй группы есть связь *по влиянию*. Различие это, конечно, об'ясняется разницей во времени возникновения источников традиции той и другой группы Староцерковнославянский язык возник в конце эпохи праславянского единства, т е тогда, когда отдельные славянские наречия относились друг к другу еще как разные диалекты одного языка, а не как самостоятельные языки. Поэтому, старославянский язык был в потенции еще общеславянским литературным языком. Пересадка его из Солуни в восточную Болгарию, из Болгарии — в Сербию и в Россию и живое взаимодействие всех этих его очагов были возможны именно потому, что в каждом из этих очагов он ощущался по сравнению с местным народным языком не как язык иностранный, а просто как язык литературный. И позднее, когда отдельные народные языки уже основательно разошлись, церковнославянский язык, напр., у нас в России, ощущался не как чужой, а просто как старинный, устаревший, но тем не менее свой — родной литературный язык. Напротив, основной источник западнославянской (чешско-

*) Мы констатируем этот факт, никого не осуждая. Было бы несправедливо приписывать вину в этом прискорбном факте уклонения украинского литературного языка от его естественного пути развития исключительно «щирым самостийникам». Виновато было также и русское правительство, проявившее в данном вопросе изрядную меру безтактности и создавшее своими немудрыми репрессивными мерами благоприятную обстановку для врагов России и русского племени.

польской) литературноязыковой традиции, язык старочешский, сложился как литературный язык уже тогда, когда отдельные славянские языки совершенно обособились друг от друга. Пересадка его, хотя бы в Польшу, была невозможна, а возможно было лишь его влияние на местный польский язык.

Между обеими группами славянских литературных языков существуют и линии связи. Влияние русского литературного языка на западнославянские, вообще, неособенно значительно Если в польском языке и есть некоторое количество русских (малорусских и белорусских) слов, то слова эти не литературного, а народноязыкового происхождения (напр., wesele, okolica, horodyszcze, hubka и т д.) Несколько сильнее следы русского влияния в чешском литературном языке деятели новочешского возрождения (особенно Юнгман) охотно черпали из русского словаря отдельные слова для восполнения пробелов, образовавшихся в чешском языке за время упадка его литературной традиции. К заимствованиям из русского словаря охотно прибегали и создатели словацкого литературного языка. Тем же искусственным способом попали в чешский (и словацкий?) литературный язык и некоторые церковнославянские слова, — б. ч. такие, которые имелись и в русском языке. — Обратное влияние западнославянской (чешско-польской) литературноязыковой традиции на русскую было гораздо сильнее. Мы уже упоминали о том, какое решающее влияние на русский литературный язык оказал переполненный полонизмами западнорусский литературный язык XVII-го века. Но и помимо окольного пути польский литературный язык повлиял на русский и непосредственно. Наконец, известное количество польских слов через Белоруссию и Украину проникло в разговорный язык русских горожан, а оттуда — в литературный язык. Таким образом, в русском литературном языке имеется довольно много польских слов. Тут и чисто польские слова, вроде *вензель*, *кий*, *огулом*, и характерные польские переделки немецких слов; вроде *рынок* (Ring), *крахмал* (Kraftmehl), *фартук* (Vartuch), или польские образования от немецких корней, вроде *кухня*, *кухарка*, *ратовать*, *рисовать*, *рисунок*, *будка*, и слова общеевропейские в польском фонетическом обличии, вроде *банк*, *аптека*, *почта*, *паспорт*, *музыка* (еще у Пушкина с ударением на ы), *папа*,*). Иногда польское происхождение трудно угадать, но оно выдает себя напр. ударением, напр., в *представитель* (по русски было бы *представитель*). Особенно интересны такие тоже несомненно польские по происхождению слова как *замок*, *право* (в значении j u s), *духовенство*, (ср. место ударения в *духовный*), *обыватель*, *мещане*, *прасомочный*, и т. д.: слова эти взяты

1) Слово *папа* вовсе не является самостоятельным созданием детского языка, как это принято думать. Оно заимствовано . Старинному русскому языку оно было чуждо. В простонародный язык оно проникло только недавно из языка городских мещан, получивших его из языка более высших классов (поскольку простонародны только *тятя батюшка*). В языке же высших классов слово это имеется в двух формах: — непосредственно заимствованной из немецкого *папа* (несклоняемое!), с ударением на втором слоге, господствовавшей еще недавно в великорусском дворянстве, и в форме заимствованной через польское посредство *папа* (склоняемое!), с ударением на первом слоге, господствовавшей в западно и южнорусском дворянстве.

из польского, но в самом польском они представляют из себя лишь ополяченную форму соответствующих чешских слов, которые, в свою очередь, являются искусственными «кальками» немецких слов Schloss, Recht, Geisthchkeit, Bewohner, Burger, rechtskräftig и т. д. В таких случаях, — число которых, конечно, может быть преумножено, — мы, следовательно, имеем дело с проникновением в русский язык через польское посредство известных элементов старочешской литературноязыковой традиции, характеризуемой, как указано было выше, зависимостью от традиции немецкой и латинской.*) Таким образом, влияние западнославянской (чешскопольской) литературноязыковой традиции на русский язык не подлежит сомнению.**)

VI

Итак, русский язык из всех современных славянских литературных языков имеет за собой наиболее долгую и непрерывную литературноязыковую традицию. Путем непрерывного преемства он восходит к староцерковнославянскому, т. е. к потенциально-общеславянскому литературному языку конца эпохи праславянского единства. Эта преемственная связь с старой и продолжительной литературноязыковой традицией сообщает русскому языку целый ряд преимуществ.

Прежде всего, — преимущество чисто внешнее: однородность и устойчивость самого внешнего облика русского литературного языка. Такая устойчивость и однородность может существовать только у языков, опирающихся на продолжительную чисто литературноязыковую традицию, и поэтому, совершенно независимых от народных говоров. Это особенно ясно при сравнении с языками, не имеющим традиции и созданными на основе народных говоров. Так, словацкий литературный язык сначала базировался на западнословацком, потом стал базироваться на среднесловацком наречии, при чем долгое время каждый писатель считал себя в праве писать на своем родном говоре, и диалектическую стабилизацию словацкого литературного языка и до сих пор нельзя еще признать окончательно законченной; то

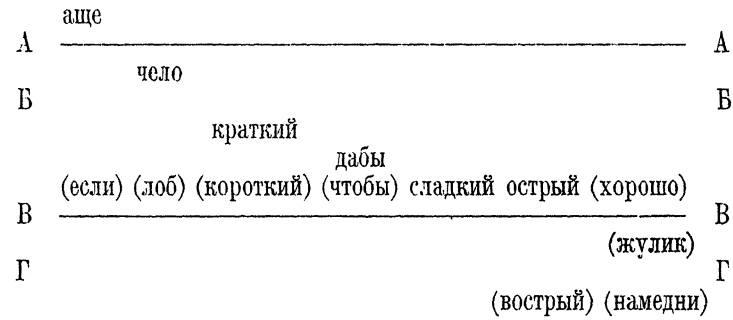
*) Вопрос осложняется тем, что некоторое количество «кальков» с романогерманских литературных языков было образовано на русской почве и совершенно независимо от западнославянского влияния, и что довольно большое число немецких, французских, голландских и т. д. слов проникло в русский литературный и разговорный язык и помимо польского посредства. Приходиться с досадой констатировать, что история словаря русского литературного языка до сих пор чрезвычайно мало изучена.

**) М. б. в русском литературном языке есть и слова, заимствованные непосредственно из чешского. Таким словом, м. б., следует считать напр. слово *набожный*, незнакомое церковнославянскому языку, из которого русский почерпнул почти всю свою религиозную терминологию. Правда, слово это из чешского языка проникло еще и в польский: но ударение на первом слоге русского слова *набожный* говорит скорее в пользу прямого заимствования из чешского, без польского посредства.

же наблюдается и в сербохорватском литературном языке, где канонизованное Вуком Караджичем довольно архаичное «йекавское» наречие борется за право «литературности» с менее архаичным «экавским»; наконец еще в большей мере это справедливо относительно украинского литературного языка, где неустойчивость и разнородность настолько велики, что практически под общим именем украинского языка существуют несколько довольно отличных друг от друга языков, — галицийский, буковинский, карпаторусский, восточноукраинский.

Но главные преимущества русского зяыка, зависящие от его преемственной связи с старославянским языком, касаются не внешней, а внутренней стороны его. Благодаря органическому слиянию в русском литературном языке церковнославянской стихии с великорусской, словарь русского языка необычайно богат. Богатство это заключается именно в оттенках значения слов. Целый ряд представлений допускает по русски два словесных выражения. одно по своему происхождению церковнославянское, другое-русское. Оба словесныя выражения дифференцируются в своем значении, при том, либо так, что церковнославянское слово получает торжественный и поэтический обертон, отсутствующий у соответствующего русского (*ладья : лодка, перст : палец, око : глаз, уста : рот, чело : лоб, дева : девушка, дитя : ребенок, великий : большой, согбенный : согнутый, хладный : холодный* и т. д.), либо так, что церковнославянское слово имеет переносное и более абстрактное, а русское — более конкретное значение (*обратить : оборотить, небрежный : небережный, страна : сторона, глава : голова, оградить : огородить, откровенный : открытый, равный : ровный, краткий : короткий, чуждый : чужой, мерзкий : мёрзкий, влачить : волочить, вопросить : спросить, разница : розница, биение : битье, древесный : деревянный* и т.д.) Эти соотношения оттенков значения обычны: лишь очень редко наблюдается обратное соотношение, когда напр. русское слово имеет специфический поэтический обертон, а церковно-славянское ощущается как прозаическое (*шлем : шелом, плен : полон, между : меж*). Соотношение между церковнославянской и великоруской стихией в словаре русского литературного языка можно представить в виде словарных пластов или этажей расположенных один под другим. Есть церковнославянские слова, невошедшие в литературный язык в собственном смысле, напр. *аще, яко, убо, токмо, егда, днесь, глаголю, реку, вертоград* и т.д. (назовем эти слова условно «тип аще») Употреблять такие слова в литературном произведении можно только при специальной сюжетной мотивировке, напр. при ведении рассказа от лица старообрядческого начетчика (как в «Запечатленном ангеле» Лескова). Далее, есть церковнославянские слова, употребление которых допустимо лишь в поэзии или в особо торжественном, напыщенном стиле, напр. такие названия частей тела как *чело, око, уста, вежды, брада, выя, длань, перст, чресла, чрево*, далее слова вроде *злато, млат, хлад, страж, твердь, дева* и т. д. («тип *чело*»). Соответствующие им великорусские слова (*лоб, глаз, золото*, и т. д.) употребляются в литературе и в разговоре без специфического оттенка вульгарности или простонародности. Далее идут слова церковнославянские, отличающиеся от соответствующих великорусских только своим переносным и абстрактным значением напр. *краткий : короткий, равный . ровный,*

чуждый . чужой, и т. д. («тип *краткий*») Следующий пласт составляют церковнославянские слова отличающиеся от русских только почти неуловимым оттенком большей «учености» вроде *ибо (: потому что)*, *дабы (: чтобы)*, *средина (: середина)* и т. д («тип *ибо*»), — слова , в сущности , просто «дублирующие» соответственные великорусские. Наконец, идут церковнославянские слова, просто совсем вошедшие в литературный язык, как книжный так и разговорный, неимеющие при себе великорусского дублета и несвязанные ни с каким специфически торжественным или абстрактным оттенком Такие слова можно подразделять еще на несколько групп· а) вошедшие и в народный говор, напр. *сладкий*, *облако*, *платок*, б) чуждые народному языку по самому своему значению . напр *раб*, *дерзкий*, *член*, в) такие, которые в литературном языке существуют без дублетов, но в народных говорах имеют чисто великорусские эквиваленты, не вошедшие в литературный язык, напр *острый*, *пламя*, *бремя*, *польза*, *помощь*, *пещера* (ср. чисто великорусские *вострый*, *полымя*, *беремя*, *польга*, *помочь*, *печора*, неупотребительные в литературном языке). Что касается до слов великорусских, то их можно делить на три группы а) одни входят в литературный язык (напр. *говорю*, *лоб*, *золото*, *короткий*, *середина*, *хорошо)*, б) другие употребительны в разговорном языке интеллигенции, но не допускаются в литературе без специальной *стилистической* мотивировки (*дуралей*, *жулик*, *пройдоха)*, в) третьи существуют только в народных говорах и могут быть введены в литературное произведение только при особой *сюжетной* мотивировке (напр. в рассказах из народного быта), напр. *вострый*, *тепереча*, *намедни*, *под микитки* и т. д. Графически получается следующая схема:



Примечание к схеме· — сплошные линии (АА′ и ВВ′) обозначают границы словаря собственно-письменного литературного языка; пунктирные линии (ББ′ и ГГ′) — границы словаря разговорно-литературного языка образованных русских; ниже линии ГГ′ и выше линии АА′ находятся словарные элементы, допускаемые в литературный язык только при специальной сюжетной мотивировке; части словаря , отграниченные с одной стороны сплошной , с другой — пунктирной линией (т. е. отрезка АА′ББ′ и ВВ′ГГ′), заключают в себе словарный материал допустимый в литературном языке только при определенной стилистической установке.*)

*) Следует заметить, что линии, начертанные на этой схеме, в процессе развития языка постоянно сдвигаются. Благодаря этому

Из факта сопряжения в словаре русского литературного языка двух основных стихий — церковнославянской и средневеликорусской, — об'ясняются и некоторые дальнейшие особенности и особые «удобства» русского языка. Прежде всего — совершенная техника образования «новых слов». Когда надо выразить какое-нибудь понятие, для которого в языке нет точного специального слова, то поневоле приходится «сочинять» новое слово, при чем это новое слово либо состоит из двух уже существующих слов (слитых или неслитых воедино), либо образовано при помощи разных суффиксов и префиксов от уже существующего слова по образцу других уже существующих. Для того, чтобы такие «новые слова» стали действительно «этикетками», обозначающими только данное понятие, как таковое , необходимо, чтобы те уже существующие «старые слова», из которых (или из частей которых) эти новые слова образованы, не имели слишком ярко-конкретного значения: иначе ассоциация с этими значениями будет мешать воспринимать данное слово как простую «этикетку» данного понятия И вот тут-то русскому литературному языку приходит на помощь его церковнославянская словарная стихия. Т. к. церковнославянские слова за редкими исключениями (вроде *сладкий*, *платок* и проч.) не ассоциируются в сознании с слишком конкретными представлениями обыденной жизни, они как нельзя более подходят именно для образования «новых слов» в вышеописанном смысле. Русская научная терминология создавалась поэтому преимущественно именно из церковнославянского словарного материала. Мы говорим *млекопитающие* и при этом представляем себе определенный класс животных, имеющих целый ряд общих признаков; слово это для нас такая же «этикетка», как *рыбы* или *птицы*. Но это именно потому, что составные элементы этого слова не великорусские, а церковнославянские. если слово *млекопитающие* заменить словом *молокомкормящие*, то «этикетки » не получится, а будет определенное «высказывание» лишь об одном, а не о всех признаках данного класса животных, — и это потому, что слишком конкретно и определенно-обыденно значение великорусских слов *молоком* и *кормить*. Точно так же, как *млекопитающие*, образованы напр. такие термины и «новые слова» как *млечный путь*, *присмыкающиеся*, *влияние* и многие другие· если бы вместо них составить слова из чисто-великорусских элементов (*молочная дорога*, *ползающие*, *вливанье*), то от ассоциаций с конкретными обыденными представлениями трудно было бы отделаться, и «этикетки» для соответствующих понятий

слова, заключенные в отрезках АА′, ББ′, и ВВ′,ГГ′, имеют склонность к переходу в соседние рубрики. Многие из слов, которые во времена Пушкина еще могли употребляться в торжественно стихотворной речи (т. е. принадлежали к «типу *чело*»), теперь ощущаются, как принадлежащие к «типу *аще*» (напр. слово *хлад*), или употребляются в переносном и абстрактном смысле, т.е. перешли в «тип *краткий*» (напр. слово *страж*). С другой стороны слово *намедни*, являющееся в настоящее время исключительно простонародным, еще сравнительно недавно употреблялось и «образованными» русскими в разговоре (но не в письменной литературе), т. е. принадлежало к «типу *жулик*». Другие слова «типа *жулик*», наоборот, так сказать «повышаются в чине» и становятся допустимыми и в письменной литературе без специальной стилистической мотивировки.

не получилось бы. Вообще, научному , философскому, публицистическому, вообще «теоритическому» языку очень часто приходится стремиться к тому чтобы обесплотить отдельные слова, потушить их слишком яркое конкретно-житейское значение Русский литературный язык уже обладает в этом отношении готовым словарным запасом церковнославянского происхождения, при чем весь этот церковнославянский запас слов, корней и формальных элементов по самому месту, занимаемому им в русском языковом сознании, уже является обеспложенным, потушенным. И это — громадное преимущество.

Но церковнославянская стихия оказывает русскому литературному языку и другие услуги. Еще Ломоносов совершенно правильно указал на то, что разные комбинации церковнославянской и великорусской стихий русского литературного языка порождают *стилистические* различия. Ломоносов различал еще только три стиля Но на деле таких стилей, конечно, гораздо больше. Русский литературный язык очень богат разнообразнейшими стилистическими возможностями. И если присмотреться внимательнее к словарным палитрам хороших русских стилистов, то придется признать, что это богатство стилистических типов и оттенков становится возможным только благодаря сопряжению в русском литературноязыковом сознании двух стихий, — церковнославянской и русской. Это сопряженние отражается не только в словарном составе , но и в синтаксическом строе отдельных стилистических типов. Выработавшиеся на переводах с греческого и по существу довольно искусственные синтаксические обороты церковнославянского языка сильно отличались от рудиментарно простых и в своей простоте мало разнообразных синтаксических оборотов чисто-великорусского разговорного языка. Но путем долгого сожительства в одном и том же языковом сознании грамотных русских людей оба эти синтаксиса применились друг к другу, и из их взаимодействия произошел целый ряд синтаксических стилей. Комбинация этих разных синтаксических типов с разными типами словарных наборов образует ту богато дифференцированную радугу стилей, которой отличается русский литературный язык.

Таким образом, сопряжение великорусской стихии с церковнославянской сделало русский литературный язык совершеннейшим орудием как теоретической мысли, так и художественного творчества. Без церковнославянской традиции русский язык вряд ли достиг бы такого совершенства.*) Наблюдая современный русский литературный язык, убеждаешься в том, что преемство древней литературноязыковой традиции есть громадное преимущество. В самом деле, ведь все то, что может выразить язык без такого пре-

*) Значение церковнославянского преемства явствует хотя бы из следующего частного факта. В русском народном языке причастия как таковые несуществуют. Некоторые старые причастия с чисто русским окончанием — *чий*, окаменели в виде прилагательных *(ходячий, стоячий, сидячий, лежачий, горячий, висячий, колючий, могучий, жгучий,)*, но они уже не сознаются как причастия, утратили способность конструироваться как глагольные формы (напр. уже не могут принимать прямого дополнения в винительном падеже) и почти утратили живую формальную связь с соответствующими глаголами (как о том свидетельствуют напр. случаи

емства, может быть выражено и русским языком, но , кроме того, русский язык может выразить и многое такое, чего язык без древнего литературно-языкового преемства выразить не может Преемство церковнославянской традиции есть драгоценнейшее богатство, это богатство было потенциально дано всем православным славянам, и добровольный отказ от него, наблюдаемый напр. в сербохорватском или украинском литературном языке, есть безумие, самооскопление

Сопряжение церковнославянской и великорусской стихии, будучи основной особенностью русского литературного языка, ставит этот язык в совершенно исключительное положение. Трудно указать нечто подобное в каком нибудь другом литературном языке Литературные языки мусульманского мира основаны всегда на сопряжении местного, народного языка с языком арабским, иногда еще и на сопряжении этих двух языковых стихий с персидской (напр. в турецком литературном языке) Но аналогия с русским языком здесь неполная, ибо дело идет о сопряжении языков совершенно различных, непохожих друг на друга не только по словарю, но и по всему своему грамматическому строю. арабский язык — семитический, персидский (а также афганский , хиндийский и т. д) язык — индоевропейский, а турецкий язык — туранский Эти языки по всей своей природе настолько различны, что неспособны слиться друг с другом в одно органическое целое и всегда продолжают существовать не смешиваясь друг с другом. То же следует сказать и о сопряжении японского народного языка с китайским в японском литературном языке: весь строй «корневого» китайского языка слишком отличается от строя «агглютинирующего» японского языка, и это делает невозможным их органическое слияние. Нет полной аналогии между русским литературным языком и романскими, напр. французским Правда, в французском языке мы находим использование латинских словарных элементов, напоминающее использование церковно-славянских элементов русским языком, и самое отношение французского языка, развившегося из вульгарно-латинского народного говора Галлии , к литературному латинскому языку несколько похоже на отношение великорусского языка, потомка восточнопраславянского народного говора, к языку церковнославянскому, являвшемуся в начале своего возникновения общеславянским литературным языком конца праславянской эпохи. Но, все же, аналогия неполная. Во первых французский язык гораздо сильнее отличается от латинского , чем русский от церковнославянского. В таких французских словах, как singe, ennemi, droit, voire, eau, haut, sauvage, трудно уже узнать их латинские прототипы simia, inimicus, directus, videre, aqua, altus, silvaticus, а в отношении грамматики французский язык представляет картину , совершенно и в корне отличную от латинского. Между русским и церковнославянским раз-

вроде *вонючий, плакучий, дремучий, сыпучий, неминучий, летучий, кипучий* с «неправильными» применением суффикса). Причастия русского литературного языка (*ходящий, колющий, могущий* и т. д) по своему происхождению церковнославянские, и существование их в русском литературном языке зависит от церковно славянского преемства. Следует только попробовать обойтись без причастий, чтобы убедиться хотя бы на этом частном случае, как обеднел бы русский язык без преемства церковнославянской традиции.

личия не так велики. Фонетические различия в большинстве своем были сглажены приспособлением церковнославянского языка к русскому произношению, и те немногие различия в этой области, которые еще сохранились (напр. *нощь — ночь*, *вижду — вижу*, *злато — золото*, *брѣгъ — берег*, *млѣко — молоко*, *растъ — рост*, *лень — лён*, *осмь — восемь*), настолько невелики, что не мешают свободному отожествлению церковнославянских слов с соответствующими русскими. В области грамматики русский язык утратил много форм, имеющихся в церковнославянском (ср. напр. церковнослав *ведохъ*, *веде*, *ведосте*, *ведоша*, *глаголаше*, *глаголаху*, *двѣ женѣ*, *двѣ селѣ*, *жено! рабе! учителю! сынови*, *людіе*, *словесе*, и т. д.), но, вобщем, сохранил те же принципы грамматического строя, что и церковнославянский язык. В силу этих обстоятельств введение церковнославянских элементов в русский язык производится с гораздо большей легкостью, чем введение литературнолатинских элементов в французский. Французский язык не может так свободно дублировать чистофранцузские слова соответствующими латинскими, как это делает русский язык, напр. заменяя русские слова *золото*, *берег* церковнославянскими *злато*, *брег* исключительно из стилистических соображений, для придачи речи торжественно-поэтического оттенка Часто французский язык бывает вынужден вводить латинское слово, чтобы заполнить пробел французской грамматики: так напр. в этом языке нет средств, чтобы образовывать прилагательные от существительных, и там, где такое образование необходимо, приходится просто вводить соответствующее латинское прилагательное (напр. aquatique, maritime, digital, feminin вм d'eau, de mer, de doigt, de femme и т.д). Но такие слова не ассоциируются ни с какими особыми стилистическими оттенками. Вообще, можно сказать, что слова заимствованные из латинского литературного языка сливаются с общим чистофранцузским словарным запасом гораздо менее органически, чем церковнославянские слова с великорусским словарным запасом.*) Таким образом, русский литературный язык в отношении использования преемства древней литературноязыковой традиции стоит, повидимому, действительно особняком среди литературных языков земного шара.**)

VII

Особые свойства русского литературного языка, как прямого продолжателя староцерковнославянской традиции должны бы придать ему и соот-

---

*) Это относится, конечно, только к современному французскому языку. В более древние периоды своего существования французский язык гораздо свободнее и органичнее ассимилировал слова, заимствованные из латинского литературного языка, и некоторые такие слова остались в языке и поныне , при чем ощущаются уже как чисто французские (noble, siecle, homme, grave и т. д.)

**) Быть может, нечто приближающееся к русскому языку в этом отношении представляет современный бенгальский литературный язык, основанный на санскритском литературном преемстве. Пишущий эти строки практически недостаточно знаком с этим языком, чтобы высказывать по этому поводу какие либо суждения.

ветствующее этим свойствам культурноисторическое значение. Т. к. старо-церковнославянский язык , как мы видели выше, был по своему замыслу общеславянским литературным языком конца эпохи праславянского единства, и. т. к. за исключением русского литературного языка ни один из славянских языков не сохранил непрерывной преемственности церковнославянской традиции, то естественно было бы русскому литературному языку стать языком культурных и деловых сношений между отдельными славянскими народами. Для этого необходимо было бы прежде всего введение обучения русскому языку в качестве обязательного предмета во все средние и технические учебные заведения славянских стран. Однако , до сих пор это было сделано только в одной Болгарии В прочих славянских странах мы пичего подобного не наблюдаем, и даже теперь, после мировой войны русский язык изучается в Германии и в Англии пожалуй больше, чем в получивших политическую независимость славянских государствах. На разных славянских конгресах теперь принято, чтобы каждый оратор говорил на своем родном языке (или, в крайнем случае, по французски!), — что, конечно, отнюдь не способствует взаимопониманию, т. к. славянские *литературные* языки отличаются друг от друга гораздо сильнее, чем соответствующие *народные* языки

Таким образом, в силу разных политических и исторических причин русский литературный язык *в настоящее время* не может стать орудием междуславянского общения, несмотря на то, что по своей природе имел бы для этого все данные. За то в силу других, опять таки историкокультурных, причин русский язык фактически является и будет являться орудием культурного, политического и делового общения между народами России-Евразии. До революции русский язык был единственным оффициальным государственным языком для всей территории Российской Империи. При советском строе пелый ряд областей России с нерусским коренным населением были признаны автономными и в некоторых из этих областей права оффициального государственного языка получил местный не-русский язык, при чем для некоторых народов, прежде вовсе или почти совсем неимевших письменности, пришлось создавать и письменность и новые литературные языки (на основе народных говоров). Рядом с этими местными оффициальными языками продолжает однако существовать и язык русский, являющийся и в настоящее время общим оффициальногосударственным языком всего С. С. С. Р. Конечно, трудно предугадать, как сложится в дальнейшем история отдельных возникших при советском строе автономных областей и республик, все ли они окажутся одинаково жизнеспособными и долговечными. Но следует думать, что если не все, то большинство тех нерусских литературных языков, которые за время образования помянутых автономных областей и республик получили права оффициальных языков, останутся существовать и будут развиваться дальше. Таким образом , в результате революции число литературных языков в России значительно увеличится. Однако, русский литературный язык от этого не утратит своего культурного и государственного значения. Не говоря уже о том, что он остается сейчас общим государственным языком всего «Союза Советских Социалистических Республик» и останется таковым и впредь, независимо от того, какие

перемены произойдут со временем в государственной конструкции и строе этого «Союза», — можно с уверенностью утверждать, что он останется и языком культурного и делового общения между представителями разных народов, входящих в состав России-Евразии. Образованный зырянин будет всегда говорить с образованным грузином именно на русском литературном языке. Мало того, если литературные языки народов России-Евразии будут развиваться естественно*), все они неизбежно испытают на себе сильное русское влияние. Это так же естественно, как то, что и соответствующие народно-разговорные языки подвергаются, правда в разной степени, русскому влиянию. Те из инородческих литературных языков, которые возникли недавно и выросли главным образом за время революции, формируются преимущественно на переводах с русского и, таким образом, естественно примыкают к русской литературно-языковой традиции совершенно так же, как в свое время предок русского литературного языка староцерковнославянский язык, формировавшийся на переводах с греческого , примкнул к литературноязыковой традиции греческой. Но даже и те из не-русских литературных языков России-Евразии, которые имеют за собой многовековое самостоятельное литературное преемство (напр грузинский) или опираются на традицию неменее древнюю, но чужую (напр. на арабскую, как татарский) уже испытали и продолжают испытывать влияние русского литературного языка, благодаря тем же массовым переводам с русского и живому общению соответствующих интеллигентных кругов с русскими. Во всех литературных языках народов России-Евразии неминуемо появляется и еще появится масса «новых слов», созданных по образцу соответствующих русских, масса словесных оборотов, дословно воспроизводящих русские, — неговоря уже о том, что неизбежно проникают в эти языки и прямо отдельные русские слова или иностранные слова в русской передаче. Таким образом, русский литературный язык в пределах разноязычного евразийского мира играет и будет играть роль мощного очага литературноязыковой традиции. Существует сейчас и будет существовать и впредь зона литературноязыковой радиации русского языка, подобная таковой же зоне греческого , латинского и т д. языков. «Радиация» эта сказывается в определенной организации словарей и фразеологии литературных языков соответствующей зоны. В свое время церковнославянский язык возник в зоне радиации греческого, примкнул к греческой традиции, и, будучи для своей эпохи общеславянским литературным языком, мог позднее путем преемства традиции дать начало новым славянским литературным языкам; но это преемство сохранил один только русский язык, который ныне сам становится очагом радиации для новой зоны, уже не славянской, а евразийской.

В связи с этим хотелось бы сказать несколько слов и о русском алфавите.

Выше мы уже говорили, что так называемая «кириллица» возникла на

*) Под развитием «естественным» разумеем развитие автоматическое без влияния посторонних (политических и иных) факторов, в противуположность неестественному или «искусственому» (регулятивному) развитию, совершающемуся под давлением определенных политических или национальных идеологий или правительственных мероприятий.

основе греческого заглавного алфавита (с присоединением нескольких букв, взятых в довольно сильно измененном виде из так называемой «глаголицы».) Этот алфавит претерпел в дальнейшем довольно значительные изменения, из «устава» превратился в «полуустав», потом в «скоропись». Наконец, при Петре тот же алфавит превратился в «гражданский шрифт», путем приближения начертания букв к латинице, и этот гражданский шрифт, подвергшись еще целому ряду мелких изменений в течение XVIII-го и первой половины XIX-го века, наконец, принял тот вид, в котором он существует и поныне. Нельзя сказать, чтобы этот шрифт вполне был приспособлен к звуковому составу русского языка, к тем звукопредставлениям, которые живут в русском языковом сознании.*) Но все же, благодаря долгому применению, гражданская кириллица плотно пригналась к русскому языку и вошла в систему языкового сознания грамотных русских.

Мы сказали выше, что русский литературный язык, благодаря ряду исторически сложившихся обстоятельств, стал очагом литературноязыковой радиации для целой зоны литературных языков Евразии. Обычно такая литературноязыковая радиация связана и с радиацией алфавита : так, греческий алфавит возникший сам из финикийского, в древнее время породил латинский, позднее — готский и оба церковнославянские (глаголицу и кирилицу), латинский же послужил основой для графических систем всех европейских языков. То же явление наблюдается в настоящее время и с русским алфавитом. Таким образом, для культурной роли русского алфавита важно не только то, насколько он приспособлен к русскому языку, но и то насколько на его основе можно построить алфавиты для других языков Евразии. И следует признать, что в этом отношении русский алфавит представляет громадные удобства и приспособлен для такой роли гораздо больше, чем какие либо другие алфавиты Европы, Евразии и Азии. Для того, чтобы построить новый алфавит на основе старого приходится во первых снабжать отдельные буквы подстрочными надстрочными знаками (напр. в французском языке é, è, ê, в немецком—a,o,u и т д.), во вторых—использовать некоторые «лишние» буквы старого алфавита, придавая им особое значение (ср. напр. латинское *y*, использованное в каждом европейском алфавите в другом значении) и наконец — вводить совершенно новые буквы (напр w, первоначально чуждое латинскому алфавиту). Над русским алфавитом все эти манипуляции производить гораздо легче, чем над каким либо другим. Этот алфавит почти не имеет букв уже снабженных подстрочными или надстрочными знаками (в

*) Русская фонетика основана на игре двух резких противупоставлений: противупоставления ударяемых гласных безударным и противупоставления мягких согласных твердым. Из этих двух фундаментальных противупоставлений первое на письме не выражается вовсе, а второе — лишь очень неполно , а порою и прямо неточно: напр. отличие между *томный* и *темный* для языкового сознания стоит в качестве согласных (*тъ : ть*), а на письме выражается качеством гласных (*о : е*). Нет в кириллице и знаков для некоторых существующих в языковом сознании звуков, напр. для j или для долгого мягкого *жж*, изображаемого то через *зж (возжи)*, то через *жж (жжет)*, то через *жд (дождик)*, при чем все эти три написания двусмысленны,

противоположность напр. арабскому алфавиту, где большинство букв уже снабжены одной, двумя или тремя подстрочными или надстрочными точками); большинство русских букв не выходят за пределы строчки ни вверх, ни вниз (в противоположность напр. латинскому алфавиту с его t, d, b, f, p, q, h, k, l, y,). Это значительно облегчает создание новых букв путем снабжения старых надстрочными и подстрочными точками, черточками, крючками и проч. Число «лишних букв», могущих быть использованными в новом значении для нового алфавита , в русском алфавитѣ довольно велико (v, ѳ, i, ъ, и т. д.), особенно если принять во внимание и буквы, существовавшие в церковной кириллице, но невошедшие в гражданскую («зѣло», «юсы», восмеркоподобное у, омега и т. д.) . Самое число букв с реальным звуковым значением настолько велико, что добавлять новые знаки или комбинированные начертания к русскому алфавиту приходится гораздо меньше чем напр. к латинскому, неимеющему напр. букв для звуков *ш*, *ж*, *ч*, *х* и т. д.. Наконец, благодаря самой истории русского гражданского шрифта, возникшего путем приспособления церковной кирилицы (представляющей из себя стилизованное видоизменение греческого алфавита) к начертаниям латиницы, — к русскому алфавиту можно по мере надобности присоединять отдельные греческие и латинские буквы почти ненарушая общего графического стиля.*) Таким образом , по своей гибкости и приспособляемости к звуковой системе разнообразнейших языков русский алфавит занимает совершенно исключительное положение.

Естественно поэтому, что целый ряд недавно возникших не-русских литературных языков Евразии использовали для создания национального алфавита именно русский гражданский шрифт. Некоторые из этих языков по самому свойству своей фонетики допускают простое применение русского алфавита без всяких изменений (напр. мордавский язык, особенно в своем «эрзянском» наречии). Другие (напр. чувашский, черемисский, вотский, зырянский) применяют русский алфавит с видоизменениями и с добавлением новых букв. В качестве естественной основы для национальных алфавитов нерусских литературных языков Евразии, русская гражданская кирилица неизбежно конкурирует с другими алфавитами. Некоторые из этих других алфавитов имеют все основания для того, чтобы уцелеть. Так, грузины имеют свой национальный алфавит освященный более чем тысячелетней исторической традицией и прекрасно приспособленный к грузинскому языку; конечно, о замене его каким либо другим не может быть и речи, и, мало того. этот грузинский алфавит естественно должен стать основой письменности и для мингрельского и сванского языков—ближайших родичей грузинского**)

Буддисты Евразии пользуются особыми алфавитами , восходящими к древнеуйгурскому, который в свою очередь происходит от арамейского ал-

---

*) Есть еще один способ образования новых букв, именно — переворачивание старых: в русском языке таким способом была образована в XVIII-м веке буква э.

**) Но уже к абхазскому языку грузинский алфавит неприменим, хотя древняя культурная связь между Абхазией и Грузией подсказывала бы приспособление к этому языку именно грузинского алфавита.

фавита, занесенного в Монголию несторианскими миссионерами. Эти «монгольские» алфавиты вобщем очень хорошо приспособлены к передаче звуков соответствующих языков, но за то чрезвычайно неэкономны и неудобны с типографской точки зрения У бурят с этим алфавитом конкурирует другой, созданный на основе русской гражданской кирилицы, и следует думать , что при дальнейшем развитии и интенсификации национальной письменности такой созданный на основе кирилицы национальный алфавит вытеснит из употребления алфавиты монгольско-уйгурского типа не только у бурят, но и у калмыков, а м б и у самих монголов.

Гораздо сложнее вопрос о национальных алфавитах некоторых мусульманских народов Евразии До сих пор эти народы пользовались для своей письменности арабским алфавитом. Но этотъ последний является одним из наименнее совершенных алфавитов передней Азии, и приспособление его к передаче звуков отдельных языков (напр кабардинского , чеченского и др.) связано с громадными трудностями. Это обстоятельство сильно тормозило развитие письменности у названных народов. Тем не менее , эти народы до сих пор упорно держались арабского алфавита. Об'яснялось это религиозными соображениями и известным предубеждением мусульманских народов, готовых во всем подозревать попытки насилия над их религиозными убеждениями. Но в этом отношении мусульманский мир теперь переживает значительные изменения: отвращение ко всякому продукту немусульманской культуры, диктовавшееся сначала фанатизмом и заносчивостью победителей, а потом — инстинктом национального самосохранения порабощенных, теперь постепенно исчезает и сменяется стремлением извне заимствовать средства и методы национального самоутверждения. При этих условиях неуклюжий и неудобный арабский алфавит вряд ли способен долго сохранять свое господствующее положение среди мусульман-неарабов. А из всего пред' идущего явствует, что исторически наиболее естественной и технически наиболее удобной основой для национальных алфавитов мусульманских народов Евразии является гражданская кирилица. Однако, это наиболее естественное решение до сих пор оказывалось неприемлемым: попытки составить национальный алфавит на основе гражданской кирилицы встречались мусульманами недоверчиво и истолковывались как покушение на национальную самобытность, как прием руссификации. Поэтому, за последнее время избран был другой путь, именно — составление национальных алфавитов для мусульманских народов на основе латинского шрифта. Большинству мусульман Евразии латинский алфавит совершенно незнаком; поэтому, когда им предлагают азбуку для их языка, составленную на основе латиницы, азбука эта в их сознании не ассоциируется ни с какой другой и воспринимается как совершенно особая, специально для их языка изобретенная. Это обстоятельство сообщает алфавиту, составленному на основе латиницы, преимущество перед алфавитом, основанным на кирилице, так как этот последний ассоциируясь с русским, воспринимается, как видоизмененный русский алфавит: если против алфавита, основанного на кирилице, приверженцы арабского письма всегда могут выставить обвинение в том, что этот алфавит является-де средством руссификации, то против алфавита, основанного на латинице, такого обвинения выставить невозможно. Поэтому, мы видим, что

новые алфавиты, основанные на латинице в настоящее время вводятся в целом ряде автономных республик с мусульманским коренным населением (в Башкирской, в Азербейджанской республиках, в Кабардинской, Балкарской, Карачаевской, Чеченской и Адыгечеркесской автономных областях). Трудно, конечно, предсказать, как дело пойдет дальше, но пока эти основанные на латинице алфавиты как будто успешно конкурируют с арабским. Явление это, конечно, нельзя не признать уродливым. Ведь сам по себе латинский алфавит, хотя, конечно, и удобнее арабского, но все же настолько убог и неудобен, что даже большинство романогерманских народов лишь с трудом приспособили его к своим языкам (вспомним хотя бы те орфографические фокусы и ухищрения, к которым приходится прибегать английскому и французскому языкам!). Поэтому нероманогерманские народы принимают для своих языков латинский алфавит только в тех случаях, когда они так или иначе вынуждены изучать один из романогерманских языков, — т. е. когда они попадают в духовную или материальную зависимость от какого нибудь романогерманского народа (в силу аннексии, колонизации или при принятии одного из романогерманских вероисповеданий)· тогда принятие латинского алфавита, несмотря на все убожество этого алфавита , является целесообразным, ибо позволяет детям в школе вместо двух алфавитов изучать один. В упомянутых выше мусульманских советских республиках и автономных областях этих условий нет налицо: слава Богу, ни одна из этих республик и областей не завоевана каким-либо романогерманским народом, так что ни в одной из них ни народным массам, ни детям в школе не приходится изучать какого-либо романогерманского языка, пользующегося латинским алфавитом. Таким образом, единственным стимулом, понуждающим евразийских мусульман принять за основу своей письменности не кирилицу, а латиницу, является суеверная боязнь руссификации.*) Надо надеяться, что современем обстоятельства изменятся: боязнь руссификации имеет свои исторические причины, но с изменением характера русско-инородческих отношений основания этой боязни постепенно должны исчезнуть, а с ними вместе исчезнет и самая боязнь. Тогда станет психологически возможной, а следовательно , практически неизбежной замена противуестественного для евразийских мусульман латинского алфавита национальным алфавитом, основанным на гражданской кирилице, — замена, подсказываемая историей, техническими удобствами и педагогической целесообразностью. С углублением национального самопознания, которое неизбежно должно привести все народы Евразии к сознанию кровного, психологического и культурноисторического общеевразийского братства, к сознанию этнопсихологического единства Евразии, как особого мира, — гражданская кирилица перестанет быть для евразийских мусульман жупелом

*) Для некоторых мусульманских деятелей, впрочем, стимулом является еще и тот престиж, которым продолжает пользоваться всё «европейское» в глазах провинциальной интеллигенции и полуинтеллигенции, знающих о европейской культуре больше по наслышке, а также ложное (навязанное общероманогерманским шовинизмом) представление об «интернациональности» и «общечеловечности» элементов романогерманской культуры.

или символом руссификаторских происков центрального правительства, а станет символом утверждения общеевразийской культурноисторической индивидуальности, в противуположность латинскому алфавиту, этому символу обезличивающего империализма романогерманской цивилизации и воинствующего общероманогерманского шовинизма, лицемерно прикрывающегося личиною «интернациональности» и «общечеловечности» Таким образом, весьма вероятно, что переход от арабского алфавита к латинскому, вызванный психологическими причинами чисто временного характера, окажется неокончательным и послужит только как бы трамплином для окончательного перехода мусульман Евразии к национальным алфавитам, построенным на основе гражданской кирилицы.

Итак, русская гражданская кирилица играет роль основы для национальных алфавитов разных нерусских литературных языков России-Евразии. В настоящее время она сослужила уже эту службу христианским или частично-христианизованным народам России-Евразии (кроме христиан Закавказья, имеющих свои собственные алфавиты совсем иного происхождения), а в будущем ей предстоит, м. б. с'ыграть ту же роль и для некоторых нехристианских народов. Зона радиации русской гражданской кирилицы совпадет, таким образом, с зоной радиации русского литературного языка.

VIII

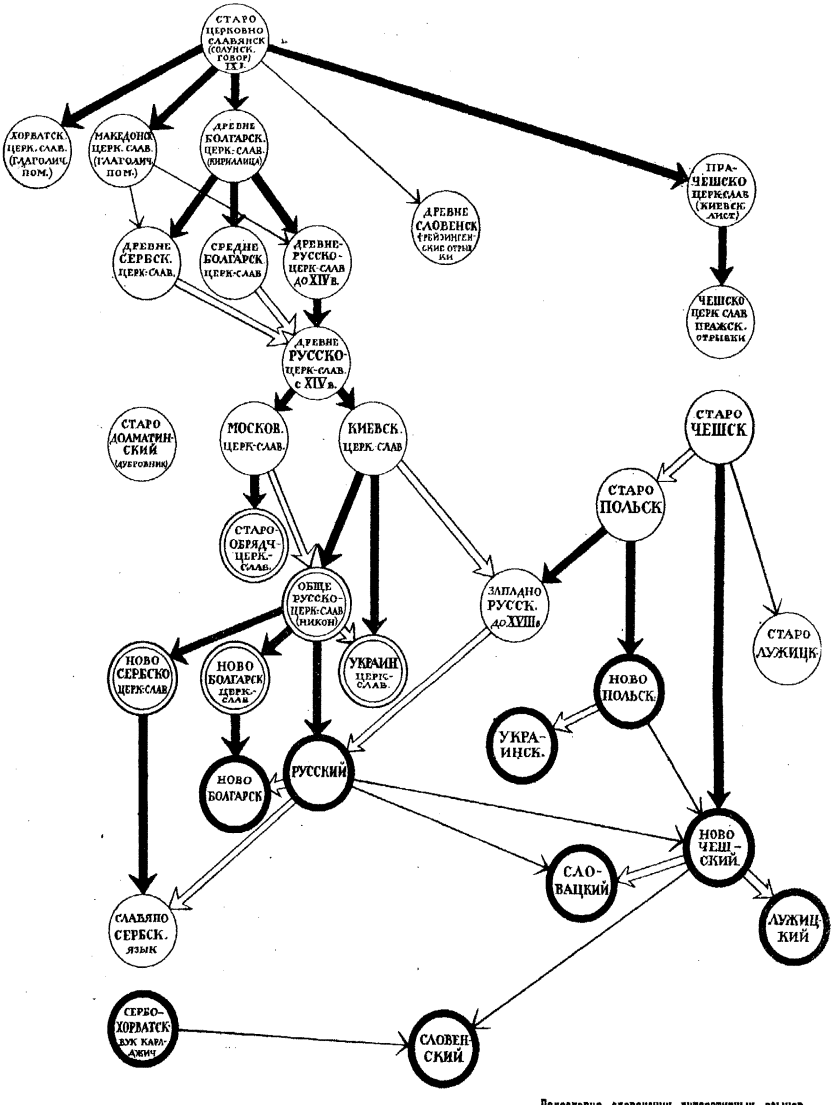
Русский литературный язык есть общеславянский элемент в русской культуре и представляет из себя то единственное звено, которое связывает Россию с славянством. Говорим «единственное», ибо другие связывающие звенья призрачны. «Славянский характер» или «славянская психика» — мифы. Каждый славянский народ имеет свой особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк так же мало похож на болгарина как швед на грека. Не существует и общеславянского физического, антропологического типа. «Славянская культура» — тоже миф, ибо каждый славянский народ вырабатывал свою культуру отдельно, и культурные влияния одних славян на других нисколько не сильнее влияния немцев, итальянцев, тюрков и греков на тех же славян. Этнографически славяне принадлежат к различным этнографическим зонам.

Итак, «славянство» не есть понятие этнопсихологическое, антропологическое, этнографическое или культурноисторическое, а понятие *лингвистическое*. Язык, и только язык связывает славян друг с другом.*)Язык является единственным звеном, соединяющим Россию с славянством. Мы ви-

*) Можно сказать, что «славянство» является «районом однопризнаковым», при чем единственным признаком районирования является язык, между тем как каждый отдельный славянский народ входит совместно с своими неславянскими соседями в разные «многопризнаковые районы» (напр. болгары — в балканскую этнографическую зону). О терминах «однопризнаковый» и «многопризнаковый» район см. П. Н. Савицкий в «Эконом. Вѣстн.» кн. III (Берлин 1924) стр. 242 сл.

дели, что по отношению к языку русское племя занимает среди славян совершенно исключительное по своему историческому значению положение. Будучи модернизованной и обрусевшей формой церковнославянского языка, русский литературный язык является единственным прямым преемником общеславянской литературноязыковой традиции, ведущей свое начало от святых Первоучителей славянских, т.е. от конца эпохи праславянского, единства. Но вглядываясь пристальнее в ту роль, которую играл , церковнославянский язык в образовании русского литературного языка , мы замечаем одно любопытное обстоятельство . церковнославянская литературноязыковая традиция утвердилась и развилась в России не столько потому, что была *славянской*, сколько потому, что была *церковной* Это обстоятельство чрезвычайно характерно для русской истории Россия-Евразия — страна-наследница. Волею судеб ей приходилось наследовать традиции, возникшие первоначально в иных царствах и у иных племен, и сохранять преемство этих традиций даже тогда, когда породившие их царства и племена погибали, впадали в ничтожество и теряли традиции. Так, унаследовала Россия традицию византийской культуры и хранила ее даже после гибели Византии, унаследовала Россия и традицию монгольской государственности, сохранив ее даже после впадения монголов в ничтожество, наконец, унаследовала Россия и церковнославянскую литературноязыковую традицию, и хранила ее, в то время как гибли один за другим древние центры и очаги этой традиции. Но любопытно при этом, что все эти унаследованные Россией традиции только тогда становились русскими, когда сопрягались с Православием. Византийская культура с самого начала была для русских неотделима от Православия, монгольская государственность только православившись превратилась в Московскую, а церковнославянская литературноязыковая традиция только потому и могла принести плод в виде русского литературного языка, что была церковной, православной.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.



Родословие славянских литературных языков.

(К статье „Общеславянский элемент в русской культуре").

Тонкие стрелы обозначают направление влияния.

Толстые белые стрелы—направление сильного влияния.

Толстые черные стрелы—преемственность.

Кружки, обведенные тонкой линией—мертвые языки.

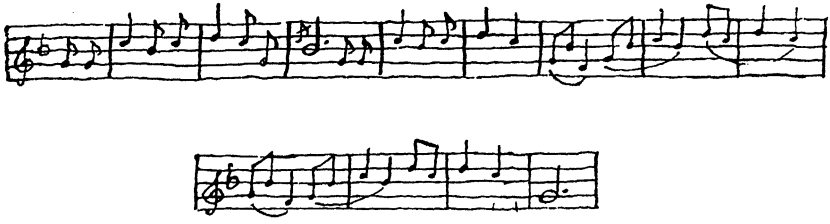
Кружки, обведенные двумя тонкими линиями,—языки, живущие и поныне, но лишь въ церковно-богослуж. употребл.

Кружки, обведенные толстой линіей—живые литературные языки.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Великорусская народная песнь в «индокитайской» (пятитонной) гаммѣ:

Свадебновеличальная песнь (Арханг. губ.):

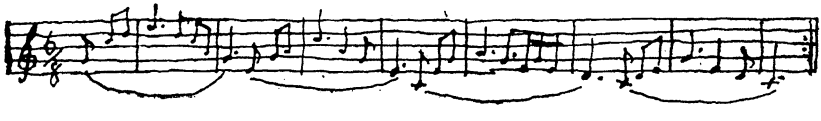


(к ст. «Верхи и Низы Русской культуры»)

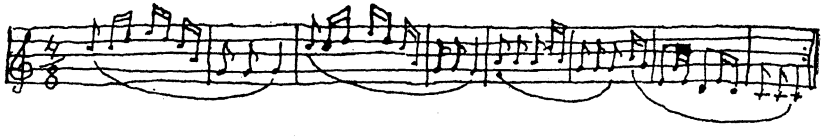
Тюркские песни

в «индокитайской» (пятитонной) гамме:

Мещеряцкая:



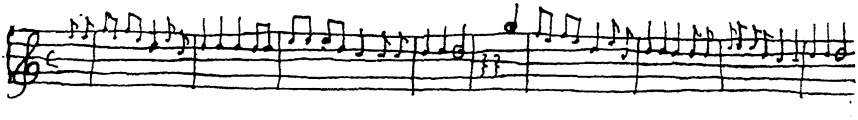
Казанско-татарская:



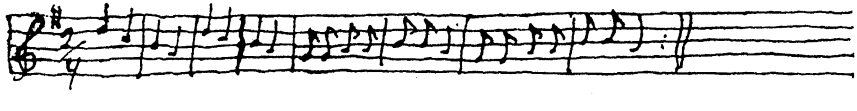
Угрофиннские песни

(диапазон-не шире квинты)

Остяцкая:



Эстонская:



к ст. «Туранский элемент в русской культуре»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3

Об истинном и ложном национализме 10

Верхи и низы русской культуры 21

О туранском элементе в русской культуре 34

Общеславянский элемент в русской культуре 54

Impr. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.